

И Р И Н А
М А У Л Е Р

ПОД ЗНАКОМ
перемён,
или
Любовь
эмигрантки

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6Р
МЗ5

*В оформлении использована работа Ирины Маулер
Художники М. и Л. Орлушины*

Маулер И.

МЗ5 Под знаком перемен, или Любовь эмигрантки. — М.:
Водолей Publishers, 2005. — 192 с.

ISBN 5-902312-29-9

Технический редактор А. Ильина
Корректор В. Лихачева

Подписано в печать 25.12.04. Формат 84х108/32
Бумага офсетная. Гарнитура Гарамонд
Печать офсетная. Печ. л. 6.
Тираж 2000 экз. Заказ №

Издательство «Водолей Publishers»
119330, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б
тел. (095) 276-30-84

Отпечатано в ИПШ «Триф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

ISBN 5-902312-29-9

© Маулер И., 2005
© М. и Л. Орлушины,
оформление, 2005
© Водолей Publishers, 2005

ЛЕНА И ЭДИ

В САМОЛЕТЕ было шумно и душно. Дети бегали, кричали грудной ребенок, а стюардессы безостановочно сновали по салону. Зато родителей как будто в самолете не было. Из последних сил, упикаясь в удобные кресла, они, казалось, отключились от тяжелого перехода из бывшей жизни в жизнь будущую, неизвестную, но от усталости уже не путающую. В самолете летели евреи. Разные: бухарские — многоговорящие и прибалтийские — тихие, русские, украинские, всякие евреи, страшно похоже на тот народ, среди которого жили.

Лене повезло, место оказалось у окна, и Линочке хотя бы с одной стороны никто спать не мешал; правда, ножки все время съезжали на чьи-то соседские эlegantные брюки. Надо будет извиниться, подумала Лена, но глаза как-то сами закрылись.

— Я не дам тебе развод, и ты никому не уедешь, тебе там нечего делать. Там жара, война и безработица. А ты, ну что ты сможешь, кому там нужны твои якобы стихи? Или ты сможешь работать инженером? Великий специалист, тебя и здесь отовсюду увольняли.

Андрей сверлил ее ненавидящим взглядом.

— А что там будет делать моя дочь, что ты ей сможешь там дать?

Лена вздрогнула и открыла глаза. Наверное, она что-то говорила во сне, потому что кто-то участливо тротал ее за руку.

— У вас все в порядке? — услышала она приятный мужской голос соседа. — Что-то случилось? — настойчиво повторил

он, и Лена, повернув голову, увидела совсем близко близорукие, внимательные глаза.

— Да нет, это случилось уже в прошлом и, надеюсь, не повторится никогда...

Лене почему-то очень захотелось рассказать этому первому встречному все. И боль расставания с бывшим мужем, и надежды на новую жизнь, и страх, который, сколько она себя помнит, всегда жил в ней, — страх одиночества. Но ведь она уже не одна, у нее дочка, а значит, надо жить и бороться.

— А в данный момент все замечательно. — И она улыбнулась, глядя, как уютно спит маленькая Линочка. — Лечу устравать новую жизнь. А вы? Что-то не похоже вы на переселенца.

— Не новый, это правда, уже пятнадцать лет как уехал, — весело парировал сосед.

— Ну и что вы мне можете рассказать? Что это за страна, куда нас всех, — и она обвела взглядом самолет, — несет?

Сосед задумался, и Лене показалось, что он не знает, что ей ответить. Но когда он заговорил, она поняла, что ошиблась.

— Это особая земля. И не удивляйтесь тому, что сейчас услышите. Это живая земля. Она чувствует ваше к ней отношение и либо дает все, либо — ничего. Я не сразу это понял, но мне повезло: когда понял, было еще не поздно. — Он как будто был где-то далеко, но встряхнулся и продолжил: — А давайте знакомиться. Я — Эди, это сокращенно Эдуард. Пытался сохраниться под этим именем, но не выдержал и, чтобы не обывали всякими странными именами, стал Эди. Эди Бромберг, сорока четырех лет. В данный момент лечу из Вены. — Он интригующе замолчал. — Хотите знать, зачем туда летал?

— Конечно, хочу, — благовопитанно ответила Лена, но ей хотелось сказать: «Какого черта ты мне рассказываешь про Вену, у меня же ни кола ни двора, ни денег, ни работы, ни друзей, ни знакомых, ты бы лучше про Израиль...»

И Эди как будто прочитал ее мысли:

— Да нет, про это в другой раз. А сейчас лучше про город Ришон ле-Цион, в котором я живу, и, может быть, вам тоже захочется в нем поселиться. А кстати, откуда вы сами, милая девушка по имени... Ведь вы не сказали, как вас зовут?

4

— Лена. Лена Лисьянская. Бывшая жительница столицы.

— Ну так вот, Леночка, представляйте себе провинцию, нет, не грязную, пропитанную винными парами, грубую и холодную, а совсем другую — жаркую, маготабаритную и поэто-му удобную для использования, в которой большая часть русскоговорящего населения либо родственники, либо друзья, либо родственники друзей. То есть все обо всех знают всё. И поэтому здесь царит великая вещь — протекция. Так что я вам еще смогу пригодиться, — и Эди многозначительно улыбнулся.

«Бабник, — подумала Лена, но тут же оогнала от себя эту мысль. — А впрочем, почему бы и нет, мужик он симпатичный, может, и выправду поможет». И, глядя Эди прямо в глаза, ответила с вызовом:

— Буду вашей должницей.

Выйдя из самолета, Лена удивилась теплоте, пропитанному запахами цветущих альпсиров воздуха апреля. Но рас-слабляясь времени не было: Линочка, видно, была голодна и сильно капризничала, а Эди как будто растаял в воздухе. «Что же делать? — в растерянности подумала Лена. — Куда же идти?» И решила идти за толпой. Толпа плавно привела ее к какой-то неприятной толстухе, грязно и плохо одетой, которая по очереди всех записывала и что-то давала в руки.

— Мать-одиночка?

Официальное название ее положения почему-то неприятно резануло ухо. «Странно, — подумала Лена, — ну жели это про меня?»

— Чего молчишь, вот, не потеряй, — и она дала Лене в руки какой-то листок. — Завтра с ним приходишь и получишь документы. — Толстуха уже подывала к себе следующего, а Лена все ошарашенно смотрела на нее. Завтра, а куда же сегодня?

Но Линочка продолжала что-то требовать, и Лена, очнувшись, посмотрела по сторонам. «Наконец-то!» — она облегченно вздохнула: в противоположном конце зала Эди с кем-то заканчивал разговор.

Лена торопливо подошла к Эди, таща за собой недовольную дочку.

5

— Ну, куда же вы пропали, я вот не знаю, как отсюда выбраться, — и она обвела рукой зал, как бы объясняя свою растерянность.

Эди невольно попроцался с собеседником и как-то уж слишком официально, как будто не было у них долгого разговора в самолете, пригласил:

— Идемте, я вас провожу на такси.

«Ничего себе, какой важный, быстро же он изменился, может, я его компрометирую?» — пронеслось у Лены в голове.

— Ну что вы, Леночка? — вдруг улыбнулся Эди, когда они вышли на улицу. — Думали, что я вас брошу там одну? Ни за что. Я вас даже довезу до лучшего в мире отеля на берегу Средиземного моря, в город дочери моря, или, по-нашему, Бат-Ям. Отдыхайте, распаковывайтесь, а завтра я вам позвоню.

Всю дорогу Эди молчал. Казалось, он что-то обдумывал, и это что-то не давало ему покоя. Они ехали по пустынной трассе, горели фонари, луна низко висела огромным белым шаром над самым стеклом машины, и Лене казалось, что все то, что сейчас происходит, — ирреально и невозможно. Низкорослый скупой пейзаж не впечатлял, а наоборот, заставлял сравнивать его со вечерним, оставленным уже, наверно, навеселем, таким сроднившимся с ней, среднерусским. «Ну, хватит сентиментальничать, — спохватилась Лена, — так и затосковать недолго, а мне эта роскошь сегодня не по карману».

Карманы у Лены и вправду были почти пусты. С собой ей удалось наскрести несколько сот долларов, и когда она вспоминала об этом, ей становилось как-то не по себе. «Ничего, — успокаивала она себя, — не в деньгах счастье...» И сразу вспоминала продолжение фразы: «...когда их у тебя много». Но ближайшего будущего, когда денег будет много, она пока для себя не представляла. Но зато она была молода и красива. В этом ее убеждали все ее друзья, и она понимала, что это правда: каждый мужчина считал своим долгом проводить ее в свой дом, и взгляд, как говорится, был достаточно выразительным. Но, несмотря на всеобщее восхищение, Лена не была уверена в себе. Конечно, муж, оставшись в Москве, приложил для этого немало усилий. Казалось, он ревновал ее к себе самой, называл ее посредственной дурочкой. «Ну почему я дурочка? — недоумевала Лена. — Я ведь не глупее Иры, а ты ее считаешь

образцом мудрости». Но ответа она не получала и, живя с этим, с каждым годом все больше уходила в себя. Но как-то раз она не сдержалась. «Хватит, — сказала она Андрею, — больше я не могу и не хочу жить с тобой. Я уезжаю...»

Лена очнулась оттого, что машина резко затормозила.

— Приехали, — Эди вышел и, открыв дверь, помог Лене, державшей на руках дочку, выйти.

Гостиница впечатлила своей убогостью, но пахло морем, и Лена поняла, что оно где-то рядом. Она обожала море и каждое лето долго-долго ездила туда на поездах. А здесь оно оказалось в такой близости, что захватывало дыхание от упругой соленой свежести морского воздуха.

Ее номер, как по заказу, оказался на последнем этаже. Правда, в номере уже кто-то спал в соседней комнате, но сил у Лены на выяснения с администратором уже не было, и она, бросив вещи на пол и уложив дочку, моментально заснула.

Солнце светило прямо в глаза. «Как здорово, — подумала Лена, — солнце! А у нас бесконечные дожди». Она усмехнулась. Да ведь это было вчера, в прошлой жизни, а теперь «у нас» солнце, а «у них» дожди. Она спохватилась. Пора вставать, ведь столько надо сделать.

Лена вскочила, тряхнула длинными русыми волосами и с неудовольствием взглянула на себя в зеркало.

На нее смотрела стройная молодая женщина с высокой прядью и тонкой талией. «Опять мешки под глазами и глаза какие-то мутные», — подумала она.

В дверь постучали.

— К вам можно? — раздался за дверью женский голос с сильным украинским акцентом.

Дверь приоткрылась, и женщина, оказавшаяся молодящейся крашеной блондинкой, без остановки затараторила:

— А вчера так испугалась! Только заснула — кто-то дверь открывает, думала, воры, а потом услышала ребенка и поняла — опять кто-то новенький подъехал. А я тут давно, все приезжают, уезжают, а я вот туристка из Жмеринки — мне-то переезжать некуда. Ну, а вы-то откуда? На постоянное приехали или как? Ой, да что это я, все балаболю, балаболю, идем-ка чай пить, а потом я тебе все покажу здесь вокруг!...

Дверь так же неожиданно закрылась, как и открылась минутку назад. Лена ошеломленно посмотрела на мирно спящую Линочку, потом на закрытую дверь и, весело подумав: «Начало что надо», — набросила халатик и пошла на кухню.

Неожиданно для Лены на кухне обнаружилась точная копия блондинки, но помоложе.

— А вы что, тоже из Жмеринки? — невольно вырвалось у нее?

— А как же ж! Это сестра моя меньшая, только месяц назад подъехала, а я ее уже на работу пристроила в кафе соседнем, посуду моет, и платят ничего бы, только обчитать норвят, но все лучше, чем у нас, — нищета одна да ворье кругом.

Лена невольно отключилась, а старшенькая все тараторила:

— Ну а ты-то чего все молчишь, как замороженная, о себе, что ли, Расскажи, — видно, выговорив необходимого порцию слов, она как бы призывала Лену к ответу. — Лет-то тебе сколько? Тридцатник уже есть? — И она с завистью скользнула взглядом по ее фигуре.

Не успела Лена ответить, как зазвонил телефон. «Эди!» — пронеслось у нее в голове, и, оставив блондинок в вопрошительном состоянии, она бросилась на звонок к старенькому аппарату, стоявшему на табуретке.

— Алло, можно Лену? — нарциспев проговорил знакомый баритон.

— Это я, — ответила Лена и неожиданно для себя улыбнулась.

— Здравствуйте, Леночка! — голос Эди заметно потеплел. — Выспались? А как насчет завтрака — не разделите со мной трапезу?

— С удовольствием, вот только Линочка проснется, — весело ответила Лена. — Давайте часов в одиннадцать.

— Отлично, буду ждать вас внизу.

Лена положила трубку, и ей почему-то показалось, что все это уже когда-то было. И эта комната с видом на море, и телефонный звонок от Эди, и это радостное состояние ожидания чего-то нового. Как будто кадр из давно забытого фильма. «А может, когда-то в прошлой жизни мы были вместе? Ведь знакомы всего один день, а кажется, всегда его знала, — подумала

Лена и, как всегда в последнее время, отмахнулась сама от себя: — Да будь что будет, пусть хоть немного будет легко и радостно».

— А ты не промах! Еще не приземлилась, а уже звонит!

Лена вздрогнула и увидела напротив удивленное лоснящееся лицо одной из сестер-блондинок.

— Хваткая ты баба, не пропалаешь! А я вот дура душой, не держится возле меня никто, и уж стараясь как, да, видно, слез на мне. Так мне последняя талалка и сказала: «Сглазили тебя сильно, позавидовали, что белая ты, сдобная», — но ничего, обещаю снять порчу, правда, денег я пока не собрала. Ну, а ты как, работать где собираешься или планы другие имешь?

«Да, как будто и не уезжала, — подумала Лена, — те же завистливые глаза, те же завистливые речи. — Лена внимательно посмотрела на блондинку. — И почему меня по жизни преследуют такие вот дуры, у которых только одно желание — урвать? Странно устроен человек: у одного и улыбка, и радость в глазах, и добротой будто хочет укрыть всех, и это не видимость — ну про его, а другой смотрит на него злыми глазами и завистью исходит; и почему это он такой улыбочивый, добренький, чего это ему так хорошо? Не верит, что просто так ему улыбаются, просто от широты душевной».

— Работать? А зачем? Думаю, и без работы справлюсь. — И она, честными глазами глядя на блондинку, добавила: — У меня ведь с мужиками все в порядке. — И, глядя, как у той медленно опускается челюсть, высоко подняв голову и покачивая бедрами, вышла из кухни.

Черноволосая угловатая девчонка что-то на иврите спрашивала у Эди и кокетливо-привычно улыбалась ему.

— Она интересуется, что будем заказывать, — перевел Эди. — Ресторан рыбный, любая заморская рыба и ее родственники водоплавающие к нашим услугам: лосось и осетрина, креветки и кальмары, салаты и, конечно же, хит всех сезонов — чипс, или, по-нашему, жареная картошка, любимая пища детей и взрослых нашей страны.

Эди хотелось говорить и говорить, это как будто несло куда-то, когда он смотрел на эту немного испуганную, красивую какой-то русско-татарской красотой молодую женщину,

в серых прозрачных глазах которой, казалось, отражалось каждое его слово. «А она умеет слушать — редкое качество, — невольно отметил Эди. — И чего это я так распекушился, веду себя как влюбленный мальчишка, смешно», — подумал он, расплачиваясь с официанткой, и неожиданно для себя предожил:

— Ну что, а теперь поехали оформляться, документы получать, теудат-оле, теудат-зеут...

Лена благодарно улыбнулась. «И что бы я без него делала? Как будто сверху мне его послали, я ведь даже не знаю, где все это находится».

— А вы, Эди, случайно по совместительству палочкой-выручалочкой не работаете? — невинно спросила Лена, и они одновременно рассмеялись, глядя друг на друга.

Здание, в котором выдавали документы, скорее напоминало деревянный сарай, чем государственное учреждение, но длинная выходящая очередь и русская речь снимали всякие сомнения. Ждать пришлось долго. Линочке уже давно хотелось спать, и она не слезала с рук, и вот наконец, когда Лена уже потеряла всякую надежду куда-либо выйти из этих душных стен, мужчина средних лет и грузинской внешности, блестя глазами и внушительно улыбаясь, заинтересованно глядя на Лену, сказал:

— Паздравляю, даратаг, если помощь нужна, не стесняйся, захайды, — и вручил ей документы.

Напротив сарая, как окрестила Лена здание министерства абсорбции, обнаружилось маклерское бюро, в котором тоже почему-то говорили по-русски.

— Не хочу возвращаться в Бат-Ам, — сказала Лена коротко стриженной беременной маклерше. — Может, можно уже сегодня куда-нибудь выехать?

— А почему нет? У меня квартира одна стоит со вчера, ну специально для тебя, — весело отговаривалась та. — Ну что, поехали смотреть?

Район бетонных пятиэтажек на уродливых куриных ногах, плотно, окно в окно, прижатых друг к другу, с редкими островками зелени, слепыми окнами, закрытыми трисами и, казалось, навсегда ослепленными солнцем, не совсем показался Лене, но квартира из трех комнат была с мебелью, пли-

той и даже занавесями. Оставалось только подписать договор, что она и сделала в ближайший час не без помощи Эди. И когда уже квартиросъемщицей вполгла в нее, держа на руках спящую Линочку, ей хотелось только одного — спать.

— Эди, вы не представляете себе, как я вам благодарна. Вы меня просто спасли в этом океане насущных проблем, — говорила Лена, уже прощаясь с Эди в душном предбаннике гостиной. — Если бы не вы, я бы просто пропала. У вас золотое сердце. И знайте, в этом доме всегда будут вам рады. — Лена говорила от души, но глаза ее закрывались.

— Линочка, если можно, я бы хотел послушать оды в мою честь завтра, а сегодня вы должны срочно бежать спать, пока не заснули стоя, — сказал Эди и неожиданно для себя самого поцеловал Лену в губы. — Извините, не сдержался. — Он нежно посмотрел на прощанье и вышел, тихо закрыв за собой дверь.

«Нет, такого в жизни не бывает, все слишком сказочно», — подумала Лена и тут же провалилась в сон.

Андрей стоял спиной к окну, и вся его фигура вызывала в Лене раздражение.

— Дце шляглась? Только не говори, что была на литобъединении, все равно не поверю. Толку от тебя никакого — ни обеда, ни женской ласки. Я один уже дома два часа, жду тебя, как дурак!

В его голосе, как всегда в последнее время, была злая претензия.

— Ты не ошибся, я и выпарду ездил в институт, — ответила Лена, сдерживая надвигающуюся слезу. Она никогда не плакала при нем, что-то внутри сжималось, затепливая слова в узел, и она могла только молчать, молчать, но не плакать — плакать ей не позволяла гордость. «Не достоин видеть мои слезы», — думала Лена, и чувство обиды все глубже проедало ее нежелание видеть реальность. Да, куда-то давно она была влюблена в него, влюблена до того, что не слышала и не слушала никого вокруг. «Доченька, не пара он тебе — разные вы, — не раз уговаривала ее мама. — Подожди, не спеши так, присмотришься, замуж еще успеешь. Ты девочка красивая, умная — еще встретишь свое счастье». Но Лена как будто боялась остаться одна,

что-то толкало ее к Андрею, к его большим нежным рукам: ей нравилось, когда он брал ее на руки и нес по Пушкинской площади, нравилось, как он смотрел на нее своими голубыми глазами, нравилось, когда он своим низким бархатным голосом пел под гитару. Правда, иногда он бывал груб и несдержан, но Лена старалась не замечать этого, прощала частые застолья с друзьями, прощала...

Жили они с родителями Андрея в большом престижном доме на Ленинградском проспекте, и их окна выходили на длинную липовую аллею, прорезавшую проспект насквозь. Им выделяли отдельную комнату, в которую никто, кроме них, не заходил, и вначале им было хорошо вместе. Андрей встречал ее после работы на остановке автобуса, и они шли гулять в далекий лесопарк к озерам, кормили уток, ловили рыбу, собирали букеты, и только когда темнело, уставые возвращались домой. Наверное, тогда они и были счастливы. Но ведь когда счастливы, не понимаешь этого, кажется, что именно так и должно быть, что по-другому не бывает, и только тогда, когда исчезает эта легкость бытия, когда наваливаются серые тяжелые будни, понимаешь, что счастье было.

И вот теперь они стояли рядом — такие чужие и далекие друг другу. Упреки, тяжелые ежедневные упреки и ненависть, казалось, прочно поселились к ним в комнату. Воздух тяжелыми, парами медленно подбирался к Лене, и, казалось, еще секунда — он раздавит ее своим накаленным душным теплом.

Лена с ужасом открыла глаза. В комнате было темно. Личночка мирно сопела рядом.

«Это только сон», — успокаивала себя Лена, с трудом пытаясь остановить рвущееся из груди испуганное сердце.

Часы показывали пять утра.

«Это мое второе утро в Израиле, — подумала Лена и решила вставать. — Все равно уже не усну».

Солнце только-только начинало подниматься, и прозрачная нежность утренних запахов, вперемежку с отгушительным птичьим томоном, завораживала и умиротворяла. За домом Лена обнаружила густую апельсиновую росу, ползущую под гору, и за ней открылся чудный пасторальный вид — ма-

ленькие домики с черепичными крышами, утопающие в зелени. Хотелось идти не останавливаясь, даже не идти — бегать и кричать, кричать от переполняющего сердце чувства радости:

«Я свободна, свободна!»

Лена посмотрела на часы и ужаснулась — уже восемь. Она встала в квартиру и только увидев мирно спящую Личночку, удобно раскинувшуюся на кровати, успокоилась. «Ей здесь будет хорошо, я просто уверена, и мне — тоже».

У Лены была развита интуиция, и она об этом знала. Еще когда она была студенткой, у нее появилась потребность лечить своих друзей руками. Ее в шутку называли «экстрасенсша». Конечно, многие не понимали, как ей это удается, но результаты были налицо, и поэтому спорить было не с чем, оставалось только удивляться. Но Лене было все понятно — сначала возникало желание помочь, потом она подносила руки к больному месту и чувствовала над ним жар, а когда она «вытпывала» его, боль проходила, только и всего. «И почему всем это кажется «спранным»? — недоумевала Лена. Только гораздо позднее она поняла, что то, что дано не всем, всегда вызывает недоумение, недоверие и... «почему не мне?» И тогда она научилась молчать... и пошла учиться на курсы массажа. «Пусть будет все понятно», — решила она — и продолжала лечить как умела. А умела она совсем неплохо — судя по количеству людей, обращавшихся к ней за помощью.

Лена ушла в себя настолько, что не сразу услышала звонок в дверь. За дверью стояла симпатичная пожилая женщина. В руках у нее была огромная картонная коробка, доверху набитая какими-то вещами.

— Это вы наш новый соседка? — с трудом подбирая русские слова и смешно их выговаривая, спросила она и, не дожидаясь ответа, слегка отодвинув растерявшуюся Лену, пропшла в гостиную. — Это вам. — Она поставила пухлую коробку на пол. — Не удивляйся, у нас принято так. Это вещи, что не нужны мне уже, а тебе, значит, нужны будут. Тут одежда, полотенца и разные важные штуки. Я по-русски говорил плохо, давно из Литвы приехала, уже сорок лет тут. Зовут меня Шейла, я твой соседка из двенадцатой квартиры. В гостях... — она, видно, забыла нужное слово и, показывая на себя рукой, по-

стучала по своей необычной груди, обнесенной закрытым сарафаном, как часоколом. — Ко мне, ко мне... — Шейла ос- тановилась и с выжидательной улыбкой посмотрела на Лену.

— Спасибо вам большое, — наконец смогла произнести Лена. — Очень рада с вами познакомиться. Тронута вашей за- ботой, но, право, не стоило беспокоиться. У меня все очень скоро будет, я отправила багаж, и он вот-вот должен прийти. Но, конечно, все это, — она в ужасе бросила взгляд на коро- бицу с использованными вещами, — мне очень неприятно.

«Нехорошо, человек стараясь, собирал, стирал, укладывал, а я неблагодарная какая-то», — пронеслось у Лены в голове, когда она с радостью закрыла за соседкой дверь. Но не успела она дойти до кухни, как в дверь опять позвонили. На этот раз на площадке стояла молодая спортивная смуглая женщина в красном комбинезоне, с гривой необузданных кучерявых во- лос, и что-то говорила на иврите.

— Ай донт андэстэнд! — наконец выдавила из себя Лена и, стараясь выразить доброжелательность всеми мышцами лица, закрыла дверь. «Все, никому больше не открываю, иначе мы умрем с Линочкой голодной смертью», — подумала Лена и с удовольствием принялась жарить омлет с молоком.

— Мама, а куда мы сегодня поедем? — Линочка уже про- снулась, а значит, надо было действовать. Совсем недавно ей исполнилось четыре года, но характер уже отлеживался. «Не в меня, а впрочем, все меняется», — Лена с любовью посмот- рела на дочь и вспомнила себя. Наверное, ей тогда было столько же, сколько было сейчас Линочке. Парк, в который они ходи- ли гулять с родителями, казался ей огромным царством дере- вьев. Перед входом стоял турникет, и, проходя мимо него, всегда хотелось кувыркаться. Но на этот раз у нее в руках была кукла, и знакомая девочка попросила поиграть с ней. «У меня нет ничего, — Лена спрятала куклу за спину. — Кукла ушла», — невинно сообщила она девочке, абсолютно уверенная, что та ей поверит. Но потом, когда стала чуть постарше, отдавала под- ругам все. «Хватит уже все тащить из дому», — не раз говори- ла мама, но Лене хотелось играть с ними: видно, уже тогда, правда, по-детски непосредственно, она пыталась найти до- рогую, ведущую к расположению, или, если говорить сегодняш- ним взрослым языком, пыталась приспособиться к ситуации.

Уже учась в институте, Лена поняла, что есть люди сильные — те, что делают все по-своему и настаивают на том, чтобы ок- ружающие поступали, как они, — и вот именно те окружаю- щие, которые на это соглашаются, и есть люди слабые. Лена себя относилась к другой категории: она никого не заставляла, но и не любила, когда ей что-либо навязывали. Но с Линоч- кой она была готова на любые уступки и словно таила, когда смотрела на ее маленькие кукольные плечики, на крошечный носик, на огромные, казалось, все понимающие зеленые глазки. «Она должна быть счастливой, должна».

В коридоре зазвонил телефон.

— Лена, это я, — Эди говорил как-то приглушенно, как будто не хотел, чтобы его слышали. — Я с работы, буду кра- ток. Если хотите, сегодня вечером можем пойти к моим дру- зьям, часов в девять, вы как?

— Немного поздновато, — подумав, ответила Лена, — но если ненадолго, то с удовольствием.

Лена разговаривала с Эди и как будто видела его перед собой. Его сильные, нервные руки, в которых, казалось, жи- вет неукротимая сила, его уверенность в себе притягивали ее. Ря- дянойсь взгляд, его уверенность в себе притягивали ее. Ря- дом с ним она чувствовала какую-то поддержку и защищен- ность, ее уверенность куда-то исчезала, и, казалось, вот- вот все станет на свои места. Но чего именно она ждала от Эди, Лена пока не знала. Конечно, ей, как и всякой женщине, хотелось тепла и уюта, но она была напугана неудавшимся браком с Андреем и повторения не желала. «Начала узнай, потом подумай», — повторила она себе каждый раз, когда кто- то после развода с Андреем пытался увлечь ее. «Не пойду!» — думала Лена и всегда находила поводы исчезнуть. И никогда ни о ком не жалела. Но Эди был непохож на тех, оставшихся в другой жизни. Он улыбался, он слушал, и он был щедр.

Целый день Лена с Линочкой пробегали, и не зря. К ве- черу у Лены было направление в улытан, у Линочки — в дет- ский садик, и у обеих — желание поехать чего-нибудь вкуснень- кого.

...— Знакомьтесь, это Леночка и Линочка — мои новые друзья, — Эди весело подмигнул Лене. — Это — Аллочка, — он

галантно поцеловал большую «закопцованную» загоревшую руку Аллы, — а это Фред — мои старые друзья, испуганные моими поражениями и победами.

— Ну какие у тебя поражения! — почему-то вдруг басом проворковала Аллочка, нежно глядя на Эди. — Он у нас счастливчик, вы, наверно, уже заметили? — Она впрямую посмотрела на Лену и, как бы отвечая на ее недоуменный взгляд, потладила Эди по голове. — Ну вот же, у него две макушки — на счастье.

— Алла, по-моему, ты немного преувеличиваешь, — тихо, с одесским акцентом проговорил Фред. Рядом с большой Аллой он явно недотягивал в размерах, был мелковат, что, однако, нimalo его не смущало. — Две макушки — это к многоженству, и хотя у нас тут Восток, не наше это счастье, избави Господь. — Он неожиданно по-женски поплевал себе за плечо. — Врату не пожелаешь такого, тут бы с одной женой догвориться... — И, по-хозяйски приобняв Аллочку за мочуице, уверенно покачиваясь бока, он повел всю компанию к столу.

— Алла и Фред приехали в страну давно, — рассказывал Лене Эди, когда они, уставшие от плотного ужина и не менее плотного общения, возвращались в Ришон. — Ты, конечно, заметила, — Эди как-то ненавязчиво перешел на «ты», — главная в доме — Алла, на ней держится вся сложная структура их семейных и внесемейных отношений. — Эди засмеялся. — А если по-простому, Алла — это конь, который с самого начала везет на себе Фредика, двоих детей и большого папу Фреда. Мы ведь не здесь познакомились, учились в одной группе Киевского политехнического. А с Аллой выросли на одной лестничной площадке. Мама у нее тоже была такая же большая и громогласная, ее было слышно с первого этажа, хотя жили мы на четвертом. Она работала учительницей, и только теперь я понимаю, что дома она просто тренировалась. А тогда мне казалось, что там, за их дверью, вот-вот произойдет что-то непоправимое. Но все успокаивалось так же внезапно, как и начиналось, — вдруг повисала тишина, прозрачная тишина подвеззда, и только ветви каштанов бились о стекла высоких подвезздных окон. Отец Аллы был маленьким, незаметным человеком, и все, кто его не знал, очень удивлялись, кол-

да узнавали, что он главный инженер треста по жилищному строительству и капитальному ремонту квартир. Их квартира постоянно перестраивалась, в ней вечно что-то меняли: планировку, унитазы, цвет обоев, мебель, да что угодно. Казалось, что это главный и показательный объект треста. Из трехкомнатной квартиры превращалась в четырехкомнатную, и даже в конце концов она стала пятикомнатной, и, что интересно, комнаты при этом не уменьшались, казалось, что эта квартира просто резиновая, а может, она и была такой? Как ты думаешь? — Эди как будто невзначай положил руку на колено Лене.

Лена вздрогнула и замерла, ей показалось, что тепло его руки прожигает и заворачивает ее. «Странно, — подумала она. — У меня нет желания убрать его руку, возразить, оставить, наоборот — мне так хорошо...» Она посмотрела на заднее сиденье — Линочка крепко спала, обняв полученную в подарок от Эди куклу.

Эди съехал на обочину и затормозил. Лена видела, как приближаются к ней его глаза, чувствовала на плечах его сильные, требовательные руки, его теплые губы ласкали ее лицо, шею, плечи...

— Нет, Эди, не надо, не сейчас, — она слегка отодвинулась от него и открыла глаза.

— Какая у тебя вкусная кожа, — Эди с восхищением смотрел на Лену, и его «крыжовенные» темно-зеленые глаза горели желанием. — Ты не просто красивая, ты самая sophisticated из всех женщин, которых я видел до сих пор. Признаться, ты меня околдовала, я просто не знаю теперь, в какую сторону ехать... Так, — он смешно потряс головой, — уже лучше, навожу фокус, — он потер кулаками глаза, — все, готов вернуть тебя домой.

Его новая машина аккуратно возвратилась на трассу, и уже через четверть часа они были около дома.

— Я помогу, — Эди легко донес Линочку и уложил в кроватку. — Сварить мне кофе? — Эди нежно потладил гладкие густые волосы Лены. — Не бойся, — улыбнулся он, видя, как недоверчиво она на него смотрит, — только кофе, и я уйду. А пока дораскажу про Аллу и Фреда, если тебе, конечно, интересно.

Лена кивнула, и Эди, устроившись за столом, начал:

— Алла никогда красотой не отличалась, и когда за ней начал ухаживать Фред, приехавший учиться из Одессы, ее родители это очень одобрили. Ты, наверно, знаешь (не могу сказать «помнишь», мы с тобой из разных поколений), что незамужняя девушка двадцати одного года считалась куда-то просто «старой Девой», а тут на горизонте появился тихий, услужливый, интеллигентный еврейский парень, правда, из простой семьи и невзрачный на вид, но, судя по настоящей ухаживаний, настоящий жених. У нас в группе все только потешались, глядя, как он пытается обнять Алку за плечи, — ведь ты видела, насколько она выше его, — больше секунды его рука не могла на них удержаться и плавно перетекала на ее мочулице бедра... Ну, а потом они поженились и долго жили в Алкиной резиновой квартире, где у них родилось двое сыновей, для которых там тоже нашлось по комнате. А потом вдруг все засобиралось в Израиль, открылся «железный занавес» и выяснилось, что есть такая страна, где нас, евреев, давно уже ждут, страна меда и молока, где нам всем наконец-то станет спокойно и можно будет жить без оглядки на отчество, фамилию и пилую графу в паспорте. Я помню, как вызволнованно сидели мы у Штейнов (это фамилия Алки по Фреддику) и говорили о том, что надо ехать, что оставаться уже невозможно, что неизбежно, надолго ли эта внезапно открывшаяся граница для нас — «инородцев». Говорили в основном мы с Алкой, а Фредик, как обычно, отмалчивался и только по второму: «Аллочка, мы сделаем все, что ты захочешь, как решишь, так и будет». Родителям Аллы никуда ехать не хотелось, искать им было нечего, и так всего было в достатке, и они, в ужасе глядя на революционный порыв дочери, изо всех сил пытались его охладить: «Алла, ну чего тебе не хватает?» — начинала басить ее мать, а отец, такой же тихий, как и Фредик, молчал и обреченно кивал головой. Конечно, все поучилось так, как хотела Алла, никто не смог противостоять ее напору и желанию. Они ведь уехали раньше, чем я, где-то на год. А мне они писали подробные письма. Их встретили дальние родственники Фреда, сняли им квартиру в Холоне, устроили Алку в местный муниципалитет — тогда еще с этим было свободно, конечно, по протекции, а вот Фред оказался

не такой везучий — ему пришлось начинать с завода: вкалывал по двенадцать часов в день, вдруг начал пить, где-то упал, сломал руку, ушел на прошвое пособие, а в это время Алкину маму вдруг разбил инсульт — в общем, нахлебались они от души... Да что это я тебе ужасы перед сном рассказываю! — спохватился Эди. — Какой же я дурак, ты же устала, я пойду, — и он нерешительно двинулся к двери, как будто ожидая, что его остановят.

— Спасибо, Эди, мне хорошо, когда ты рядом, — вдруг сказала Лена и, как будто сама испугавшись своих слов, быстро добавила: — Спокойной ночи.

«Зачем я его выставила? — подумала Лена, закрыв дверь. — Нет, нельзя же так, ведь я его почти совсем не знаю, и потому: что он обо мне подумает, если все будет так просто? Надо дать времени слезать свою работу, все устроится, не надо опережать события...» Уже засыпая, Лена пыталась убедить себя, что поступила правильно. «Но какие у него ласковые руки...» — мечтательно подумала она и заснула.

Дети сидели на полу и огулительно галдели. Лена даже сначала подумала, что что-то случилось. «А где же воспитательница?» — она удивленно посмотрела по сторонам, вышла в открытую дверь на веранду и там обнаружила двух женщин, мирно пьющих утренний кофе. Лена вытатила вчера полученную бумажку и протянула той, что постарше.

— Бэсэдэр, бэсэдэр, — недовольно кивнула та и на пальцах показала — один.

«До часу, значит», — догадалась Лена.

— Линочка, я пойду учиться, а ты останешься с детками, хорошо? — Лена с тревогой посмотрела на перепуганную Линочку, в глазах которой уже начинали собираться слезки.

— Мамочка, я не хочу здесь оставаться, — дочка умоляюще смотрела в глаза Лене. — Я боюсь, эти тети такие страшные...

Воспитательницы продолжали неторопливо пить кофе, не проявляя к новеньким никакого интереса. «Господи, да на каком же языке говорить с этими туземками?»

— Послушайте, гверет, да сделайте же что-нибудь! — неожиданно для самой себя взорвалась Лена.

Та, что помоложе, нехоти огодвинув чашку и глядя куда-то в сторону, вдруг заговорила на ломаном русском:

— Посиди здесь час-два сегодня, завтра. Она будет привикать, потом уйдешь.

— Но мне же в ульпан! — удивилась Лена, но решила в дебаты не вступать. «Не поможет», — поняла она, уже по опыту зная, что против системы не попрешь.

Воспитательницы, наконец удовлетворив свой утренний голод по кофе и дружеской беседе, неторопливо направились в комнату с плохо покрашенными стенами, где все так же возлишь, как видно, привыкшие к такому распisanию дети.

Все происходившее дальше было похоже на сон. Как будто ожили кадры из старых советских фильмов о жизни детей в деревенских детских домах. Дети пели под аккордеон русские песни на иврите и играли игрушками, казалось, оставшимися им в наследство от их родителей, а когда они вышли, вернее, выпали на прогулку во внутренний дворик, где вместо зелени и деревьев обнаружился дырявый тент от солнца, Лена поняла, что комфортные детские сады с программами развития, кроватками и горячими обедами потеряны навсегда. «Ничего, — подумала Лена, — это не самое страшное, зато здесь Линочку никто не обидит, никто не обзовет “жидовочкой”». Сама Лена все это испытала на себе. В детском саду она дралась с соседскими мальчишками, в школе чувствовала свою обособленность, а в институте ее часто подбодривали: «Да ты на еврейку совсем не похожа», — на что Лена даже не знала, как реагировать: то ли оскорбляться, то ли радоваться. Родители никогда специально не прививали ей национальное сознание, в ее доме никто не соблюдал еврейские традиции, не говорил на идиш, но чем больше окружающие давали понять Лене, что она не совсем такая, как все, тем больше она осознала и готова была защищать свое национальное достоинство и себя.

Линочка уже нашла себе подружку, кучерявую черноглазую девчоночку. «И как дети так быстро понимают друг друга, ведь говорят на разных языках», — удивлялась Лена, глядя, как маленькая израильянка опекает ее дочку.

— Доченька, я пойду, — Лена подошла к дочке и поцеловала ее. — Ты уже не боишься?

Линочка, озабоченно покачав головкой, продолжала «выслушивать» куклу.

— Мама, я же доктор, а Мирьям, — она показала на новую подружку, — моя помощница, мы лечим куклу, — как непонимающей объяснила она Лене.

«Можно идти», — поняла Лена и незаметно выскользнула из садика.

На улицах города царил хамсин. Еще в Москве Лену предупреждали о страшной, невыносимой летней жаре, о неделях, когда только острая необходимость может заставить человека выйти из дома. Похоже, сейчас был один из таких дней. Жарко жгло солнце, ветра не было, и воздух, горячий парной воздух, казался, висел над раскаленным асфальтом тротуаров. «Влажная сауна, — определила для себя хамсин Лена, — а даже приятно после постоянного девятимесячного холода и серого, затинутого тучами неба, тепло и радостно». До улыбки надо было идти, как объяснили Лене, всего минут двадцать. Но уже через десять минут она ощутила все прелести хамсина и смогла оценить «оазис в пустыне» — те немногие деревья, благодаря тени которых она все-таки смогла добраться до ульпана.

Небольшой школьный класс был забит до отказа. Лена с трудом отыскала себе место на задней парте. Это были даже не парты, а столы — длинные деревянные столы, за которыми помещалось по четыре человека.

— Извините, извините, что мешаю, — Лена наконец пробралась к свободному месту, оглянулась и потрясенно уставилась на сидящую за соседним столом и что-то упорно пишущую кругленькую брюнетку.

«Танька! Не может быть, ничего себе совпадение!» — Лена не верила своим глазам.

Тана Скрипина была лучшей школьной подружкой Лены, но в последнее время их связь как-то сама по себе оборвалась, и хотя Лена знала, что Танька собиралась уезжать, так до конца и не поняла, в какую же сторону та едет. И тем более Лена не ожидала такой встречи здесь, в ульпане.

«Интересные бывают в жизни совпадения», — думала Лена и не сразу поняла, что к ней обращаются.

— Может, вы все-таки представитесь? — учительница нервно постукала мелом по доске, пытаясь перекричать шум в классе. Она напоминала сову, ее серые редкие волосы были коротко подстрижены, а круглые очки в пластиковой, под деревяно, оправе грозно висели над острыми птичьим носиком. «Старая дева, — опытным взглядом определила Лена. — Лет сорок пять, злитесь на весь мир и на меня в том числе». Лена встала и, почувствовав на себе любопытные взгляды, слегка покраснела:

— Лена Лисинская, получила направление к вам в группу...

— Ленка! — Таня вскочила со своего стула и радостно ринулась к ней. — Ленка, ты откуда взялась?..

— Секундочку, девушки, — учительница с ненавистью обрывала этих молодых девчонок, посмевших так громко радоваться друг другу. — Может, вы не заметили, но у нас урок... — Она грозно обвела взглядом явно заинтригованный и притихший класс. — Извольте-ка выйти и не мешать.

Лена и Таня от неожиданности замерли, не зная, что делать.

— Регина, ну зачем так строго? — вдруг в полной тишине раздался примиряющий баритон сидевшего за первой партой седого мужчины. — Ты прости, что я так по-простому: ты ведь мне в дочки годишься. Ну, обрадовались девчата, ну, шуму наделали, так это ведь и понятно — встретились они, не ждали, а встретились. А ты их так резко обрываешь — нехорошо как-то.

— Ну что вы, Петр Семенович, все время вмешиваетесь? — Сова вся покрылась красными пятнами и, казалась, от злости даже позеленела. — Все жить учите... Хорошо, тогда выйду я, — и она, выскочив из класса, громко хлопнула дверью.

— Истеричка, — лениво оборонил мускулистый парень, сидевший возле совершенно обалдевшей Лены. — Не впервые такие развороты, расслабься.

И он, с интересом посмотрев на Лену, смачно сплюнул через плечо.

— А мы уже и письмо писали, и к директорше ходили. Говорят, менять не на кого, перестражены все, — охотно присоединилась к разговору полная женщина средних лет. — Вот и молчим уже, делать-то нечего.

— Братцы, а чего это мы сидим? Айда по домам, — пробасил высокий белобрысый «морячок» и, привычным движением забросив тетрадь в хозяйственную сумку, враскачку, как по борту корабля, направился из класса.

— А что, весело у вас тут, — Лена посмотрела на Таню, и они рассмеялись. — Как здорово, что ты здесь! — Лена крепко обняла подругу. — Ну, рассказывай, как ты, как устроилась, как Костя, родители?

— А Костя не поехал с нами... — Лицо Тани стало похоже на лицо незаслуженно обиженного ребенка. — Сказал, что родителей своих оставить не может, ты же знаешь, они у него большие. — И, тяжело вздохнув, не глядя на Лену, добавила: — И поэтому он решил оставить меня. Ленка, как я его любила... — В Таниных огромных карих глазах появились слезы. — Ну да ладно, — она устало махнула рукой, — переживу и это. Тем более что претендентов на постель предостаточно. Представляешь, они здесь дикие какие-то, ты, наверно, уже заметила: по улице спокойно не пройти — или водители сигналият, подвезти предлагают, или прохожие прямо в глаза заглядывают. Как раздетая идешь. Мне как раз вчера рассказали, что мужики местные какую-то траву возбуждающую целый день жуют — для поднятия потенции. У них поэтому голова, как стрелка компаса, все время крутится. Так что выловить в этой мутной водичке кого-нибудь да можно.

— Ну и как улов? — Лена понимающе смотрела на Таню, ей не впервые было выслушивать новеллы о Танькиных победах над слабым мужским полом. Лена всегда подозревала, что это только фантазии, но Таню любила и обижать открытым недоверием не хотела.

— Да пристал тут один местный, — Танины крупные негритянские губы брезгливо скривились. — В какие-то забегаловки водит, хумусом угощает, а как платить — счет у него никогда не сходится, так он официантам на чай не дает: лучше, говорит, тебе отдам, чем этим бездельникам дарить. И при этом так ласково в глаза смотрит и благодарности ждет за десятку, как будто штучку дает. А сам — ни рожки ни кожи, толстый, лысый и старый — за полтинник, наверно.

— Так зачем же он тебе? — удивленно спросила Лена.

— А, — Таня замылась, — держку про запас, у него все-таки и домишко свой, и типология, я же не дура, справки уже навела. Правда, домишко старый, а в типологии он один работает, но, думаю, денжки у него есть, правда, уж очень тяжело он с ними расстается.

Лена не верила своим ушам. Не может быть! И это говорит романтичная, всегда в кого-нибудь влюбленная, бескорыстная Таня? Та Таня, которая надыхаться не могла на своего Костика, не глядя на его вечную неустраоенность и непристособленность к реальному, тяжелому российскому бытию. Лена вспомнила, как года два назад, где-то в январе, когда от холода в домах лопались трубы, а по радио советовали смазывать лицо кремом перед выходом на улицу, в один из таких жутко холодных снежных дней, как-то, возвращаясь вечером домой, она натолкнулась взглядом на круглую фигурку женщины в безразмерном мужском тулупе с лопатой и не сразу признала в ней Таньку. Да и как ее можно было признать — в таком рабочем наряде Лена видела ее впервые. От неожиданности открыл рот, стояла Лена, глядя, как по-женски беспомощно пытается Таня расчистить дорожку от снега.

— Танька! — как бы очнувшись от шока, бросилась она к подружке. — Ты что, рехнулась? Ты зачем здесь в таком виде? Совсем, что ли, обалдела?! — кричала она Тане, подпрыгивая от холода.

А Таня, как будто не слыша ее, продолжала упорно, не глядя на Лену, разгребать снег. И только потом, где-то через полчаса, уютно сидя на диване в Лениной комнате, Таня призналась, что работала тогда за Костика. И не только тогда, а почти всю зиму, пока не слегла на месяц с воспалением легких...

— Послушай, Тань, а может, тебе кого-нибудь помоложе подыскать? — Лена подумала про Эди, ведь наверняка у него есть знакомые. — Не дури, ведь ты молодая, симпатичная баба, зачем тебе этот урод? — И Лена нежно приобняла Таню за покатые полные плечи. — Ничего, Танька, прорвемся! Я тут познакомилась с одним интеллигентно-симпатичным ватиком, может, у него и для тебя кто есть... — Лена загадочно улыбнулась.

— Когда же ты успела? — Таня завистливо, снизу вверх посмотрела на Лену. — Везучая ты, Ленка. Ну да ты всегда была везучая, сколько тебя помню. Не то что я. И почему одному дается все сразу, а другому — шип с маслом? — завела знакомо песню Таня, и Лена поняла, что надо срочно менять тему, пока дело не закончилось обычной, такой знакомой Танькиной истерикой.

— Послушай, а квартиру ты с кем сняла, с родителями?

— Одна, слава Богу, — сразу как-то быстро успокоилась Таня. — А как приехали, почти месяц вместе жили. Ужас просто! Мамаша моя как принялась меня уму-разуму учить, так я сразу и бежала — нашла дешевую полукомнатную за двести долларов. Правда, повернуться негде и окна нет, зато сама себе командир. Кого хочу, того и привожу — без комментариев... А пойдем ко мне — здесь недалеко, возле таханы* центральной, и тебе кофеечек черный забалаю, посидим, как раньше, помнишь? Пойдем — сейчас мой мулатик придет, посмотрим на него, может, чего подкажешь, ты ведь умная...

— Ладно, — Лена посмотрела на часы. — У меня еще часа два есть, vedi.

Танина квартира оказалась угловатой пристройкой к жилому дому. Как видно, предыдущий съемщик использовал ее под склад — вдоль стен танулись грубые деревянные полки, и Танина сохнутовская кровать, пристроившаяся под ними, выглядела неуютно и сиротливо. Рядом стояло два ободранных кресла («Нашла на соседней улице, кто-то выставил», — весело сообщила Таня) со старым стулом между ними. В углу напел себе последнее пристанище когда-то, видно, добротный, но уже заканчивающий свое земное существование многофункциональный треснувший шкаф, и все это великолетние завершала почему-то абсолютно новая, блестящая и белоснежная газовая плита, выглядывшая на фоне этого убожества просто светской дамой.

— Ну, как тебе? — Глаза у Тани горели, и Лена поняла, что ее подруга просто влюблена в свою полукомнатку. — Здорово, правда? И представляешь, я — хозяйка, что хочу, то и ворочу...

* Тахана — станция.

Садись, — она ширококим жестом показала на кресло. — Тебе какой кофе: боц или нес?

— Да ты мне с лимоном, по-русски сделай. Лимон у тебя есть?

Таня засуетилась и неожиданно для Лены полезла в шкаф. — Есть! — с гордостью прокричала Таня, вытаскивая полужасохшую половинку того, что еще недели две назад называлось лимоном. — В Греции все есть!

«А все-таки Танька молодец, никогда не унывает, вот меня в такую мышеловку засунь — умру на второй день, а она — счастлива».

— Тань, ты знаешь, а я тебе завидую, не по-черному, по-белому завидую — нет у меня твоей легкости, умешь ты жизни радоваться. А я все ищущу какие-то ответы на вопросы, которые, может, и придумываю сама, все накручиваю, накручиваю, и за этим главного — живого, пульсирующего дни иногда и не замечаяю. А скажи, Тань, ты что больше всего в жизни любишь? Ну, что бы ты делала целый день, если бы тебя отовсюду отпустили — ни тебе учебы, ни работы, денег столыко, сколько для жизни надо, и день, неделя, месяц — твои. А?

— Лен, да брось ты свои заморочки, живи, дыши, как все. Ну подумай сама: зачем мне время это свободное, да я чокнусь без этой обязательки. Что же мне — целый день есть или телевизор смотреть? А так и поработаешь, и денежку получишь, а там думай, как потратить, — разнообразие все-таки. Меньше думай, Ленка, — здоровее будешь.

В дверь позвонили, и через минуту огромный, лысый «мароканец» заполнил своим объемом Танину малотабаритку. Таню невозможно было узнать: казалась, она выросла на полголовы и сгруппировалась — ее фигура приобрела изысканую кошачью осанку, в карих иудейских глазах зажегся жаркий огонь, и она, нежным жестом укротительницы хищников поглядив этого неандертальца (как окрестила его для себя Лена) по круглому животику, представила его:

— А это мой Эли — лапочка моя, — и она, привстав на цыпочки, нежно поцеловала его в огромное, покрытое шерстью ухо.

Эли, на это, однако, никак не среагировав, устоялся на Лену неморгающим, бычьим взглядом, его глаза медленно

наглись кровью, и Лене показалось, что еще секунда, и он на нее набросится.

— Ну, я пойду, — засобирилась Лена, — а то ничего не успею. Наим мсод*, — она потрясла лапшу остолбеневшего Эли и, поцеловав удивленную Таню, выскочила из душного, прокуренного, тесного жилищного мирка своей подружки.

Время близилось к двенадцати, а в доме было пусто и кормить Линочку было нечем. «Может, в супер зайти? Правда, говорят, что там все дорого... Или на рынок сбегать?.. Нет, зайду — решила Лена, вспомнив про пособие, которое ей должны были выплатить в ближайшние дни.

В магазине, несмотря на хамсинный зной, было прохладно и приятно. Стеллажи со всевозможными товарами сияли чистотой и аккуратностью, а размеры супера заставляли засомневаться в физических возможностях потребителя, готового во что бы то не стало исполнить свой долг — обойти магазин в поисках необходимого. «Да мне отсюда до конца дня не выбраться!» — ужаснулась Лена, но делать было нечего, и она, смело толкая впереди себя тележку, двинулась на поиски пропитания. Над длинными рядами молочного изобилия поднимался холодильникный пар, и Лена, глядя на разноцветную кожуру пластиковых баночек, бутылочек и коробочек разнообразной формы и цвета, призывно манивших покупателя, долго не могла отдать предпочтение чему бы то ни было. «Возьму на что рука упадет, — подумала она и, закрыв глаза, на ощупь собрала все, что попало под руку. — Неплохо бы еще знать, что это я набрала», — засмеялась она про себя и двинулась на поиски мясного. Она проходила мимо плотно заставленных стеллажей с хлебами, крупами, морожеными полуфабрикатами, красиво выложенными и, казалось, уже помытыми овощами и фруктами, и вся эта роскошь, после полупустых московских грязных и холодных магазинов, казалась ей кадром из красивого сладкого американского фильма. Симпатичный черноглазый паренек в фирменном отглаженном халате и шапочке, беседовавший со стоявшей впер-

* Наим мсод — очень приятно.

ди пожилой англоязычной израильянок, ловко обслужив ее, неожиданно заговорил по-русски:

— Что желаем? — весело спросил он, блестя круглыми, похожими на маслины восточными глазами. — Сегодня по скидке куриные шницеля и индюшачьи горла.

— Так вы и по-русски говорите? Не ожидала, — вырвалось у Лены.

— Все для клиента, — как-то по-брадобрейски нахально улыбулся он, отражая длинным золотым зубным протезом неоновый свет супера. — Возьмите горла — свежие, а если из них жаркое сварить с картошечкой и грибным соусом — пальчики оближешь... — И он театрально-блаженно прикрыл глаза.

— Ну хорошо, давайте и шницеля, и горла. — И, усмехнувшись, Лена добавила: — И рецепт тоже.

ЭДИ И СВЕТА

ВОЗВРАЩАТЬСЯ домой не хотелось, и Эди, привычно устроившись перед компьютером, решил еще немного поработать. В офисе, который он купил несколько лет назад, все шло чистой и благополучием. Да, фирма, организованная Эди, процветала, его знали и ценили заказчики и ненавидели конкуренты. И это всего за каких-то десять лет — срок, казалось бы, фантастически короткий для приобретения такого уважаемого имени. Заказы текли рекой, хотя организовывал Эди свое дело с нуля. Помогла природная интуиция, обаяние умного и знающего специалиста и Светины небольшие вложения. Она была старше его на девять лет — не красивая, засидевшаяся в девках дочь богатых родителей, а он — только прибывший в страну, бедный, с чуждыми идеями и интеллигентным, умным лицом новый репатриант. На каком-то из праздников они случайно оказались соседями по столу (правда, потом Света призналась, что все это было совсем не случайно, что заметила она его давно, вот только не знала, что сделать, чтобы привлечь его внимание), и Света так заинтересованно расспрашивала его о прошлой жизни и так забойливо наглядывала в тарелку и подливала в рюмку, что на следующее утро, обнаружив себя в ее постели, он ошарашенно, глядя на ее целлюлитные бока, спросил: «А что я здесь делаю?» — «Спал со мной, и довольно неплохо», — нашлась Света и с тех пор уже не оставляла его в покое. Она заезжала забрать его после ночного дежурства на завод, где он сразу же после приезда устроился охранником, купала ему красивые дорогие рубашки, возила в театры и кино, а по выходным, вооружившись тряпкой и передником, приводила в порядок его холос-

тыпкий быт. Так продолжалось два года и продолжалось бы еще неизвестно сколько, если бы в один из не самых приятных в жизни Эди дней, под самый Новый год, Света взыволнованно не сообщила ему, что хочет ему подарить что-то очень ценное. «Ну ради бога, Свет, хватит меня задаривать», — недовольно начал Эди, но, глядя на ее сияющее, всегда доснившееся от пота лицо, понял, что все обстоит гораздо хуже, чем он себе представлял. И не ошибся — Света была на четвертом месяце беременности, и, естественно, ни о каком аборте речи быть не могло. Во-первых, было поздно, а во-вторых, это был ее последний шанс — через месяц Свете исполнилось сорок.

— Поздравляю, наконец-то вы со Светочкой созрели, — долго и настойчиво тряс руку Эди его будущий тесть, взятым выражая свое полное отеческое согласие и удовольствие. Фигуру его отгличал выдающийся живот и короткие кривые ноги наездника, хотя Эди был уверен, что дальше мясной лавки, которую держал тесть на шукке* Кармель, его желани и увлечения не распространялись. — Не волнуйтесь, мы вас подержим... — Он по-свойски подмигнул Эди и улыбунулся ширококой голливудской улыбукой иссиня-белых вставных зубов. («Да ты знаешь, сколько стоил мне каждый зуб? — тесть своим толстым распухшим пальцем пытался залезть себе в рот. — Да ты таких денег в руках не держал, щенок! — Так обычно в дальнейшем заканчивались последовательные богатые поделки у «предков», как их презрительно называла Света, где тесть принимал бутылочку в честь субботы.) — Я, знаешь, всю жизнь тяжело работал, все для семьи собирал, копеечка к копейке — ничего лишнего себе не позволял, вот Соня не даст соврать, — и он неожиданно для Эди смачно хлопнул свою жену по массивной, баржеобразной заднице, — слиточек мой золотой, песенка моя лебедина, — и тесть, любовно глядя на жену, тихонько захихикал. — Ну так вот, на чем это я... ну да, так я и говорю: и нам, слава Богу, есть чем старость приккрыть, и вам с вашими детками, думая, хватит... — Он сделал паузу и с достоинством, выпитив тяжелую нижнюю челюсть, добавил: — На-а-долго!

* Шук — рынок.

— Свадьбу будем играть в Эйлате, чтобы все как у людей, — припекагла приговор теща, и действительно, пришлось всем гостям, которым одновременно были зарезервированы места в шикарной гостиннице «Кинг Джордж», съехаться на конец недели к Красному морю, чтобы разделить с семейством Мерсон их долгожданную радость. Собралось на свадьбу человек пятьсот — родственники, друзья, собратья по шукковскому цеху, а то и просто случайные знакомые семейства. Жениха, то есть Эди, представляла питерка родственников (приехавших в страну давно и, собственно, причастных к знакомству Светы с новоприбывшим бедным родственником), его мама, специально прилетевшая на свадьбу из Киева, и Аглочка с Фредом. «Я пал в неравном бою», — обреченно думал Эди, стоя под белоснежной шелковой хупой и глядя на широкие Светины плечи, на ее одуловатые щеки и прозрачные редкие волосы, прикрытые круглой белой шляпкой. Процедура божественной ретистрации закончилась довольно быстро, и под торжественные небесные звуки местного оркестра и жидкие аплодисменты участников этого грандиозного шоу отныне узаконенным мужем и жене была вручена гарантия в виде длинного, мелко описанного на иврите листка, на долгую и счастливую семейную жизнь.

Все остальное Эди помнил плохо. Единственное, что врезалось в его память, так это печальные глаза мамы и красный, обвисший нос тещи, казалась, преследовавший его весь этот некончаемый вечер...

— Котик, у меня для тебя сюрприз, — Света сладко потягивалась и терлась о его плечо.

— Что еще? — ужаснулся Эди, хотя бояться, казалось, было уже нечего: все самое страшное уже произошло — он муж и, похоже, надолго.

— Мы едем отдыхать в Париж — папочка сделал нам подарок на неделю. Ты не рад? — Света обиженно скривила узкие бесцветные губки. — А я думала, ты обрадуешься, — и она, накинув прозрачный желтый халат на рыхлое, располневшее тело, тяжелой походкой оскорбленной добродетели ушла в душ.

Вставать не хотелось. Эди недоуменно посмотрел на свой окопцованный безымянный палец и только сейчас осознал всю безысходность случившегося.

— Ну не мог же я отказаться от своего ребенка! — в сердцах промко крикнул он самому себе.

Из ванной высунулась мокрая голова Светы.

— Ты меня звал?

— Что? — не сразу не понял Эди. — А... да, я спрашивал, как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, милый, ты очень заботлив, — Света отбросила напускную обиду. — Ну что, поедем? — утвердительно спросила она и, уверенно поцеловав его в губы, решительно добавила: — Ведь беременным не отказывают, тем более когда они сами заказывают музыку...

Эди удивленно посмотрел на новую Свету и только сейчас сообразил, что она действительно похожа на своего отца.

«Да, мама была права», — подумал Эди, вспоминая слова мамы, когда их случайно оставили без внимания их новые родственники, занятые подсчетом прибыли от удачной сделки. («Мы в наваре!» — во время семейного обеда объявил тесть, удовлетворенно почесывая волосяной живот. «Мне нужен воздух вокруг тела», — говорил он и даже во время торжественных семейных церемоний восседал на центральном стуле, обласканный в одни семейные растянутые трусы.)

— Ну зачем тебе все это было нужно? — говорила мама. — Ты ведь совсем другой породы: интеллигентный, честный человек, а это семейство — местечковые хищники. Эдика, имей в виду, яблоко от яблони недалеко падает.

— Мама, у меня будет ребенок, и я не хочу, чтобы он рос без отца. Ведь мне самому его так не хватало, — ответил ей тогда Эди, уверенный, что только так может поступить.

Отец погип, когда Эди еще не было и трех лет. Иногда Эди казалось, что он помнит его, помнит густой теплый запах жженных вишневых листьев, плотно заполнявший комнату, когда отец появился в доме. («Да, — удивленно подтверждала мама, — он действительно курил трубку, а табак любил вишневый... Неужели ты помнишь? — она недоверчиво смотрела на Эди. — Ты ведь был тогда совсем маленький. А знаешь, — ее глаза на

мгновение зажигались. — Я этот запах до сих пор люблю...» — и мама замолчала, ее взгляд отстранялся, и она уходила в себя.)

— А мой папа работает на грузовике, — гордо сообщил ему Сашка, главный друг по садику. — А твой кто?

Эди молчал, злился и, прибегая домой, с порога кричал «Мама, а где мой папа? И мама, пряча слезы, рассказывала ему, что папа его капитан корабля, что он уехал далеко-далеко на этом огромном, красивом корабле в тридевятиое царство и что он обязательно вернется — когда-нибудь. «А это когда — когда-нибудь?» — допытывался Эди. «Подрастешь — узнаешь», — тихо говорила мама и нежно гладила его по непослушным волосам. Эди ждал отца долго, и только когда ему исполнилось десять, понял, что когда-нибудь — не наступит никогда.

Париж встретил Эди и Свету проливным дождем. Их группа собралась под навесом и нетерпеливо уже второй час ждала экскурсионный автобус. «Не волнуйтесь, он уже в дороге, я только что говорила с водителем, — успокаивала всех говорливая тидша. — Нам за опоздание дадут вечернюю экскурсию по городу в подарок, а ночной Париж — это замечательное зрелище, он совершенно преобразается и непохож на дневной: город как будто одевается в праздничные одежды».

«Лучше бы помогла», — раздраженно подумал Эди, с наслаждением вдыхая прохладный, прозрачный, начиненный запахами мокрой листвы долгожданный воздух осени. С каждым годом ему все тяжелее давалась летне-осенняя, переходная, невыносимо-душная жара Израиля. А здесь, в Париже, он сразу почувствовал себя дома. «Как будто в Киеве, — подумал Эди. — И платаны такие же, как там, только какие-то более вымытые, что ли?»

Эди посмотрел на Свету. Она сидела на чмоданах и с большим интересом слушала нудный треп соседа по перелегу.

— Может, и для меня сигаретка найдется? — прокуривший низкий голос развернул Эди, и он обнаружил напротив себя ту самую блондинку с зелеными длинными глазами, которую Света, прерзательно сжав губы и внутренне задыхавшись от волны ревности, раздраженно выплонула: «Гойка! трюродная бабка у нее еврейка!» — «А ты что, с ней знакома?» — по наивности спросил тогда Эди. «Я? — Эди показало, что

Света прямо сейчас, у него на глазах задохнется от возмущения. — У меня таких знакомых быть не может!» — с вызовом ответила Света, а Эди подумал, что вот он бы от такой знакомой не отказался.

— Для вас — все, что пожелаете, — галантно поклонившись, улыбнулся Эди и протянул даме пачку сигарет. — Как я понял, вы тоже с нами, — и он кивнул на стайку жмушкиса друг к другу соотечественников, тревожно оберегающих свои туго набитые чемоданы.

— Для тебя — просто Жанна. — Огонь Эдиной фирменной зажигалки на секунду выхватил ее тонкое аристократичное лицо. — Красивая штука, — она кивнула на зажигалку и, затыкаясь во всю полноту легких, выразительно посмотрела на Эди. — А эта кто тебе? — и она неодобрительно кивнула на Свету. — Для жены старя, для матери молодя. Может, металеет? — И, хрипло рассмеявшись, она так же неожиданно исчезла, как и возникла.

— Что она тут делала? — Светин шипящий вопрос вывел Эди из оцепенения. — Что же это она тебе такое сказала, что ты стоишь как соляной столб? — Она подозрительно сощурилась глазами. — Может, уже и свидание назначила? — не могла остановиться Света. Она накалялась, как электрическая плита. — Ты что думаешь, я не видела, как ты на нее смотрел?

— Хватит, прекрати истерику, — решительно оборвал Эди.

— Это не истерика, это предупреждение... — Превращаясь в обманутую рыночную торговку и упираясь толстыми руками в расползающиеся на глазах бока. Света медленно наступала на Эди, как бык на торседора. — Я не позволю тебе флиртовать со всякими грязными блядами, интеллигент пиданый! — Ее маленькие бесцветные глазки рвались наружу из-под тяжелых нависающих бровей, а трубный рокот шофера с жаром раздавался из недр ее оскорбленной женской души. Народ из группы стал с любопытством подтравливаться к очагу скандала, напряженно прислушиваясь и предавкусая его расширение.

«Противника надо брать с тылов», — Эди вдруг вспомнил наставления своего командира взвода, где он за драками и муштрой оттрубил три года солдатской жизни.

— Светочка, — голос Эди вдруг зашелестел мягкостью и нежностью хорошо отглаженного шелка, — дорога, тебе нельзя так волноваться... — Закрыв глаза и решительно шагнув навстречу, он с размаху чмокнул ее в пылающие праведным гневом шершавые щеки. — Тебе показалось, она просто стрельнула у меня сигарету... Пойдем, кажется, за нами наконец-то приехали, — и Эди, приобняв стихшую от неожиданности Свету, уверенно повел ее к открывающейся двери автобуса.

Гостиница, к которой они все-таки приблизились после часа непрерывных торможений в парижских пробках, встретила их приветливым персоналом, состоявшим из пожилого владельца отеля и его юной жены. «А тестя не покусился, видно, выбирал самый дешевый тур», — с неприязнью подумал Эди, но вслух произнес:

— Светочка, а гостиница что надо, не пятизвездочная, но чувствуется, что со стилем.

— Я знала, что тебе понравится, — удовлетворенно произнесла Света. — Ты же знаешь, как тебя любит папа, надеюсь, ты его не разочаруешь, — и она примирительно погладила Эди по плечу. — Принеси воды, милый, что-то я устала, — голосом капризной девочки попросила она и, с облегчением сбросив на потертый, в пятнах, ковер супермодельные туфли и обтягивающие лосины, в нарядной пифоновой кофте рухнула на упрямкоще заскрипевшую кровать, и через секунду комнату заполнил ее тустой, уверенный хрип.

«Наконец-то, — облегченно вздохнул Эди. — Срочно на волю!»

И, до основания живота выдохнув тяжелый вечерний скандал, он, решительно накинув новую замшевую куртку, вынырнул из номера, острожно прикрыв за собой скулящую голодной собакой дверь.

В коридоре царила сквозная тишина. «Снять, что ли, все улеглись?» — удивленно перевернул плечами Эди и горным козликом слетел по истертым, выдавшим видн, серым в точечку каменным ступеням. «Кофею бы испить», — блаженно подумал он и, вырвавшись на мокрую свободу торода, внимательно огляделся по сторонам. Через дорогу, тесно прижимаясь к углаватому жиллому дому, призывно светились ровным

желтым светом уютное, на четыре столика, кокетливое кафе. Плетеные обтекающе-круглые кресла дружно стояли в ряд — лицом к посетителю, а их узловато-кривые ножки, казалось, нетерпеливо били чечетку в страстном желании принять в свое лоно праздно шлюющихся туристов. Одно из кресел вальяжно расслабилось — Жанна, умело рассыпав шикарные волосья и закрутив длинные голые ноги жгутом, независимо поглядывая по сторонам, казалось, пила не кофе, а по меньшей мере эликсир бессмертия, и ее спина выражала полнейшее безразличие к происходящему.

— Жанна! — обрадовался Эди и, перескочив дорогу в установленном месте, казался, выпрыгнув в рядом стоявшее кресло-близнец.

— А где мамочка? Заснула, бедняжка? — Жанна медленно повернула к Эди голову, и ее холодные прозрачные глаза блеснули ехидством. — Ничего, — ее прохладная тонкая рука скользнула по напряженному колену Эди. — Мне кажется, мы спрашиваемся и без нее, правда, милый? Пойдем ко мне — я гастролирую в этом сезоне одна... Шутка! — нервно усмехнулась она, глядя, как недоуменно вытягивается лицо Эди.

Жанна поднялась, и Эди послушно, как змея, завороченная звуками факирской свирели, пошел за ее сладко-душным запахом, за гипнотизированно глядя на выскочки, покачивающиеся под крошечной кожаной юбочкой зад. В холле по-прежнему было пусто. «Только бы никто не заснул! — в лучшем случае отоворот, в худшем доложат. Найдутся блюстители нравственности...» — непрерывно крутилось в голове у Эди, пока они чинно поднимались по конопатым ступеням, конца которых видно не было. «Она что, в рай, что ли, меня ведет?» — задумчиво подумал Эди, и как раз в этот момент Жанна, наконец-то загормозвив, ловко открыла входную дверь.

— Не передумал? Еще не поздно, — призывно глядя на Эди, едко спросила она. — А то, может, вернуться к своей милашке?

Но к Эди уже вернулась его прежняя, правда, слегка подзабытая за ненадобностью уверенная охотничья хватка, и он, легко подняв Жанну на руки, понес ее к вождельно приоткрытой, белешей допустимой белизной широкой гостиничной кроватки...

— А ты был хорош... — она удовлетворенно прикрыла свои по-кошачьи свещающиеся в темноте глаза и, жадно втянув дым длинной черной сигареты, выдохнула его в лицо Эди. — Я в тебе не ошиблась, красавчик. — Жанна сладко потянулась всем своим длинным, белым, каким-то нарядным телом и отстраненно добавила: — А я в этом деле как-никак собаку съела, поверь на слово — по обслуживанию десят лет отпахала, пока своего старичка-дерьмовичка не окрутила. Только он вот пре-ставился, а наследство деткам своим поганым оставил, а я за ним горшки выносила, дура. «Все тебе, цветочек, оппипу...» — Жанна по-старчески распустила губы, видно, передразнивая покойника. — Уши растопырива, вот теперь в этой гостинице поганой и кукую, хорошо хоть ты прибился, женатик...

Эди ошутешенно смотрел на теперь уже такое безразличное для него, чужое гладкое тело Жанны, на ее по-зменному открывающийся рот и хотел только одного — побыстрее выбраться из этого, вдару ставшего таким невыносимо душным номера, избавиться от ее абсолютно не нужной ему и обременительной исповеди.

— Ты куда, богатик? Мамочку никак вспомнил?

Но Эди были уже безразличны ее подковы, и он, не вступая в дебаты, молниеносно оделся и скороговоркой бросил: «До встречи», — выскочил из этой поднебесной комнаты и, перепрыгивая через две ступеньки, помчался к себе в номер.

Света, видно, и не просыпалась, она так же промолгласно храпела, как и два часа назад, и Эди, по дороге сбрасывая с себя на пол одежду, немедленно отправился в душ. «Смыть, смочь с себя всю эту грязь!» — раздраженно, в десятый раз намырливаясь, думал он.

— Ты где вчера был? Я проснулась, а тебя нет, — Света смотрела подозрительно и напряженно.

— Так, вышел немного воздухом подышать, ты же знаешь, что я люблю дождь, — глядя в окно, равнодушно ответил Эди. — А вчера как раз был чудный прохладный вечер.

— И с кем же ты дышал? Не с этой ли курвой?

Эди в очередной раз поразился женской проницательности, но виду не подал.

— Ну что ты, дорогая, я же тебе еще вчера все объяснил, — Эди внимательно посмотрел на Светин висипий, покрасневший от недоверия нос. — У нас завтрак до девяти. Одевайся, а я пока пойду занять места, — и он мгновенно, не дожидаясь ответа, вышел из номера.

Из соседних дверей тоже выходили свежесмытые, блатаухающие соэкскурсанты, молодые, видно, только поженившиеся пары, приветливо здороваясь и о чем-то заговорщически перешептываясь. И хотя Эди тоже был относительно молод (ему через месяц исполнилось тридцать два), казалось, что годы мстят ему за что-то, отравляя его душу воцпросами, не имеющими ответа и от этого сидящими гнойной занозой в обычном двадцатичетырехчасовом дне, добавляя печаль и неуверенность его душе. «Что же это такое — душа? — непрерывно думал Эди. — Для чего я здесь и как попал в этот мир, такой случайный и такой постоянный в своем непрерывном повторении, такой прекрасный и отвратительный одновременно?»

Когда-то давно был у Эди старший друг, лохматый, длинноволосяй меланхоличный Игорь, который, поучившись на философском отделении три года и окончательно убедившись, что жить надо для удовольствия, говорил так: «Послушай, старик, — и Игорь многозначительно поднимал глаза к потолку. — Жизнь, она такая, какой ты ее видишь. Хочешь — голубая, а хочешь — одна муть. Тебе решать, что выбрать. А то, что тебе вокруг наврут, не верь никому — для каждого она играет по-своему». И он уходил в какие-то бесконечные походы, всякий раз приглашая с собой Эди. И однажды Эди даже выбрался с ним на какой-то слет авторской песни, где было много умных разговоров, много тихих песен под гитару и жуткого количества выпитой водки. («И откуда они ее набрали, ведь в матинах пусто», — удивился тогда Эди, на что Игорь, деловито наливая по третьему стакану, философски изрек: «Было бы желание, а водка всегда найдется».)

Да, человеком движет желание, оно заставляет его прыгнуть в кипящий котел и выйти отсюда победителем, подняться на высочайшие вершины и почувствовать себя птицей перед полетом. Одно только такое желание желать — живительно само по себе. Но не всегда оно направлено вверх, чаще всего горизонтальность его направления упрямо гонит чело-

века за ускользающим хвостом нескончаемых земных благ, теряющих свою ценность немедленно по достижении цели. И тогда новое, такое же поглощающе-плоское приходит к нему на смену, заслоняя от человека истинную ценность жизни — простое наслаждение днем.

Только вот не каждый готов увидеть этот день, но если почувствовал его хоть один раз, забыть и отказать уже невозможно. Все это Эди понял, когда влюбился в Асю. Они учились в одном классе, и однажды Эди вдруг заметил, что Ася не такая, как все, — ее коса была самая толстая, а колени самые круглые. Только потом Эди догадался, что это из-за того, что он влюбился, а тогда ему казалось, что мир вокруг него просто изменил цвета и что почему-то возле Аси он, этот мир, становится теплее и радужнее. Потом, правда, все прошло, он в первый раз переболел обманными иллюзиями, но ощущение наслаждения днем осталось и иногда возвращалось призрачными надеждами повторения — тогда, когда Эди влюблялся. Он, как лодка без весел, поддавался течению захватившего его чувства, оно несло его к неизведанным берегам надежды, и всеохватывающая гармония мира пела ему дивными голосами сирен, обещая впереди блаженство и растворение в океане понимания и любви. Но после Аси была Люба, потом Стелла, а потом неожиданно и страстно появилась молодая двадцатипятилетняя красавица Софочка. Вот Софочка и стала для него той лакмусовой бумажкой, по которой он, уже гораздо позже, наученный опытом, матерый всезнающий волк, в дальнейшем мог отличать простую влюбленность от настоящего, не исчезающего во времени и пространстве чувства любви. Софа была старше его на пять лет. Высокая, черноглазая и смешливая, она училась в художественном училище, обосновавшись на тихой тенистой улице между густыми, тяжелыми ветвями каштанов, недалеко от института, где только начинал учиться Эди. Он видел ее каждый день в длинном хвостатом рейсовом автобусе, где она, не обращая на него никакого внимания, внимательно рассматривала какие-то толстые альбомы и, задумчиво вглядываясь в иллюстрации, водила по ним своей тонкой, изысканной рукой, как будто пытаясь их повторить. Так продолжа-

лось недели две, пока в один из серых дождливых дней начинающейся мягкой киевской осени Элина сумка, как обычно висевшая у него на плече, внезапно не оборвалась и не упала тяжелым мешком прямо к Софе на колени. Софа резко подняла голову и почему-то не нашла, что сказать, а вместо этого тихо улыбнулась и протянула сумку сумленному и почему-то совсем растерявшемуся Эди.

С этого все и началось. Ее глаза притягивали его волшебством теплого сияния, и Эди как завороченный, постоянно мучаясь желанием прикосновения, не находил себе места, когда рядом не было Софиной нежной и страстной руки.

Лена и Таня

КОГДА зазвонил телефон, Лена только-только успела намылить голову недовольно скандлявшей Линочки. Купаться она не любила совсем, и вечерние купания превращались для матери и дочки в борьбу двух равных упорных характеров, в которой силой возраста пока побеждала Лена. «Черт, как не вовремя!» Лена наспех вытерла руки о дареное полотенце и кинулась к начинающему гортничать телефону.

— Танька, ты? Ты чего так поздно звонишь? Я Линочку купую, перезвони! — и, бросив трубку, Лена опрометью понеслась в ванную. Она спешила не зря: за это время Линка исхитрилась выпустить воду из ванны и уже одной ножкой выбралась из нее.

— Мама, я уже чистая, правда?

Ее глазки сияли невинностью, а с волос снежками хлопьями слетала мыльная пена.

Снет. Лена вспомнила морозную упругость снега под ногами. Ей, наверно, тогда было лет шесть. Папа вез санки, а она, сидя на них, кричала ему: «Быстреей, быстреей!» — и он, набирая скорость, весело бежал и, заботливо оборачиваясь к ней, нежно просил: «Держись крепче!» Лена неистово впиалась пальцами в подлокотники, и глаза сами закрывались от ужаса и восторга одновременно — казалось, она летела над белыми ватными сугробами колочего снега, и морозный воздух января, паром исходящий от ее глубокого, свежего дыхания, медленно туманным облаком поднимался к свету фар и парил над ними волшебным плащом феи из сказки про Золушку, которую Лена так любила.

— Тань, ну что там у тебя стаялось? — Лена, закрыв глаза, устало присела на приличный хозяйский диванчик времен провозглашения независимости Израили. — Что-то срочно? А то я с ног валюсь.

— Ленка, проснись, я работу нам нашла — завтра надо выходить. Сказали, к восьми подъехать в «Плажу», в Тель-Авив — нас там будут ждать. — Танин голос гордо замер, призывая Лену к восторженным просьбам о продолжении. Но Лена почему-то выразила не восторг, а подозрение:

— И кто же нас там будет ждать, не сутенеры ли?

— Не уминачай! — Танина интонация съехала с мажорной на минорную. — Нормальный изер, мы с ним сегодня в кафе познакомились, ищет горничных, сказал, не обидит. Пойдем, Лен, а то мне одной не в тему.

Лена за долгие годы дружбы Таню выучила почти наизусть и, зная ее натуристость, решила не сопротивляться. «А может, и правду есть там нормальная работа?» — подумала она и, договорившись на семь утра возле таханы меркаит, рухнула на протрепую Линочкой постель и тут же провалилась в сон.

Вторая специальность, если ее вообще можно так назвать, у Лены была редкая и по злым ивритским меркам просто смешная: поэт-переводчик. В Литинститут она поступила со второй страстной попытки, отвергая уловы родителей не делать, по их мнению, эту глобальную глупость. Но дело было сделано, и диплом, защищенный по Марине Цветаевой, уютно свернутый трубочкой, до сих пор лежал на дне еще не совсем разобранного рюкза студентического чмодада. Чмодада, с которым она семнадцатилетней наивной и доверчивой девчонкой приехала из теплого вишневого городка в огромную, чужую и холодную Москву. Теперь этот чмодад лежал на шкафу, а вместе с ним и не переведенный на иврит, такой желанный и престижный когда-то диплом. Второй диплом. Но был и первый — ненавистный, но подкармливавший когда-то не очень сытно и радостно, но стабильно, величаемый в простонародье «туалетный мастер», а на высоком литературном русском языке — инженер по сантехнике и канализации. Этот кормилец, первый, был уже переведен, украшен баг-

ровой круглой печатью и лежал теперь аккуратно как раз в сборнике стихов Цветаевой. «Ухмылки и гримасы жизни» — так ласково окрестила Лена две эти, казалось, такие ненужные здесь бумажки.

«Взять, что ли, с собой инженерную грамоту?» — подумала Лена, наскоро нагпгивая потертые старые джинсы и глядя на часы, стрелки которых нервно приближались к семи. Линочка уже нетерпеливо била ножкой.

— Ничего, Танька подождет!

Лена наскоро соорудила дочке бутерброд с сыром и, глотнув остатки вчерашнего остывшего кофе, выскочила из дома, крепко держа непокорную ручку Линочки.

— Ну ты даешь, подруга! — Таня недовольно оглядела Лену. — Я тут уже третьему автобусу ручкой сделала. А ты чего джинсы старые напялила — мы же на работу продавать едем! — Танины начерно закрашенные тушью глаза выразили недоумение. Сама она невярдо стояла на остроносах «лодочках», сразу приподнявших ее над повседневностью сантиметров на двадцать, а ее круглая фигурка, вписывая в темно-синий костюм фабрики «Большевичка», выражала целеустремленность и непоколебимую веру в себя.

— Ладно! — она махнула своей маленькой пухлой лапкой с бордовыми ноготками. — Тебе повезло: автобус...

К остановке приблизился желанный, слегка потертый автобус. Его бока полированно отливала рекламными достоинствами, а внутри, в салоне, старые изношенные кресла привычно принимали уже не первых за сегодня посетителей — сонных, разноцветных и разноязычных пассажиров, немолимо впадавших в забытью от бесконечных и однообразных подергиваний автобуса, продирающегося сквозь густую сеть машин, как сквозь колючий кустарник.

Лена удобно устроилась на заднем сидении и начала рассматривать пассажиров. Да, она любила это занятие, любила незаметно наблюдать за незнакомыми людьми, придумывать их привычки, занятия, характеры. Ей были любопытны абсолютно все окружающие ее люди, она как будто попадала в театр и чувствовала себя зрителем. Делала она это незаметно, как будто скользя случайным и незантересованным взглядом, моментально улавливая все мелочи одежды и выражения

лица. Эта страсть и опыт исследования появилась у нее в московском метро, когда на длинных перегонах или на уходящих в подземелье душных эскалаторах перед ее глазами мелькали тысячи совершенно не похожих друг на друга лиц, волого обостренности объединенных и обреченных в этом замкнутом пространстве на вынужденное бездействие.

Люди, сидящие в автобусе, сильно отличались от привычной бледно-русой равнодушной московской толпы яркостью загара и живостью движений. Казалось, от их коренастых упитанных тел исходили жаркие, перетретые потоки энергии, проявлявшиеся в энергичной жестикуляции и громких, низко-горланых голосах. Главной фигурой в автобусе был несомненно водитель. Шапка беспечно выщипанная рыжих волос была небрежно наброшена на густые черные, соединенные на переносице брови, прозно нависавшие над живыми, стреляющими веселыми искрами, прозрачными зелеными глазами. Нос искривленным указательным пальцем, казалось, неоднократно указывал направление движения и что-то непрерывно пережевывал длинными рыжими завитками, свободнорыбно развешиваясь на волого из бойниц этой своеобразной башни. Губы были на удивление узки и бесцветны, зато подбородок выдавал в шoferе бывшего боксера — широкий и мощный, он придавал уверенности пассажирам самим фактом своего существования. «Все-таки мы когда-нибудь приедем», — глядя на него, подумала Лена.

Ехали они с Таней уже часа полтора, и цель, по всей видимости, уже была близка: шофер уверенно поманил их к себе своей волосатой мускулистой рукой.

Гостиницу они обнаружили неожиданно быстро. Серое двухэтажное здание, зажатое между заброшенным, покосившимся особняком с одной стороны и гаражом по ремонту машин — с другой, вызывающе заявило о своем присутствии яркой неоновой вывеской — «...ЛАЖА». Первая буква «Л» была безвозвратно утеряна, и от этого название казалось по меньшей мере странным, если не сказать подозрительным.

Лена и Тани в нерешительности замерли у входа.

— Лен, ну что — рискнем? — Тани легко покачивалась на своих высоченных каблучках и выжидаательно смотрела на Лену.

— Вперед! — выдохнула Лена, как перед прыжком, и рывком открыла массивную деревянную дверь — она на удивление легко, гостеприимно открылась, и подруги оказались в достаточно уютном полутемном лобби.

— Вы к кому, красавицы? — неожиданно из темноты возник низкий мужской баритон, и постепенно за ним материализовалась плотная, квадратная фигура охранника. — Кто заказывал?

— Как это заказывал? — неуверенно пробормотала Тани. — Мы на работу, нас пригласили.

— Вот я и спрашиваю: кто заказал? — наступал охранник, недоуменно рассматривая этих двоих. «Курицы, а эта вторая на наседку тянет, а туда же, — недобрительно думал он. — Нет чтобы как люди деньги зарабатывать», — охранник вооб-разил свою жену, терпеливо и безнадежно мощную изо дня в день поля в подъезде высоченного тель-авийского дома и получающую за это такие смешные деньги, что, глядя на них, хотелось просто плакать. «А может, и Соньку сюда отправить? — иногда прокатывалась у него в голове шальная мысль. — Нет, не возьмут — не в роже ее сила, а тут товар лицом», — и он продолжал безнадежно тянуть лямку в охранниках на таком важном и ответственном объекте — в доме свиданий, как его называли все в округе.

— Мы на работу устраиваться... — Видно, Тани начала приходить в себя. — Я с Рони договорила, он сказал, может, горничными возьмет. Он где сидит?

До охранника, видимо, начало доходить, что то ли он, то ли эти сумасшедшие бабы что-то перепутали. Небрежно выс-тавив указательный палец с расплывавшейся на нем мощной золотой печаткой, он ткнул им в лестницу, ненавязчиво ух-одившую на второй этаж.

— До конца и направ! — крикнул он вдогонку.

Даже если бы охранник не уточнил, ошибиться было невозможно. Вотгичне от серых неприметных дверей, тянувших-ся вдоль коридора, эта дверь сразу заявила о себе пышно-стью убранства. Насыщенное бордо осенних кленов в сочетании с массивными золотыми буквами покуда малознакомото иврита наверхника сбили с пути истинного уже не одну неис-кусственную душу, волого судьбы приближившуюся к этой двери

с тайной надеждой в сердце и страстным желанием: «Сезам, откройся!»

Таня легко постучала, и, услышав небрежное «Кен!», дверушки боком вошли в комнату.

За широким и высоким, как штормовая волна, столом полудежало что-то, похожее скорее на мужчину, чем на что-либо другое, почти лысое, с легкими прожилками крашенных темно-синих волос на яйцеобразном черепе, маленькое, почти бесполое существо. «Ну чистый херувим! — пронеслось у Лены в голове. — И куда Танька смотрела?»

Оно медленно подняло огромные пушистые глаза и, не снимая со стола свои коротенькие пухлые ножки, обложенные в наглаженные дорогие штанишки, оканчивавшиеся блестящими кобойскими ботинками, вопросительно посмотрело на подружек.

— Вы ко мне? — голосок был чист и тонок.

— Я вообще-то с Рони договаривалась... — Танино неуверенное сопрано ударилось о стерильную белизну стены и, видно, попал в цель, вызвало совершенно удивительную реакцию. Существо, выпорхнув из стула, вскочило на ножки и, предостав во всей красе своего исполинского роста, галантно протянуло к Тане свою нежную мышиную лапку.

— Элиас, друг и компаньон Рони, — важно представилось оно, со щедрой улыбкой заглядывая Тане в глаза. — Рони мне говорил про вас. К сожалению, это с нами не будет — важные дела!.. А вы у нас, как я понимаю, поработать хотите? — Он хлопнул одним глазом.

«Подмигнул!» — в ужасе охнула про себя Тania.

— Рони сказал, что есть у вас места горничных. — Она начала нервничать. — Что работа не тяжела и оплата почасовая — приличная.

Элиас при слове «оплата» встрепенулся и, подхватив девушек под руки, нежно подвел их к маленькому, кругленькому, казалось, кукольному столику, одновременно с этим нажав на какую-то кнопку. Через минуту в кабинет недовольной походкой прошаркала чернявая немолодая женщина, чем-то очень напоминавшая ворону, и, скользя неodobрительным взглядом по ничему не понимающим подругам, кинула носом в мальшца:

— Больше тридцатки не положу! — и, не дожидаясь ответа, зашаркала к выходу.

В бесных глазах Элиаса появилась обида и легкое разочарование, однако он все-таки вытщид, переборов природную бережливость, огромную, уже бывшую в употреблении красивую коробку конфет и, заняв ею весь столик, щедро предложил:

— Утошайтесь!

После чего немедленно запустил в коробку свою серую лапку и, выловив оттуда приличную порцию шоколада, умело забросил его в свою, как оказалось, совсем не маленькую ротуюю щель. Лена и Тания, внимательно смотревшие ему в рот, процесса пережевывания не заметили, но огромный кадык на щеи интенсивно двигался. «Заглатывает», — сообразила Лена. Элиас облегченно вздохнул, и выражение его лица приобрело сладкий, шоколадный вкус.

— Девочки, работа для вас определено есть, и работа очень почтенная. Про оплату договоримся позже, посмотрим, как вы будете справляться со своими обязанностями. А обязанности очень просты и, я бы даже сказал, приятны. — Его глаза заволокло тонкой паутинкой порока. — Хорошее обслуживание и... — он усталился прямо в глаза Тании, — добросовестный уход за клиентом.

Последняя фраза зависла где-то под потолком и, повисав там немного, камнем рухнула на головы подруг наконец-то определившимся положением вещей.

Таня и Лена одновременно вскочили и, не обращая внимания на заверения о приличных быстрых доходах, нешился им вслед, рванули со всей возможной скоростью из этого завлекательного кабинета.

— Черт! — Тания дернула туфлю с подкосившимся каблучком, видно, не выдержавшим такого поворота событий, и, тужею подкакивая на одной ноге, вцепилась, как утопающая, в Ленину руку. — Ленка, быстрее к выходу, пока не догнали!

Но никто за ними не бежал и, как видно, дотонять не соби-рался. В стране царил демократия без насилия над личностью.

— Проститутками здесь, очевидно, становятся только по призыванию, — высказала свое глубокоемысленное предполо-

женне Лена, когда они, слегка отдышавшись, поняли, что продолжения не будет.

— Ну, випигли! — простонала Таня, исследуя раненую туфлю. — Спасибо, хоть ты со мной поехала, а представляешь, была бы я тут одна!.. — И она в ужасе замотала головой. — Я ж тебе говорила, они здесь все сексуально озабоченные... брр, противно как! — И она пожеглась, как от холода. — Пойдем, что ли, по Тель-Авиву пошлимся, — и, как бы отвечая на Ленин недоуменный взгляд, сняла и вытворю туфлю. — А я босяком, так даже приятнее.

Со стороны Таня явно была похожа на сумасшедшую — синий строгий костюм на босу ногу, видно, не совсем был привычен взгляду, казалось, ко всему привыкшей безразличной публики большого города. Прохожие недоуменно присматривались, а некоторые особенно любопытные откровенно присвистывали и поворачивались вслед. Но Таня шла, гордо подняв голову, всем своим видом показывая, что только ей, а не кому бы то ни было, решать, в чем, где и когда ей ходить. В отличие от Москвы, здесь не хватало простора и устроенности — улицы были не слишком широки, и под редкими деревьями не стояли такие уютные и милые сердцу деревянные скамейки, под которыми так любила сидеть Лена после прогулки по длинным, бесконечным липовым аллеям бульваров. Зато здесь через каждые двадцать метров тесные, потрескавшиеся асфальтовые тротуары прерывались светлой крошечных кафетериев, мирно и сонно конкурировавших между собой, казалося, веками. Окончательно запутавшись в их головокружительном повторении, Лена и Таня решились все-таки, не смотря на вынужденные расхождения, присесть и отдохнуть в привычной тени этих круглых цветастых зонтиков, над прямоугольными столиками, по-домашнему затянутыми клеенкой.

Не успели они сесть, как к ним подлетел тощий длинный очкарик с простыми, обернутыми в целофан бумажками, чем-то отдаленно напоминавшими меню. Он небрежным жестом бросил их перед клиентками и так же молниеносно исчез в узкой, прокофенной тишине рестораника...

Таня важно поднесла к глазам эту заморскую грамоту и, внимательно ее изучая, вся ушла в процесс познания иврита.

— Лен, смотри, я кофе нашла! — она восторженно посмотрела на Лену. — Черным по белому: ка-фе! — Она вывела слово по слогам, как прилежная первокурсница. — Фу, вся вспотела, пока прочитала, ну и язык, голову сломать можно — нет чтобы как у людей, слева направо, нет же, и тут выделиться надо.

Лена внимательно посмотрела на Таню, и ей показалось, что это не седовышняя двадцативосьмилетняя Таня сидит перед ней, а та семилетняя ее подружка по первому классу, с которой учительница Вероника Степановна их постоянно рассаживала. «Девочки, — просила она с материнским укором в голосе, — не болтайте, а то расскажу вас по разным партам». И рассказывала. К концу урока они обязательно сидели в разных концах класса. И почему разговаривать на уроках было так интересно? Мир тогда казался цветным и радостным, полным ласкового шороха тенистых деревьев, голубиного ухана по утрам, пропитанным запахами жженных осенних листьев и несмываемым вкусом незрелого кислого крыжовника на руках. Детство, как сладок твой запах! Цветные стеклышки, кругленькая, блестящая, плоская жестяная коробочка от крема — битка для игры в «классики», красный в желтых прожилках кленовый упавший лист, мигкий луч утреннего солнца через окно — где вы? Где та прозрачность неба и объяснимость всего вокруг широко открытыми, доверчивыми детскими глазами? Почему с годами бледнеют цвета и теряют остроту запахи, почему не хочется так неистово спорить, отстаивая себя, свою, только тебе известную истину, зачем приходит это торжеское понимание относительности происходящего, брэнности, бесконечного повторения процессов — детство, юность, зрелость, старость, смерть... Вот только неизвестно, что там за этой, казалося бы, последней чертой, а может, там продолжение и так, как в детстве...

Мамы Тани и Лены, казалося, всегда были подружками — черноволосяя, крупная, красивая яркой, южной красотой Антонина, мать Тани, и тонкая, изящная, голубоглазая Мария — Ленина мама. Лена знала, что они были подружками детства, вот как сейчас — она и Таня. Лена запомнила их такими в то душевное, знойное лето в Ялте, куда они бежали вчетвером от пыльной, рутинной городской жизни. Так говорила тета Тоня

в плацкартном, шумном вагоне поезда, передетая в цветной домашний халатик: «Девчонки, наконец-то мы вырвались из этой трясины — целый месяц морского счастья! — и она смачно забрасывала в свой цветущий, бордовый рот почти целое крутое яйцо, захрустывая его молодым, пырычатым огурчком. — Маня! — Она никак не могла привыкнуть за долгие годы дружбы к молчаливости и замкнутости Марии. — Ну, Маня, скажи хоть чего — ты-то рада или просто компанию составляешь? — И тут же сама отвечала: — Ладно, молчи, молчуны, знаю тебя — все молчком, ты так и Павлика своего окрутила, боготще мое тихое», — и она с нежностью глядела Марию по тонкому, как будто девичьему плечу.

В Ялге они сняли хибарку на самом берегу и с утра в одних купальниках лениво брели к зеленой, прозрачной глади моря, покупая у хозяйственных старушек горячую молодую картошку, щедро приправленную укропом и оглушительно пахнущую чесночком. Долго, до изнеможения плавали в тепло-шелковистой соленой воде, прелись под южным прозрачным нескончаемым небом, и так изо дня в день, пока не закончилось это южно-морское счастье.

«Сколько же нам было? Лет двенадцать, наверное», — подумала Лена.

— Тань, — Лена посмотрела на зачитавшуюся Таню, — помнишь, мы были в Ялге, ну, тогда, когда ты уплыла куда-то на матрасе, а мы тебя по всему берегу искали.

Таня непонимающе смотрела на Лену.

— Ну, Танька, ты что, все забыла, что ли? Нам тогда лет по двенадцать было, мы еще с мальчишками местными, забыла, как их звали, Моно и Дан, что ли, ну, не важно, за нашим домиком сидели, пока наши мамы дневной сон принимали...

Лицо Тани просветлело.

— Лен, ты что это в воспоминания ударилась? Мы ж еще не старые. А тогда нам точно лет по двенадцать было, вот только не Моно его звали, а Марон, ты не знаешь, мы с ним потом около года переписывались.

Лена удивленно посмотрела на Таню, как будто увидела ее в первый раз.

— Вот так новость! Что ж ты мне тогда не рассказала? Ведь между нами секретов не было.

— Ты забыла, что ли, ты ведь выноблена была в него, все уши мне тогда прожужжала, как же мне было тебе об этом говорить?

— И много еще было такого, чем ты меня печалить не хотела? Открывайся, сегодня уже можно, — и Лена ободрительно кивнула Тане.

— Лен, а может, лучше не надо, до Судного дня еще далеко, и погода посмотри какая замечательная — на дождь не тянет. Чего расстраиваться-то лишний раз?

Лена озадаченно посмотрела на Таню. «И действительно, чего это я, проблем, что ли, мало, еще и Таню решила на чистую воду вывести».

— Ладно, прорехали, давай лучше что-нибудь попьем, а то что-то во рту пересохло.

Тут же, как по мановению волшебной палочки, возник официант, казалась, стоявший за спиной и ждавший именно этого слова — «попьем».

— Два кофе, пожалуйста, — вежливо попросила Лена на чистом русском языке, при этом соорудив из пальцев символ свободы.

Парень потнул своей стриженной головой и вернулся с двумя маленькими чашечками черного ароматнейшего кофе.

— Тань, а может, иврит и учить не надо, и так все понимают.

— А чего тут понимать? Кофе — он и в Африке кофе, — задумчиво подтвердила Таня, с интересом поглядывая в сторону сидевшего за хозяйской стойкой официанта. — Лен, а может, он и не официант вовсе, а хозяин? — Танины глаза начали потихоньку загораться, пока не зажглись ярким дальним светом, и, отглевив прядь прилипших от пота волос, Таня голосом дивы пропела на чистейшем, как ей показалось, английском: — Извините, подойдите, пожалуйста.

Очарик вежливо отложил голстую книгу и бросился на зов в ожидании продолжения заказа.

— Можете и по-русски, я понимаю, — великодушно предложил он.

— Садитесь, — Таня не менее великодушно сделала приглашающий жест. — Давайте знакомиться. Я — Таня, а это моя подруга Лена. Мы олот халашот, новенькие, а вы, —

она уважительно обвела рукой крошечный ресторанчик, видно, внушавший ей большие надежды, — вы, наверно, хозяин?

Лицо очкарика вытянулось, рот открылся, Лене даже показалось, что ежик волос на его голове стал в стойку. Он молчал. Тани молчала тоже, не снимая ступь обольстительную улыбку. «Утодум», — определила его для себя Лена. Прошла минута, другая, Тани отчаянно держала улыбку, Лена внимательно рассматривала потрепавшийся лак на ногтях, боковым зрением наблюдая за заторможенным. Коротенькие волосики на его кудрей голове слегка ожили и начали медленно подрагивать, видно, в унисон мыслям. «Процесс пошел», — облегченно подумала Лена и не ошиблась. Действительно, рот наконец закрылся и мгновенно открылся булькающим, растерянным фальцетом:

— Нет-нет, я только сын хозяйина, я Шмуль, студент колледжа. — Взгляд его метался между Леной и Таней, пытаясь понять, что же от него хотят эти русские.

— Студент — это хорошо, — одобрила Тани. — А дальше? — Хочу стать бизнесменом, семейное дело расширить, — начал раскачиваться он. — Еще год помучаюсь, а потом папа обещал помочь открыть такой же ресторан рядом с элим. Он у меня человек умный, сам когда-то был, как вы, олимом.

— Тоже олимом? И давно? — заинтересовалась Тани, как будто прикидывая для себя, через сколько лет сможет потянуть такое дело сама.

— Давно, уже лет тридцать, его сюда моя бабушка привезла, когда ему было пятнадцать. Она мне рассказывала, как им тяжело здесь было, она одна троих детей растила, без денег, без специальности. По утрам, пока дети в школе, полы мыла, а потом с Моше познакомилась — это мой дедушка по бабушке, — пояснил он и, сбегав куда-то, принес семейное фото. — Вот бабушка, вот ее трое сыновей, вот справа мой отец, а это... — он ткнул пальцем в мужчину прозванного вида, — Моше. Он сапожником был — устроены, помог бабушке сыновей поднять, крепкий старик. До сих пор жив, ему уже девяносто.

— А бабушке тогда сколько? — удивленно спросила Тани, быстренько подсчитав, что бабушке лет семьдесят.

— Да, Моше ее на двадцать лет старше. Теперь она ему помогает. Живут сами, у них квартира в Рамле небольшая, а папа и его брат их по очереди навещают.

— А третий брат где? — уже почти по-родственному спросила Тани.

— А он в Голландию уехал лет десять назад — в кибуцце жил и познакомился там с голландкой, она приехала на год поработать — опыт в разведении цветов перенять, а теперь свой цветочный магазин там держат — процветают. Мои родители сейчас у них в гостях — на неделю уехали, поэтому я здесь, семейный бизнес поддерживаю и заодно опыт набираю. А вы откуда?

— Из Москвы, — гордо произнесла Тани, и ее нос незаметно для нее самой полез вверх, но, видно, опомнившись, что здесь никто не удивится бывшей московской пропиской, вернулся в прежнее положение и даже начал клониться долу. — Ну что теперь с того? — она грустно пожала плечами. — Вот, начинаем все сначала... — Тани задумчиво-нежно посмотрела на Шмуля. — Может быть, вы посоветуете, что делать, где на хлеб зарабатывать?

— А вы знаете что, телефон мне свой оставьте: родители придут, я у них узнаю и позвоню, у папы много друзей со своим бизнесом, может, что-то и для вас найдется. Нет, денег не надо, — он отодвинул бумажку, которую протягивала ему Тани. — Мне хочется вас угостить. Вы такие приятные, заезжайте ко мне — поболтаем. А сейчас я побегу, — он показал глазами на только что осевших у столиков посетителей.

— До встречи, Шмуль! — Танины глаза сверкали. — Буду ждать звонка. — И, поглав ему воздушный поцелуй, Тани и Лена в прекрасном расположении духа пошли на поиски автобуса.

Уже стемнело, зажглись фонари, и их желтый теплый свет нарисовал Лене совсем другой город, город неоновых реклам, за которыми размытыми темными силуэтами прятались нескладные короткие и длинные кубики домов, выявив подвесочные кроны густых вековых деревьев, и даже воздух, дущный застоявшийся воздух сентября приправив дождливой соленой свежестью моря.

Эди и Люба

В КОМНАТЕ было темно и тихо, пространство дробилось мерным тиканьем часов в салоне. Сон не шел.

«Надо вставать, — подумал Эди и, не раздумывая долго, выпрыгнул из широкой, недавно купленной холостяцкой кровати. — Двенадцать лет каторги — да, у меня оказалось завидное терпение». Эди открыл окно и, с удовольствием вдыхнув апельсиново-лимонное цветение, решил немного размяться. У окна стояла новенькая американская бетоная дорожка «Филипс», и, выставив на циферблате скорость — десять километров в час, — Эди неслоропливо двинулся вслед за плавающим скольжением черной гладкой поверхности тренажера.

«Никогда больше не женюсь, с местными религиозными порядками это просто опасная авантюра. Пока разведешься, адвокаты мало что почти все деньги выкачают — душевных сил не оставят. — Эди как будто продолжал затаившийся на года диалог с самим собой. — Вездь было же понятно с самого начала, что ничего путного у нас со Светкой не получится».

В последнее время Эди не мог понять, что с ним происходит. Внешне вроде ничего не изменилось, слава Богу, заказы продолжают поступать, пришлось даже взять еще людей, прежний состав из инженера, чертежницы и секретарши уже не справлялся с объемом работ, а заказы все приходили и приходили. Правительством шедрой рукой распределяло деньги, соборанные и аккредитированные на алию еврейскими общинами многих стран. Расширялись и строились новые автотрассы, возводились новые, невиданные раньше в Израиле современные высотные жилые кварталы, бетонно-стеклянные шестидесятиэтажные офисы необычных форм внезапно воз-

54

никали на месте разрушенных одноэтажных трущоб, страна ожила после длительного кризиса, поднимая благополучие благополучных и давая возможность бедным слегка раскуститься туго затянутые пояса. На «академию» государство даже начало выплачивать зарплату, правда, минимальную, но Эди знал, что любой оле, только приехавший в страну, с радостью согласится на этот прожиточный минимум.

Объявление о том, что он ищет специалиста, казалось, взбудоражило большую, если не сказать лучшую, нахлынувшую за последний год в Израиль инженерскую массу. Так, во всяком случае, показало Эди после того, как он в порядке эксперимента дал объявление в газету.

Оно вышло в русскоязычной и, как ему объяснили, наиболее читаемой олимпиа газете «Наша», что Эди и оценил уже в ближайшие часы, не говоря даже о тех пяти днях, превратившихся для него в один сплошной беспощадный звонок. К концу пятого дня на Эди жалко было смотреть, о чем ему и сообщили с тревогой во взгляде его сердобольные ребята, остро переживавшие возможность появления дополнительного конкурента в ближайшее время. Перед глазами Эди прошли самые разнообразные представители инженерного племени: выходцы из столичных и провинциальных вузов, опытные, со стажем работы в тридцать лет, и вечеральные юные и не очень выпускники, растерянные перед неизвестностью завтрашнего дня и сильные, закаленные жизнью люди. «Странно, — думал Эди, — почему при одних и тех же обстоятельствах одних жизнь закаляет, как стальной клинок, других гнет, а третьих ломает с беспощадностью смерча, пронесшегося над лесом. Что это — изначально крепкое душевное здоровье, заложенное предками, или плата души, обрабатываемой своей карму?»

В последнее время Эди стал увлекаться мистикой. Когда ученик готов — приходит учитель. Учитель действительно пришел, когда Эди усиленно искал ответы на постоянно возникавшие вопросы. Но полученные ответы рождали все новые вопросы, и душевный покой, казалось, надолго затеял с ним игру, детскую игру в прятки...

На шестой день терпение Эди истощилось, и тут появилась уверенная в себе, подтянутая и коротко стриженная Люба.

55

Приехала она в страну недавно, и Эди после непрерывной череды интервью решил все-таки остановиться на ее кандидатуре. Люба показала Эди женской опытной и расслугой. Работала она в прошлой жизни тоже по этой специальности — в проектной институте и веда группой из десяти инженеров. «Подучит как следует иврит — буду отправлять ее вместо себя на совещания, хоть немного освоюсь», — подумал Эди и, внимательно просмотрев на Любу, предложил: — Выходите завтра, думаю, что мы сработаемся.

«Посажу ее вместе с Керен — волей-неволей разговорится, — с ее-то способностями умирарощего на ноги поднимет». Керен работала у Эди уже давно — молодая суперэнергичная персианка, отлично знающая свое секретарское дело и успевающая за рабочие часы решить не только все дела Эди, но и проблемы всей своей многочисленной семьи. Эди закрывала на это глаза, зная, что интересы фирмы Керен считала своими.

Люба вошла в коллектив легко и просто, быстро подружилась с Керен, и уже через пару месяцев Эди понял, что не ошибся, — характер у нее оказался легким, а инженерные решения правильными. И вообще что-то притягательное было в этой небольшой, аккуратной и собранной женщине — что-то, чего всегда не хватало Эди. «А не махнуть ли мне с моими работниками в Тверию на Новый год? Ведь наверняка ни Питер, ни Люба там еще не бывали, — решение это возникло спонтанно, но показалось интересным и заманчивым. — Не с родителями же Светы нам праздник встречать, нет уж, хватит, насиделся, сначала учить начнут, потом жаловаться на жизнь, а к десерту и к попрекам подхлывут. Впрочем, меню известно, а из года в год оно все больше нафталином подпахивает».

Все встретили это приглашение на праздник жизни с радостью, все, кроме Светы. «Тебе что, денги жмут? — недовольно кричала она в телефонную трубку своим подозрительно-раздраженным голосом. — Или ты с новенькой решил поближе познакомиться? Знаю тебя, за каждую юбку цепляешься!»

Прошло уже двенадцать лет после женитьбы, но Света никак не могла смириться с тем, что с каждым годом она становилась старше, а Эди как будто не менялся. Разница в возрасте давала о себе знать. И хоть Света могла себе позволить все,

что и делала регулярно: в сорок два — подтяжку век, в сорок семь — гормональные уколы в складки вокруг рта, и вот теперь, в пятьдесят два, готовился грандиозный проект полной подтяжки лица, — все эти омолаживающие мероприятия не делали ее ни красивее, ни моложе в глазах Эди. Он давно уже устал от ее глупых вопросов и еще более глупых ответов. Но Шири... Да, Шири — вот кто была настоящей его страстью, его любимым, родным, самым близким на свете существом, его продолжением. С самого первого дня, с первой минуты своего появления на свет Шири своими серыми глазками, своей абсолютной похожестью на отца — «Ну, не ошибешься — твоя копия», — слышалось со всех сторон вот уже двенадцать лет, — основательно и прочно поселилась в его сердце, и Эди казалось, что расставание со Светой неизбежно ранит нежнучю, такую трепетную и доверчивую душу его дочери. Самое странное было в том, что Светины подозрения не соответствовали действительности. Ну, не совсем соответствовали. Ну, бывали короткие, стремительные интрижки, да, вот именно, небезательные случайные связи, но Эди чувствовал себя незаслуженно подозреваемым — ведь ничего серьезного, что затронуло бы его душу и сердце, не было, а значит, и не было измены.

«Странные женщины существа, — не раз думал Эди. — Ведь любовница — это от слова «любовь», а раз нет любви, значит, и любовницы нет». Но Света не верила его заверениям, видно, подсознательно не разделяя его теорию, и каждое их соотношение становилось год от года все более редким, заканчивалось одним и тем же финалом: Эди высканивал из дома и бежал к берегу моря сбросить с себя липкое, раздражающее, тошнотой подступающее к горлу помойное варево скандала. «Все, хватит, это не может так больше продолжаться!» — решительно думал он, хлопывая за собой дверь, но, продавившись, неизменно возвращался к знакомому порогу их трехэтажной виллы — свадебного подарка тестя.

— Эди! — телефонный звонок жены выхватил Эди из теоретических расчетов по гидронагдуке, над которыми он корпел уже третий час, и вернул к земным, насущным проблемам. — Мы с Шири с тобой в Тверию не едем, на этот раз ты свободен, причем, как всегда, — язвительно добавила Света. — Папа

просит нас поехать с ними в круиз по Средиземному морю. Если хочешь, он и тебя возьмет... — В трубе повисла напряженная пауза. — А если не хочешь, хорошенько подумай, перед тем как отказаться.

Последнее слово как будто соскочило со строки, и короткие, ритмичные гудки аккуратно продолжили výkonе сформированную угрозу.

«Нет, это уже слишком! — Эди с отвращением посмотрел на телефонную трубку, и ему даже на мгновение показалось, что из нее высовывается длинный тонкий змеиный Светин язык.

— Ну чистая змея! — сторуяча сказал Эди.

— Это вы про кого? — неожиданно где-то из-за спины возник удивленный голос Любы.

Эди неловко обернулся, но в глазах Любы застыло такое живое и озорное любопытство, что Эди даже повеселел.

— Да так, слетка про жену... извините, вырвалось.

— А она у вас что, злая или коварная? — не унималась Люба.

— Да, и то, и другое, — в сердцах ответил Эди. — Ну да ладно, чего не бывает между мужем и женой, хотя у вас с мужем наверняка все не так, ведь у кого-то же должно быть все по-человечески. — Эди уже начала раздражаться эта откровенная неосредствленность, и, чтобы прервать этот случайный, непонятный ему поток сознания, он спросил: — Ну, что с проектом? Закачивается?

— А вы мне зря не доверяете, — Люба задумчиво смотрела на Эди. — У меня ведь тоже своя история, — добавила она прустно.

— Неужели и у вас муж — Змей Горыныч? — Эди не верил своим ушам. Муж Любы казался ему примерным семьянином, непрерывно заботящимся о благе своей жены, правда, как-то уж слишком.

— А можно, я вас приглашу в кафе? Там и расскажу, — Люба прустно и с какой-то надеждой смотрела на Эди, и он с удивлением услышал свой ответ:

— Ну что вы, это я вас приглашаю. Давайте сегодня сразу после работы посидим где-нибудь. — И, немного подумав, добавил: — Да вот хотя бы в Ган-а-ире, совсем недалеко от нашего мисрада — вы там уже наверняка бывали.

— Да нигде я еще не была, с момим-то расчегливым, спасибо вам... — Люба вдруг как-то неожиданно засмушдалась и убежала к себе в комнату.

Эди недоуменно посмотрел ей вслед. «То ли несчастлива, то ли экзальтированная, а впрочем, не поймешь этих женщин. Да и понимать-то наверняка нечего: с мужем, видно, поругалась, эмоции переполняют — выплеснуть хочет, только вот почему на меня? Странно все это, хотя... женщина она во всех отношениях приятная. Посидим, поболтаем...»

В комнату вошла Керен с ворохом писем и моментально улегла его в водоворот срочных звонков и деловой переписки. Когда Эди опомнился, на часах было уже около шести вечера.

— Люба, вы еще здесь? — позвал Эди и, не услышав ответа, вышел в соседнюю комнату, но и там Любы не было.

«Наверное, уже ушла», — разочарованно подумал Эди, но в этот момент входная дверь хлопнула, и на пороге возникла Любина расстроенная фигура.

— Все, поругались с Фимой, он сказал, что не понимает, почему я должна до двенадцати работать.

— А почему до двенадцати? — не понял и Эди.

— А мы что, раньше разойдемся? Ведь вы меня в кафе пригласили Или забыли уже? — Люба обиженно надула губы.

— Любочка, так я же вас ишу по всему мисраду, пойдемте немножко подышим, здесь недалеко... — И, прихватив на всякий случай зонтик, они вышли в пружинистую суету вечернего Тель-Авива.

Вокруг по тротуарам куда-то бежали люди, им в такт по проезжей части неслись автомобили, фонари изливали свой теплый свет в черноту улиц. «И чего изобретать вечный двигатель? — подумал Эди. — Вот он, перед глазами — вечный движущийся, вечно пульсирующий ритм большого города. — Эди незаметно скосил глаза на Любу. — Да, видно, несладко ей живется, — решил он, глядя на зеленый, какой-то бесформенный плащ, в котором ей наверняка было зябко, на ее стоптанные, устаревшего фасона туфли. — Видно, и вправду ее муж — хозяйственный мужик, такой денег на ветер не выбросит, тем более на какие-то тряпки нефункциональные. А может, им просто денег не хватает?»

— Видите это сияющее здание перед нами? Наверняка вы проходили мимо него уже не один десяток раз... Вы давно в стране, Люба?

— Да вот третий год, но все как-то больше на автобусах, от точки до точки: дом — работа, работа — дом, один будни. А раньше ведь и праздники случались. Когда меня подружки по прошлой жизни спрашивают: «Ну, как ты там, Любка?» — я говорю им, что лучше всех, а у самой слезы из глаз: когда же это лучше наступит — не знаю. А может, вы знаете? Вы ведь тоже, как я слышала, из наших. А не скажешь, — Люба как-то странно взглянула на Эди, — вы больше на денди лондонского походи, чем на репатрианта с четырьмядцатилетним стажем.

— А вы все точно узнали, даже про стаж. Откуда такие данные?

— Ничего суперсекретного не знаю, а про вас и жену вашу мне Керен рассказала, да и все ваши работники знают. А вы что, скрываете?

— Да нет, но не люблю, когда обо мне за спиной говорят, хотя, наверное, не прав — ведь надо же людям о чем-то говорить, когда говорить не о чем. Вот и развлекают себя слухами о близнем или, проще сказать, кости перемывают — так, какется?

— А я вам сама о себе расскажу, мне скрывать нечего, да и к людям я не в претензиях, когда обо мне говорят. Мне это как-то мимо, а иногда даже и приятно: раз про меня говорят, значит, интересна им, не безразлична...

— Не буду с вами спорить, Любочка, тем более что наш принот уже перед нами, — и Эди, открыв входную стеклянную дверь, пропустил Любу в уютную, гудящую, пахнущую всевозможными запахами многозеркальную приветливость кенюна.

— Как здесь красиво! — зачарованно выдохнула Люба, с интересом оглядывая роскошные витрины фирменных магазинов. — А вот и «Валентино», про него я слышала еще в Иваново... Ой! — она захолодела в ладоши. — «Мисс Лагот»! Мне про этот магазин Керен рассказывала, она говорит, что здесь скидки до семидесяти процентов бывают и тогда можно фирменные трипки купить по нормальным человеческим ценам. Давайте зайдём, я так давно мечтала сюда попасть, — и Люба

просительно взглянула Эди в глаза. — Ну только на минуточку, пожалуйста, — и она молитвенно сжала руки. — Я только посмотрю.

— Ну конечно, конечно! — Эди даже оторопел от такой непосредственности. — Обязательно!

Но Люба его уже не слышала, бавально выпрыгнув в широко, завлекательно открытую прозрачную дверь бутика.

Их встретила немолодая, залакированная от кончиков волос до модельных остроносых «лодочек» хозяйка салона. Ее искрившая улыбка опытного продавца как бы отладила их радушием. Призвав в Эди потенциального покупателя и скользнув по Любе равнодушным взглядом, голосом мягким и утробным она обратилась к Эди:

— Чем могу вам помочь?

— Какой костюмчик! — Люба зачарованно глядела красивый, с большим, обтянутыми синей тканью пуговицами пиджак. — Я такой же видела на одной бабе в ресторане месяц назад — мужа на свадьбу к дочке его хозяин пригласил, — объяснила она недоумевавшему Эди. — Думала, из Парижа привезла, а вот он — перед глазами. Можно я примерю? — И, не дожидаясь ответа, Люба нырнула в примерочную.

— Жена? — одобрительно улыбнулась продащица.

— Да нет, — как-то растерянно ответил Эди. — Сотрудница, вместе работаем — вот вышли воздухом подышать, — зачем-то начал оправдываться он и, окончательно растерявшись от неожиданного вопроса, решил сменить тему. — А вы сами откуда? Судя по акценту, не здесь родились.

— Уехали. Будем знакомы: эти. Мы с мужем двадцать лет назад из Франции приехали. Странно, да? Все в Европу ходят, а мы из нее, можно сказать, бежали. Конечно же, от антисемитизма. У моих родителей хулиганы несколько раз магазин поджигали, и нам звонили ежедневно с требованиями убраться в Израиль. Вот мы с семьей и уехали, а здесь сразу магазин женской одежды открыли — и не жалеемся... А вот и ваша подружка — идет ей костюм, как будто для нее шили, — и она, радостно улыбаясь, бросилась к Любе.

— Ну, как вам, Эди? — Люба счастливо приглаживала юбку и, стуча каблучками примерочных туфель, крутилась, как волчок, пытаясь увидеть себя со спины.

— Ну зачем же так мучиться? — Эти предупредительно поднесла зеркало. — Прямо дух захватывает, как вы хороши в этом костюме. Не правда ли? — обрattилась она за поддержкой к Эди.

— Вы просто прелесть, Люба, — Эди удивленно смотрела на совсем новую для него Любу. В этом костюме она и выпавду казалась светской дамой на званом вечере.

«А у нее прекрасная фигура. Какая стройная, и волосы какие красивые, и почему я раньше этого не замечал?» — произошло у него в голове.

— Люба, этот костюм надо обязательно купить... Мы его берем, — обрattились он к ласково кивнувшей Эти. — Это будет вам, Любочка, подарок на Новый год от фирмы, надеюсь вас часто в нем видеть на важных совещаниях с заказчиками.

— Ой, как я вам благодарна, вы себе даже не представляете, ведь именно о таком я и мечтала всю жизнь! Как я счастлива! Ведь даже и не представляла, что такое может со мной произойти. Думала, только в кино такое бывает. Спасибо — вы настоящий мужчина.

— Да ладно вам, Люба, — Эди даже засмущался от таких восторгов. — Вы красивая женщина и вполне достойны таких подарков. А теперь пойте его обмозгом — здесь рядом есть симпатичная кондитория, а я, кажется, с утра ничего не ел... Вот и она, — и Эди с Любой вошли в уютный небольшой заведение кондитории, насыщенный запахом крепкого черного ароматного кофе.

— Какие волшебные торты, как в сказке! — Люба в восторге смотрела на крутящиеся на стеклянных круглых подставках роскошное шоколадное, творожное, клубничное и ананасовое кулинарное торжество. — Да я такое только по телевизору видела! А можно мне каждого по малосенькому кусочку — только попробовать? — И Люба почти незаметно провела языком по пересохшим губам.

— Ну конечно же, все, что захотите. Принесите нам, пожалуйста, по кусочку от каждого торта, — Эди обрattился к удивленному официанту, видно, не привыкшему к подобным заказам. — И две большие чашки крепкого черного кофе — не возражаете? — Эди весело посмотрел на Любу.

— Я обожаю черный кофе, и, мне кажется, вы мне тоже очень нравитесь. Ведь я вам собиралась про себя рассказать, не забыли?

— Забыл? Ну нет, ведь именно этой минуты я ждал целый день!

— Тогда слушайте, — Люба вытатила пачку «Европы» и жадно затянулась. — Я простояла девочка из Иванова и, как вы, наверно, уже догадались, еврейка по мужу. Никаких еврейских корней во мне нет, даже моя прабабушка была украинкой, мама моя ткачиха, папа где-то затерялся на просторах нашей большой страны, и нас с тремя братьями — двое, правда, сводные — воспитывала в основном мама, так как отчим все больше промышлял по вытрезвителям. Жили мы в простом рабочем районе, среди таких же, как и мы, простых и добрых людей. Но мама никак не хотела примириться с такой жизнью и решила для себя, что обязательно должна выйти в люди, и поэтому когда мне исполнилось семнадцать, я уже знала, что буду учиться в институте. Поступила сразу же — в политехнический, — ведь в школе была отличницей, и, сдав всего один экзамен, тут же была зачислена на машиностроительный факультет. У нас на курсе было всего четыре девочки, в том числе и я. Мальчишек вокруг было полно, но Фима — это мой муж — как-то сразу положил на меня глаз, и хотя, скажу честно, я была влюблена совсем в другого, он меня просто своей настойчивостью медленно довел до зата. Я думала так: вот у нас сосед-еврей — приличная семья, Григорий Львович — примерный семьянин, не пьет, не курит, все деньги в дом несет, на свою Кларочку Самойловну не надыхнется, не бьет ее, не ругается, не то что наш отчим — мама из-за него все глаза проплакала: то клялся, что любит нас всех и жизнь готов отдать, — правда, никто брать не хотел, — то глаза с полочки зальет и поминной как звали. Подумала я тогда и решила: еврейский муж — это как-то надежно, тем более что он мне проходу не давал, говорил, что без меня ему не жизнь.

Мамочка его никак смирится не хотела с нашим браком, умоляла его одумать, а не то она руки на себя наложит, даже несколько раз неотложку ей вызывали. Ничего, что сейчас мне в любви обьясняется, а тогда — видеть меня не желала. Так вот, на втором курсе мы все-таки поженились, на кварти-

ре стали жить, а на третьем у нас Максим родился. Тогда она меня и признала, и даже помогать стала. Сначала я радовалась помощи, а потом все никак в толк взять не могла — к себе ли домой прихожу? Утром мы на лекции уходим — она уже у нас, спасибо говорим за помощь. Вечером домой приходим — она у нас. «Пообедайте с нами, Циля Моисеевна!» Приглашаем, обедем, она не уходит — с Максимом занимается, меня не подпускает. «Ты, говорит, еще слишком молодая, в детях ничего не понимаешь, как с ребенком обращаться, не знаешь — смотри, учись у меня, я уже жизнь прожила, опыт есть, тебе передам». Ну, я ей благодарна, готовлюсь к занятиям. «Поедем, Циля Моисеевна?» Она только кивнет. Ужинаем, чай пьем до двенадцати, потом Фима ее провожать идет, и так все сначала изо дня в день. Смотрю, Фима мой изменился, недоволен мной, все что-то я не так делаю. Оказывается, плохо меня воспитали, не хозяйка я, неаккуратна, готовить не умею, не вкусен ему мой борщ, не то что у мамы, да и мать я плохая, вот Максимка по ночам плачет, а я успокоить не могу. Прошло так полгода, год — мама меня пытается. «Что стобой, Любушка, лица на тебе нет, и смеяться ты что-то перестала». А ведь раньше мне палец покажи — я уже хохочу-заливаюсь. А тут не то что смеяться — улыбаться, кажется, разучилась, и все мне кажется, что все я не так делала, не так спрашиваю, не так отвечаю. «Нет, доченька, что-то у тебя неладно, — говорит мама. — Может, тебе к нам на время переехать, у нас хоть и тесно, да и не так сытно, но в тесноте — не в обиде».

Ну, я подумала-подумала да и переехала. Сказала Фиме, что мама просит пожить у них месяц. Он сначала на дыбы, опять за свое: «Не смогу без тебя и Максимки даже дни прожить», — а потом как-то успокоился и даже помог переехать. Думал, что перебежусь, так он это называл. А я потихоньку в себя приходила стала, даже Максимка перестал по ночам просыпаться — что ни говорите, а ребенок, даже если еще и говорить не может, все чувствует, не зря пишут, что мать и ребенок — один организм. Ну, так вот, месяц прошел, другой — Фима все телефоны обрывает. Сначала интересовался, когда же я вернусь, а потом требовать стал: «Возвращайся немедленно или на развод подаю». А мне-то лет всего ничего — и двадцати одного еще нет. Думаю: «Не хочу с ним жить, и все тут». Свекровь

звонит, уговаривает вернуться: мол, ребенок у вас, как он без нормальной семьи при живом-то отце, и чем тебе мой Фимочка плох — такой заботливый, внимательный, чуткий. А я ей и сказала все: «Это он с вами такой раскрепасный, золотой такой, а со мной он хуже врага какого — все ему во мне плохо». Потом неделю телефон молчал — видно, они там стратегический план разрабатывали, а потом, как раз в измазаных тряпках — это зимой-то, и где он их достал? Стоит, глаза опустил. «Поговорить надо», — говорит, и так он это жалостливо сказал, что не смогла я пройти — остановилась. Ну, и упрости он меня вернуться, сказал, что дурак был, что по глупости он так, что любит страшно и меня, и Максимку. В тот же день вещи мы с ним собрали и перебрались назад, на квартиру нашу съемную. Да, не зря говорят: один раз простишь — всю жизнь прощать будешь. Сначала было ничего, даже как-то совсем по-новому, наверное, потому, что Циля наша почти не приходила, а потом все на место стало — как ничего и не было, как будто не Фима стоял тогда у подъезда с букетом шикарным и не он клялся мне, что роднее меня нет у него никого на белом свете. Ну вот, почти все уже рассказала, потому что с тех пор мы так и живем, можно сказать, вчетвером — Циля Моисеевна здесь с нами уже сразу поселилась, ну не на улице же ей идти, у нее своя комната, в которой она только и спит по ночам, а так — прихожу домой и как будто и не к себе пришла. Максимка на следующий год в армию идет, не знаю, как и пережить. Фима мой с годами совсем думать сам разучился — все как мамочка решит, как скажет, так он и думает. Вот она ему деньги тратить и не велит — собирайте, говорит, дети, на квартиру копечку к копечке, ничего себе лишнего не позволяйте, — и на меня подозрительно так смотрит, не купила ли чего себе, не дай бог, лишнего у Фимочки за спиной... Да, — Люба тоскливо посмотрела куда-то в пространство, — все бы это еще ничего, но вот в последнее время все Фиме кажется, что на меня мужнины слишком внимательно смотрят, — ревностью извел. За каждым моим шагом следит, — каклым взглядом, ревнивец чертов. А мне жить хочется — ну хоть чуть-чуть жизни радоваться, как будто и дышать за эти годы разучилась, как робот... утро — вечер, утро — вечер...

Люба закрыла лицо руками и разрыдалась. Ее круглые плечи в стареньком сером свитерке вздрагивали так безутешно и по-детски незащищенно, что Эди захотелось немедленно обнять и утешить эту еще час назад чужую ему женщину, неожиданно ставшую такой близкой ему своим одиночеством. «А ведь я такой же, как она, одинокий, да-да, ведь в сущности, несмотря на совсем разные внешние обстоятельства, мы в чем-то похожи с Любой — именно одиночеством...» Эди как-то машинально подсел поближе к Любе и обнял ее за плечи.

«Ну как же так случилось, что вот уже двенадцать лет я влачу это жалкое существование, называемое семейной жизнью, и самое страшное то, что конца этой истории не видно. Даже если я решусь на развод, Света мне его не даст, а если и даст, то уж крови попьет всласть. А Ширри?..»

— Любочка, ну что же вы — не надо так горько плакать, все устроится, наладится... — Эди осторожно глядя прыгающие Любины плечи, пытаюсь как-то успокоить, подержать ее. — Ну если вам так плохо с ними, почему бы вам не снять квартиру отдельно с сыном?

— Отдельно? — Люба от неожиданности предложения даже перестала плакать и с испугом посмотрела на Эди. — Да вы хоть знаете, сколько стоит эта отдельная квартира? Да мне всей моей зарплаты на нее не хватит, а жить на что? Ведь нам еще и питаться как-то надо. Ну что вы, совсем, что ли, жизни не знаете? Да, конечно, кому жемчуг мелок, а кому и суп не луст, — прустно добавила она. — Нет, не подумайте ничего, это я так сказала, от боли моей, — и она, вытщив из сумочки зеркалаще, принялась приводить себя в порядок.

— А знаете что, Люба? Я, пожалуй, смогу вам помочь, — Эди вспомнил про Ленчика, который должен был уезжать через неделю. — Вот только с приятелем своим переговорю — он на три года уезжает работать в Японию, в университет преподавать, а за квартирой его здесь, в Гель-Авиве, думаю, присматривать необходимо будет, там у него цветы разные, рыбки в аквариуме, да и добермана своего он с собой не возьмет... вот завтра же непременно с ним обо всем и переговорю. Думаю, он с удовольствием согласится, чтобы вы за квартирой присматривали... Ну что, успокоились немного? — Эди пересел на свое место и нежно посмотрел на Любу. — Любоч-

ка, ничего не бойтесь, я вам помогу, вы не одна, рядом с вами друг, — Эди весело подмигнул Любе. — Ну, улынитесь же! — Спасибо вам, Эди, спасибо! — Люба неожиданно встала и принялась натирать на себя плащ. — Поздно уже, пойду, а то совсем замучила вас своими рассказами, да и Фима наверняка спать не идет, ждет меня. Сколько там уже времени? — Люба близоручко посмотрела на часы. — Ой, ну и засиделись мы, скоро одиннадцать, а мне еще в Лод ехать, да и автобуса ждать неизвестно сколько.

— Я провожу вас, — Эди накинул кожаный плащ, и они вышли в мокрый пронизывающий холод декабля.

На улице шел мелкий колючий дождь, жесткий ветер гнал опавшие желтые листья и одиноких прохожих, пытавшихся хоть как-то укрыться от этого средиземноморского коварного и обжигающего ветра. Эди открыл зонтик, но его крылья тут же взмыли вверх, и отчаянно стали птицей рваться из рук, как видно, в далекие небесные дали.

— Ну и погодка! — невольно вырвалось у Эди, пытавшегося все-таки укротить этот обычный предмет обихода. — Нет, Любочка, до автобуса мы просто не дойдем, нас унесет в мировой океан, давайте-ка лучше ловить такси. — И Эди отчаянно махнул рукой. Как назло, ни одна машина останавливаться не желала. — Ну и черт с ними, я вас сам довезу, и что это мне мысли умные не сразу в голову заходят? Видно, прогулки любят, прочем, как и сам, — спортсмены.

— А вы что, спортсмен? — живо откликнулась Люба, расположившись к Эди почему-то боком, видно, спасаясь от ветра.

— Еще какой, вы меня еще плохо знаете! Спортсмен по жизни — везде хочу быть первым.

— А вам это, судя по всему, удается... Ой, кажется, в лужу наступил! — Люба остановилась. — Противно как! Ну, где же эта ваша обещанная машина?

— А вот и она! — Эди быстро открыл непослушной рукой дверь новенькой, недавно приобретенной «хонды». — Ну же, прыгайте скорей, пока еще насквозь не промокли. — И, повернув ключ зажигания, легко тронулся с места, одновременно настраивая магнитофон на любимого Леонарда Коэна. — Любите такую музыку?

— Красиво... — Люба вытщила мокрые ноги из туфель и закрыла глаза от удовольствия. — Ух, как хорошо, тепло, уютно! Здорово все-таки иметь свою машину — какое удобство, это вам не автобус. Да, а музыку я люблю всякую, особенно Аллу Пугачеву — слышали ее «Миллион алых роз»? Моя любимая. Я ведь в Иваново ни одного концерта не пропустила, да и сама в районном хоре запеваляй была — хотите, спою?

— Давайте, Любочка, перенесем пение на нашу следующую встречу, если не возражаете.

— Это на завтра, что ли? Во время работы — так меня же неправильно поймут, всемпеть захочется, — засмеялась Люба.

Эди немного прибавил громкость.

— А знаете, Люба, ведь это моя любимая песня, песня об одиночестве души, о том, что в толпе людей, в кругу близких, рядом с нашими любимыми, мы неизменно остаемся один на один с самими собой... Ну, вот мы и в Люде — теперь давайте.

— А мы уже и приехали. Вон возле того длинного дома остановите — там я и живу, видите, окно на последнем этаже горит? Так это наше, видно, Фима в самом деле не спит. Да, — Люба помрачнела, — видно, ждет меня со скандалом. Ну, спасибо вам огромное за все, за то, что обогрели, ободрили... Спокойной ночи! — И Люба, чмокнув Эди в щеку, аккуратно закрыла за собой дверь машины.

«Да, надо ехать домой, время — двенадцать, надеюсь, что Света не выдержала и заснула, — подумал Эди, разворачивая машину в сторону дома. — А может, все-таки хватит? Ну, разведемся мы с ней, Шири уже подросла, не такая уж маленькая девочка — сможет понять, если захочет; да, чувствую, мать ей про меня еще те песни поет, но ведь она на меня и характером похожа, — не отказывалась же от дочери, как занимался ею, так и буду заниматься, ничего не изменится. Вот только избавлюсь наконец от этого осеннего семейства, от тещи, вечно подчитывающего чужие доходы, от тещи, проверяющей белье постельного белья на соседском балконе, и самое главное — от Светы, от ее вечной подозрительности и ревности к столбу; от бесконечной вереницы ее безвкусовых нарядов, от требованний близости да, наконец, от зловония ее духов, которые торыми пропитана вся квартира. Все. Стоп. Домой не поеду.

Куда же ночью-то? А можно ведь в гостиницу. Да, прекрасная идея. Вот хоть бы в «Дан-Панораму», отличный отель, и номера там комфортные, с видом, как говорится. Хотя зачем мне ночью вид — достаточно тепло, уютного номера просто с кроваткой и душем, чтобы завтра в мисрад с утра не божком завивиться. Хотя придется ту же рубашку надеть — не очень, конечно, прес, но делать, похоже, нечего, уж лучше в той же рубашке, чем под крыло к Светке... брр! — Эди переделернул плечами, представив себе расплывшееся с годами, бесформенное, какое-то синюшное тело жены.

Огромный холл гостиницы встретил Эди прозрачной тишиной и хорошим вкусом пикарного отеля.

— Мне, пожалуйста, номер на одного, на пару дней, — Эди протянул пятьсот шекелей вышколенному юноше, и уже через пару минут его унесли вверх чистый, быстрый лифт на седьмой — последний этаж, в номер-люкс. Не раздеваясь, Эди набрал домашний телефон и оставил на автоответчике сообщение: «Сегодня домой не приду, в ближайшние дни тоже. Не волнуйтесь, со мной все в порядке».

Света

— Мама, я ушла в школу, — Шири открыла дверь в комнату матери. — Тебя закрыть?

— Да-да, — сонно пробормотала Света. — А который час?

— Уже восемь, опаздываю, пока! — внизу, на первом этаже хлопнула дверь и повернулся ключ в замке.

Света закрыла глаза. Вставать не хотелось, да и спешить было некуда — сеанс массажа был назначен лишь на одиннадцать, правда, к девяти приходила домработница. «И откуда такие недоделанные берутся? — раздраженно подумала Света, вспомнив, что Нине надо объяснить каждую мелочь. — Ну, все же лучше, чем двадцать пять шекелей в час».

Нина брала двадцать, так как была туристкой, а значит, для Светы представляла определенную ценность. Правда, во время работы Света ходила за ней по пятам: а вдруг что исчезнет или недомоет чего... Но хуже всего было то, что Нина оказалась медлительной. «Да за эти шесть часов, наверное, два бы таких дома выдраила, — думала Света, глядя, как Нина рассеянно трет хрустальную вазу. — И за что я ей деньги плачу?» Но самой убирать не хотелось, да и, честно говоря, было бы смешно ей, Свете, в ее-то положении — единственной дочери и обеспеченной жены. Все вроде бы было — спокойная, обеспеченная жизнь, шикарная вилла в три этажа, новая «тойота-королла», свой домашний массажист, два раза в неделю приходилши косметичка... ну, кому расскажи, что плохо ей, Свете, — не поверят и засмеют. Скажут с насмешкой: «Ну чего тебе еще не хватает, птичьего молока, что ли?..» «А чего мне, правда, не хватает? Ведь все есть, — подумала Света, боковым зрением заметив что-то неладное. — Не может быть!.. — Она

70

почувствовала, как сердце медленно опускается куда-то в живот. — Неужели вообще не пришел?»

Эдина супружеская кровать, крепко привинченная к кровати-близнецу жены, была непорочна, как непорочен только начинающийся день. Она была нетронута. «Неужели он вообще не пришел? — в страхе охнула Света. — Не может быть!» Она рывком дернула с себя одеяло и села. Никаких следов Эдиноho ночного присутствия не было. Постель была аккуратно застелена. «Может, он в ванной?» — пронеслась спасительная мысль.

— Эди, ты дома? — с надеждой позвала Света. — Эди! — она бросилась в ванную. — Эди! — Света босиком сбегала по холодным лестницам на второй этаж — никого. Ее голос испуганным эхом пролетел по всем этажам и одиноко вернулся к хозяйке. «Ушел! Неужели все-таки ушел?! — Света тяжело опустилась в огромное кожаное кресло канареечного цвета. — А может, просто что-то случилось, ну, например, сломалась машина? Хотя нет, — Света возразила себе самой, — с чего это ей ломаться? И тогда еще не прошло, как новую купили, да и такси можно было взять... нет, это не то. — Света опустошенно посмотрела по сторонам. — Ну чего ему всю жизнь не хватает? Дом — полная чаша, все ему на тарелочке преподнесли. Ведь приехал голый и босый, с одним чемоданчиком. Умник, да, он всегда себя выше нас всех ставил, правильно папа говорил: «Наплагчешься с ним еще, дочка, уж слишком он нос дерет». Точно, — Света вскочила и бросилась к телефону. — Надо папе звонить, уж он его приструнит, из-под земли достанет, негодня!»

— Мама, папа дома? — истерично закричала Света. — А где он? На шук пошел? Какоего черта он туда тащится каждый день — ведь Сеню туда на зарплату поставил! Да не ору я, случилось, случилось: Эди исчез, ночью его не было, не пришел. Нет, не звонил, хотя я не проверяла... Мамуся, ты гений, может, на автоответчике что есть? — Света лихорадочно нажала на кнопку кнопки. «Сегодня домой не приду, в ближайшие дни тоже...» Спокойный и холодный голос Эди звучал, казался, из другого мира.

— Ах, не придешь, ни сегодня, ни в ближайшие дни? — Света медленно закипала. — Подонок, да ты на коленях при-

71

ползешь, ноги мне целовать будешь, я тебе устрою «в ближжайшие дни», кобель чертов!

Света быстро оделась и выскочила на улицу, чуть не сбив по дороге спешащую к ней навстречу маленькую грузную женщину.

— Мама! — на ходу, не останавливаясь, бросила она. — К папе на шук! Эта сволочь заявила, что не придет! — И, выпрыгнув в машину, резко нажала на газ...

Света никогда красавицей не была, о чем ей постоянно напоминало невнимание и даже какое-то пренебрежение со стороны встречавшихся ей по жизни мужчин. «Ничего, дочка, не в красоте счастье, — успокаивали ее родители. — На каждую кастрюлю своя крышка имеется, — глубококомысленно заявил отец, высоко глядя на мать, — вот как матери твоей со мной повезло — ведь не Бриджит Бардо далеко, а живешь как королева. И ты так жить будешь, — это огромный кулак с силой опускаясь на стол, — найдем тебе жениха». Отец не обманул, и женихи потекли в их дом рекой.

Первым пришел Ицик. Маленький и кривоногий, он как-то испуганно присел на край стула и стал жалобно рассказывать о тяжелой жизни русских эмигрантов в Америке. «Нет, вы не подумайте, что я жалуюсь, но там до нас никому дела нет, можешь умереть — никто не заметит. Так я подумал: может, в Израиле себе хорошую еврейскую девушку присмотрю, хозяйственную, — Ицик кинул неодобрительный взгляд на лакированные бордовые ноготки Светы. — Из хорошей устроенной семьи. А мой товарищ сказал, что ваш уважаемый папаша — большой человек, и дочка, сказал, писаная красавица. — Ицик как-то обиженно посмотрел на Свету и, стлотившись лонну, добавил как будто про себя: — Да, вижу, что красавица, не слепой. А может, нам с вами в кино сходить завтра?» — неожиданно в зависшем молчании вдруг оптимистично пропичгал Ицик, грустно глядя на Свету своими большими влажными глазами...

«Ты что, не видишь, кого в дом тащишь? — накинулась на отца мать, как только закрылась за Ициком дверь. — Зачем Светочке такие стрессы, она у нас такая чувствительная, такая бледная, сердце болит смотреть, как она страдает». И отец,

видно, приняв к сведению требование жены, следующим привел более достойного, по его понятиям, претендента на руку Светочки — большого толстого Моше в черной вязаной кипе, сына владелья небольшой бакалейной лавки под домом. «Слушай, — убеждал он отца Моше — Хаима, — у тебя сын старый холостяк, ему уже тридцать пять, а моей дочке и тридцати еще нету. Ну чем они не пара? Пусть придет к нам, посидим, поговорим, может, еще, дай Бог, и породнимся...» Он заискивал хихикал и осторожно трогал за рукав урюмого, молчаливого Хаима.

С Моше действие развернулось, и Света терпеливо ходила с ним по центральной улице Герцля целых три месяца. Дальше эпих проулок дело не шло, и Света, решив проявить инициативу, почти силой загнала Моше к себе домой, предусмотрительно отправив родителей в гости. Моше оказался действительно чист, что и объяснил Свете после долгого робкого полесудя, не перешедшего в своей невинности никаких недовольных траппи. Но отец не отчаивался, и еще долго к Свете ходили на смотрины разные — молодые и не очень, высокие, низкие, худые и всякие — женихи... С некоторыми из них Света успевала даже сблизиться, но заканчивалось почему-то всегда одинаково — женихи исчезали.

Поэтому когда случайно, на дне рождения у своих знакомых, она увидела красавца-интеллигента Эди, Света сказала себе: сейчас или никогда! Годы выстраивали высокий каменный забор, через который никто, правда, и раньше не собиравлся перелезть, но цифра «сорок» маячила на горизонте красной чертой, и переходить ее в одиночестве Света панически боялась. Беременность спасла все, и Света, опыленная победой, не придала значения возрасту жениха. «Ну, подумаешь, девять лет», — успокаивала она себя счастливым примером своей подруги, которая тоже ухитрилась превзойти своего мужа на целых двенадцать лет, и наконец стала называться законной женой. Но дальше все почему-то стало стопориться. Идеальной семьи не получалось. Эди оказался строптив и горд, и потом, Света всегда подзревала, что он ей изменит. Доказательств, правда, не было, но эти ночи, душные летние ночи без сна, когда она ждала его до двух-трех часов, сжатаямая желанием близости, а он появлялся уставший и раздра-

женный, ронял скупое «Как дела?» — и валялся в кровать, ментально засыпая... А вечеринки у его друзей, где он танцевал со всеми, только не с ней, — разве не это доказательство его неверности? А вот теперь эта Люба — новая его работница... Света резко затормозила:

— Стоп, ну конечно, и как же я сразу не догадалась! В Твери они собралась любовнички. Польстился на эту крашеную тумбочку, на эту ободранную курицу, на эту нищую... — горло перехватило, и Света судорожно зарыдала. За рулем новой красной «тойоты» сидела немолодая, некрасивая, полная женщина и судорожно рыдала, как маленькая обиженная девочка...

Женское сердце. Не властны над ним годы, неудачи, разочарования. Тепла хочется ему, понимания и любви. Плачет маленькая девочка — потеряла мячик, плачет молодой женщина — рассталась с любимым. Так же горько освобождает душу от тяжелой обиды женщина покинувшая и даже как будто много узнавшая о жизни: нет, не помогает ей этот опыт — плачет и она, плачет, как когда-то давным-давно — маленькой девочкой, у которой забрали игрушку, — плачет от бессилия и жалости к самой себе...

Лена

Лена проснулась в хорошем настроении: вчера ей удалось устроиться в газету, и не просто в какую-то жалкую, провинциальную, двухстраничную — ее приняли в штат са-мой главной тель-авивской русскоязычной, и помогла ей Татьяна. Ну или знай, что ее друг Шмулик, тот самый студент-официант из тель-авивского малосенького кафе, окажется близким другом сына главного редактора. Оказывается, здесь все так же, как и в Москве: кругом властвует протекция. И что в улыпане все возмущаются? Страна ведь маленькая, естественно, что знакомые устраивают знакомых, ну кто она такая для газеты — ну, одна из многих, стоящих за дверью, ничем не лучше и не хуже других, — у всех сегодня и образование, и стаж присутствуют, хотя, конечно, есть и более талантливые, но менее везучие, что ли. Лене по жизни вроде везло, но был один большой проibel в ее везении — это мужчины. Нет, она им нравилась, но человека, понимающего ее до конца, того, про кого она могла бы сказать «мой», до сих пор не было. Хотя нет, Лене даже показалось, что он прошел где-то очень близко, где-то мелькнула его тень, да, конечно, это был Эди, — но куда же он исчез, почему после этого головокружительно поцелуя он как будто растворился? Неужели обиделся, что она его не оставила тогда у себя? Но ведь они были знакомы всего несколько недель. Да, несомненно, она благодарна ему за такую своевременную помощь, но ведь ей не показалось — он действительно смотрел на нее влюбленными глазами. Лена в очередной раз убеждалась, что мужчинам верить, вернее, доверять нельзя — никогда не знаешь, в какой момент они могут отвернуться. «Забывать его, как будто не было, — показы-

валя себе Лена. — Кто он мне? Так, случайный попутчик, знакомый, а если точнее — посторонний человек. Ну что я знаю про него, кроме имени? Даже фамилию не знаю, где живет, как живет — представления не имею. Может, у него семеро или пятеро детей, а может, он просто аферист? Да нет, — Лена задумчиво отточила от себя эти мысли. — Он порядочный человек, это же видно, просто что-то я слишком много о нем думаю. Хватит, надо вставать, хотя спешить вроде было некогда — за окном стоит шабат, еврейская, насквозь тихая суббота, время отдыха ото всех, даже самых важных дел».

— Мама, а мы сегодня на море поедем? — Линочка, судя по ее запачканному ротлику, встала давно и уже успела наесться шоколаду. — Вставай, тебе тетя Тана звонила.

— А ты зачем конфет наелась? Ты же знаешь, что нельзя до еды, ну где же ты их опять нашла? Я же их на самую верхнюю полку положила.

— А мне дядя Сережа сегодня утром дал.

— Как это утром? — Лена настороженно посмотрела на Линочку. — А почему я его не видела?

— А ты, мамочка, спала, — Лина деловито крутила перед зеркалом, пытаясь завязать себе «хвостик». — А он мне только конфеты дал и ушел, а вот еще, — Линочка побежала в кухню и вернулась с огромной белой ромашкой, — это он тебе оставил, — и, засунув свой маленький носик в желтую пыльцу цветка, восторженно закричала: — Мама, понюхай, пахнет как вкусно — клубничкой!..

Сосед Сережа настойчиво обивал порог Ленинного дома уже который месяц. Спортивный, дружинистый Сережа заходил каждый вечер и с упорством волевого человека ежедневно пытался пройти сквозь стену, воздвигаемую между ним и Леной. Что-то во взгляде его острых черных глаз, которые не теплели даже тогда, когда он улыбался, настораживало ее. Лене было как-то уютно и холодно рядом с ним, как-то неприятно и тревожно. «И почему рядом с одним человеком чувствуешь себя свободно и легко, как будто всю жизнь его знаешь, и слов подобрать не надо, и говорить можно обо всем, даже о самом сокровенном, и знаешь, и чувствуешь, что поймет он, не осудит, — а с другим и слово выдать из себя — проблема?» Ответов на эти вопросы было множество: и тео-

рия переселения душ, говорившая о предвзвешенных встречах, и теория запахов, построенная на совпадении химических элементов, и всякие философские изыскания, предполагающие общность менталитета, — все это для Лены так и оставалось теориями, хоть и очень увлекательными. Но совсем недавно ей дали прочитать одну книгу, обяснившую и открывшую ей очень многое. Называлась она «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха. И тогда Лена поняла, что просто Сережа был не из ее стаи, а вот Эди...

— Танька, ты звонила? — Лена с неудовольствием рассматривала свои неухоженные руки, но взялась и сделать маникюр не было желания.

— Ну наконец-то! И десяти еще нет, а ты на ногах! Случилось что?

— Случилось. Представляешь, тут Сережа уже по утрам стал навешиваться. Пока я спала, он Линочке конфет натаскил.

— А тебе все плохо? Ну что ты ждешь, принца на белом коне, что ли? Чем тебе Сережа не пришелся? Мужик видный, спортумен, из наших, выносливый в тебя по уши...

— Танька, ну что ты глупости говоришь? Ну какой он выносливый? Просто заходит, и все, про чувства не говорит.

— Так под твоим взглядом ледяным... видела я, как ты на него исподлобья смотришь, тут и белый гриб в себе поганку признает, только о политике и можно говорить, так сказать, о международном положении... Да, — Тана грустно вздохнула, — говорят, война скоро, ты радио хоть слушаешь?

— Интересно твоя мысль движется: от Сережи — и к войне, — Лена удивленно пожалала плечами. — А что, есть что-то новое? Я со вчера не включала.

— Есть. Только что сказали, что срочно противояды по-лучать надо. Правда, Шмулик уверен, что у нас здесь ничего не будет.

— А он откуда такой уверенный? С Садамом, что ли, говорил?

— Лен, ну что ты иронизируешь? Шмуль просто все газет ты читает, а там обещают, что Израилю ничего не прозрит, правда, на всякий случай недавно ракеты «Патриот» крутом поставили, так на всякий пожарный, а мне что-то, Ленка, спокойно, хоть обратно уезжай... — Тана на секунду замол-

чала, как бы прикидывая для себя возможность отъезда. — Да нет, ну куда мне ехать — здесь все мои, да и денег нет... — И, немного помолчав, добавила главный аргумент: — Да и холодно там, двадцать пять градусов, собачьи морозы стоят в Москве, а у меня вещей теплых нет...

— Тань, а может, завтра и подведем, получим эти страшилки, правда, последний раз я их надевала лет десять назад, помнишь, на военной кафедре нас дрессировали, а мы все смеялись, не думали, что вот приодитесь когда-нибудь...

— Кто ж знал? Да, занесло нас на нашу голову. Ну, давай я Шмуля попрошу, чтобы он нас подобрал часов в восемь, тебе подходит?

— А чего нет? Вот Линочку в сад заброшу и свободна, завтра не работаю.

— Ну вот и отлично... Шмуличек, — голос Тани размягчился до неузнаваемости, — Шмуля, лапочка, ты нам с Ленкой завтра очень нужен, нет, конечно, не только завтра, ты мне всегда нужен, — Лена услышала в трубку смачный поцелуй. — Подвезешь нас завтра на противотазный пункт, котик мой?

На другом конце провода что-то проурчало, видно, Шмуль выразил согласие.

— Ну все, завтра едем, а сегодня вы там что делаете? Мужет, прогуляемся у моря? Нас Шмулевич пригласает, говорит, кофе за его счет. Поехали?

— Неохота как, Тань, одеваться еще, — Лена задумалась. — Ну ладно, поехали, а то меня Линка замучает своей активностью.

— Так давай через полчаса, а то Шмуль еще не мыт, не кормлен... Лапсуя, собирайся, — Танино ласковое шептание оборвалось короткими гудками.

Лена стояла посреди комнаты в ночной рубашке, только вчера по дешевке купленной на шукке Кармель, и рассматривала себя в зеркало. На нее смотрела похорошевшая и даже помолодевшая на местных витаминах молодая и очень даже симпатичная девушка. «Думаю, больше, чем на двадцать четыре года, я не таню», — уверенно решила Лена. Неувренность в себе, которую Лена «багажом» завезла с собой из прежней жизни, куда-то потихоньку исчезала, как будто новая земля дарила Лене силу и уверенность в завтрашнем дне, возвраща-

ла ей быструю животную радость тела, пошла апельсинным ароматом теплых, пропитанных солнечной энергией дней. «Эта земля живая», — Лена вспомнила слова Эди в самолете. «Кажется, я начинаю понимать, что он хотел этим сказать...» — Мама, мама, я уже готов! — Линочка в нарядном легнем платье и домашних тапочках гордо стояла перед Леной. — Видишь, я сама уже умею одеваться, давай я тебя тоже одену, ну чего ты стоишь, пойдём, нас тетя Тана ждет.

Лена весело посмотрела на дочку и улыбнулась. «Да, выросла Линочка за эти... неужели уже прошло десять месяцев? Ну да, пятнадцатого января как раз будет десять, время как-то незаметно пробежало, вот уже и Линочке через пару дней исполнится пять».

— Мама, а где я родилась? — недавно спросила Лену дочка.

— В Москве, Линочка.

— А это где, возле Тель-Авива?

— Нет, доченька, это далеко, в России, откуда мы приехали. — А, это где много снега и мы с папой снежную бабуну делили?

— Да, и там, где твои бабушки и дедушки живут. Помнишь бабушку Ано, у которой мы жили?

— Конечно, мамочка. А почему она и папа с нами здесь не живут?

— А где же они здесь жить будут? У нас и комнаты для них нет, — Лена уже начала жалеть, что вспомнила про свекровь, хотя с ней она меньше всего хотела «разводиться». Анна Павловна была удивительно добра к ней, совсем юной и легкомысленной девчонке, которая вдруг неожиданно поселилась в ее не такой уж большой квартире. Добра и снисходительна. По выходным Анна Павловна, работаящая и несчастливая со своим вторым мужем, жившим всю жизнь на две семьи, выезжала «покопаться в земле», как она любила говорить, и всегда звала с собой Лену с Андреем. Андрей, конечно же, никуда из дома, добротного пятикомнатного дома, оставшегося Анне Павловне в наследство от тетки, всю жизнь прожившей в этой деревне, не выходил — предпочитал общение с телевизором общению с семьей, а вот Лена благодаря свекрови все-таки научилась отпирать листья клубники от сорняков.

Линочка зачем-то тащила Лену в свою комнату.

— Мама, смотри! — она обвела ручкой небольшую «половинку». — Бабушка Аня со мной будет спать, я к самой стенке прилягнусь, а она рядышком будет, — мы ведь поместимся, правда? А папа — у тебя, да, мама? — Линочка так просище смотрит, что у Лены сжалось сердце.

— Я тебя сильно-сильно люблю, доченька. — Лена присела рядом с Дочкой и крепко обняла ее. — А папа и бабушка обязательно придут к нам, только не сейчас, а попозже, хорошо? А пока давай я тебя переодену, ну, носи свои нарядные туфельки, а то тетя Тania нас уже, наверно, заждалась...

Лена не ошиблась. Машина Шмулика, старенький «фольксваген хипушит» цвета опавшей листвы, нетерпеливо подергивалась, судорожно выпуская пары горячего, как норювистая лощадь на привязи. За рулем восседала довольная Танькина физиономия, она только что сдала на права и с удовольствием пробовала свои силы на этом совершенно новом для нее поприще израильского водителя. Лена с трудом пробралась на заднее сидение и с неприятным удивлением обнаружила возле себя довольного и цветущего Сережу.

— Вы тоже здесь? — вырвалось у Лены. — А вы куда едете? — Лене никак не хотелось пересохнуть с Сереем на «ты».

— Туда же, куда и вы, — на море. Меня ваша подруга любезно пригласила, — Сергей довольно раскинулся на потертом стареньком сидении, так что выхода у Лены не оставалось: его колена плотно прижимались к ее, а правая, волосатая и длинная рука повисла у нее за спиной, в районе затылка.

— А я подумала, что Серее тоже интересно с нами поехать, — Танька победоносно посмотрела на Лену. — Правда, Сереека?

— Ну конечно, Таня, с огромным удовольствием, в такой компании только дурак откажется отдохнуть, — Сергей выразительно посмотрел на Лену, и его рука коснулась ее руки.

Лена отдернула свою руку от его, как от раскаленной сковородки, и демонстративно отвернулась к окну.

А за окном расцветал ближневосточный, солнечный и теплый январь. «Ну и погода, — подумала Лена, — в такую и испугаться не грех, жалко, что купальники взять не подумалась».

— Тань, надо было нам купальники взять, смотри, какая жара стоит, прямо лето на дворе.

— Вечно тебе, Ленка, чего-то не хватает, ну зачем тебе купаться в такой холод? — Таня даже передернула плечами. — Сейчас приедем, в кафешку завалимся, мороженого для начала возьмем, потом, может, еще чего перехватим — вот это кракота, а ты в эту воду холодящую лезть предлагаешь. Нет, Ленка, не понимаешь ты простых человеческих радостей жизни, всё тебе экзотику подавай, правда, Шмуличек?

Шмулик рассеянно кивнул головой — и вдруг закричал каким-то петушиным голосом:

— Стой, стой, красныи!

Машина резко дернулась и остановилась. На Таню жалко было смотреть — ее лицо пошло багровыми пятнами, а руки на руле заметно побелели.

— Все из-за тебя, Ленка, — Таня тяжело выдохнула. — Спинком много болтаю, а мне на дорогу смотреть надо — я же еще «зеленая».

Таня попыталась завести машину, но «хипушит» захрипел и замер.

— Шмуля, что это? — она растерянно посмотрела на Шмулика.

— Дай-ка я попробую, — Шмулик привычно устроился на своем законном месте водителя и включил зажигание. Машина послушно завелась, как видно, почувствовав руку хозвина, и мирно тронулась с места, будто ничего и не случилось.

— Все, с меня на сегодня хватит! — Таня откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

— Таня, да ты в голову не бери — все так начинают, — неожиданно обозначился Сереекин бас. — Я ведь сам водитель с десятилетним стажем, дальнобойщик, а когда начал водить, думал, дальше соседней улицы никак не уеду. Это пока привыкнешь, все машины и светофоры мешают, а дальше влянешься — по кайфу. Вот я когда в рейсы выезжал — музыку себе поставлю и даже не пойму, как доехал, ну на чистом автотомате, и ничего — ни аварий тебе, ни усталости.

— А здесь чего водителем не идешь? — Таня с интересом повернулась к Сергею, моментально забыв о своем временном поражении.

— Да здесь же права подтвердить невозможно, мой приитель уже три раза савал, и все мимо, а у него стажу больше

моего раза в два. Говорит, что они здесь ко всему цепляются, деньги на нас делают. Каждая сядка червонец — не напасешься.

— А ты все равно попробуй, — настаивала Танька. — У тебя же специальность в руках — может, тебе больше повезет. А ты откуда приехал? — Тани неожиданно сменила тему.

«Ну все, — обреченно подумала Лена, — понесю Таньку, теперь, пока все не выплывает, не успокоится».

— Я из Киргизии, из города Ош. Во время войны мою маму туда бабушка привезла — от немцев из Томеля бежала, а потом они как-то осели там, бабка замуж за киргиза вышла — он классный мужик был, такой маленький, подвижный и страшно шепотной, в обкоме секретарствовал. Так он как выпьет — балагайку их местную сразу хватает, за струны дергает и песни кричит — обохохочешься, а дед мой на войне погиб, сразу как началась, матери тогда и году не было. — Сергей замолчал.

— А отец твой тоже из Оша, местный? — Тани, видно, пыталась потактичнее выснить национальность Сергея.

— Не, он русский, там много русских осело после войны, тоже водитель, так что я — потомственный. Ничего, пробьюсь здесь, мы, Потоповы, пробивные, сила у нас в крови богатырская, дед мой по отцу казаком кубанским был, так тот подковы руками гнул, вот, смотри... — Сергей закатал рукав рубашки, приоткрыв на всеобщее обозрение огромный накачанный бицепс.

— Ой! — Танька восхищенно посмотрела на Сергея. — Вот это мужик так мужик, да, Ленка?

— Да, — сухо ответила Лена.

«Ему бы еще свою главную мышцу развить — мозговую — было бы неплохо», — про себя отметила она.

— Мама, смотри, смотри — море! — Линочка залезла к Лене на колени и захлопала в ладоши. — Ура, приехали!

Лена задумчиво смотрела на море, на его невозможную бирюзовую синеву, на яркое голубое бесконечное небо. «Куда же уходит эта спонтанная, эта острая радость бытия, эта непосредственность восторга, подаренная нам детством и юностью, куда, в какие страны уплывают они от нас, притирающих к обычному, повторяющемуся дню, привыкающих к его обыденности? Как будто пелена появляется в душе, пелена,

отделяющая от этого всепоглощающего дара — дара видеть, чувствовать, осязать красоту всеми пятью чувствами, и струна души, раньше чутко резонировавшая в унисон с морем, с пенем птиц по утрам, с запахом бордовой розы шиповника, начинает фальшивить...»

— Ну и жар! — Тани с ошалелым видом посмотрела по сторонам. — Ну, чем тебе не Сочи в разгар сезона: народу тьма, прямо народные гуляния какие-то. Им что, дегать больше нечего, а, Шмуль? А я-то думала, что здесь народ по шабату по домам сидит, вот как мы с Ленкой, безмашинные, все больше утелевизора или по хозяйству чего мастерим на плите. Нам в улылане рассказывали, что шабат — это время для отдыха от всех дел, день молитвы и синагоги. Да, видно, не все так думают — пройти спокойно невозможно, только если по колению в воду залезть... — Тани невольно отпрянула от несущегося мимо, кричащего, жующего и плюющего семечками многодетного семейства израильтян. — Может, сразу в кафе засесть, пока не обили? Вон в том, кажется, столик свободный, — и Тани ткнула пальцем в какую-то точку между разноцветными зонтиками.

— А может, все-таки пройдемся немного? — безнадёжно спросила Лена.

— Лен, ну давай хоть посидим по-человечески, если передвигаться негде, вот и Сережа так думает, правда, Сережа?

— Да я бы тоже прошелся, если честно. Я сидеть не великий любитель, а вы со Шмулем пока посидите, места займите, а мы с Леной — если, конечно, она не против — слетка прошвырнемся по бережку.

— Ну, насчет «прошвырнемся» не знаю, а вот пройтись не откажусь. — Лена с вызовом посмотрела на Сергея. — Мы только до той гостиницы и обратно, — кинула она взглядонку Тане, удаляющейся в обнимку со Шмулем в сторону гулящего кафе.

«Да, — думала она, глядя на спокойное и уверенное, слегка изрытое остой широкое лицо Сергея, идущего рядом, — так-то ничем не смущишь, не то что словом. А впрочем, что, собственно, я от него хочу — тонкости чувств, правильности речи? Зачем это ему? Он простой нормальный здоровый мужик, у которого в голове наверняка порядок, все выстроено, все понятно».

— Секундочку, только туфли сниму, — Лена нагнулась и быстро сняла свои новые белые, такие модные в Москве туфли, казавшиеся здесь такими неуместными.

— Мама, а мне можно тоже снять? — Линочка, не дожидаясь разрешения, ловко скинула свои недавно купленные ей Леной лакированные туфельки.

— Давайте понесу, — Сергей протянул руку, — а то вам будет неудобно с ними.

— Возьмите, — Лена прогинула ему туфли, — если вам это, конечно, не трудно.

— Лена, я вот все спросить хочу: а почему мы всё на «вы»? Вроде ровесники, молодые, а все как-то сторонитесь вы меня, уж чего — не знаю. Давай на «ты»? — Сергей широко улыбнулся.

— А что, это что-то меняет? — попыталась удержаться танцию Лена, но, подумав, сдалась. — Ну ладно, давай на «ты».

— Ты знаешь, Лена, я думаю, что нам надо познакомиться с тобой поближе, ну там, в кабак сходить дввоем или, может, проветриться где... Ты как сегодня вечером — занята?

— Сегодня вечером — да, занята.

— А завтра, может, после работы?

— И завтра тоже занята.

Сергей задумался, и на его узком лбу проступили горизонтальные полоски умышленных усилий.

— Лена, ты не права, — наконец выдал он. — Ты же молодая, симпатичная и очень даже сексапильная девушка, а ведь себя как синий чулок.

— Нет, я думаю, что веду себя как розовый чулок, — серьезно ответила Лена, оставив Сергея в полной растерянности.

Всю оставшуюся дорогу Сергей молчал.

«Может, я слишком резко ответила ему? Ну, а как можно еще ответить на такое хамство, или нет, может, это простота нравов, когда сказать женщине, что отказываться от постели в ее возрасте — смешно. А может, и правда смешно? Ну нет, а где же чувства, где полет, нежность, страсть, наконец? Где это состояние любви, которое одно и объясняет восторг слипания двух тел, двух физических тел и духовных одновременно. А может, у меня требования завышенные или я придумываю то, чего не бывает?» Лена продолжала вести внутренний диалог

и в последнее время никак не могла прийти к согласию с собой.

— Ну, как погуляли? — Тania, прикрыв рукой глаза от слепящего солнца, с любопытством смотрела на Лену. — Ужас какой, ты и ребенок в воду засунула! — охнула Тania, глядя на мокрые, испачканные песком ножки Линочки. — Ну точно, сумасшедшая! А что же ты, Сергей, ей ничего не сказал?

— А чего я? Она женщина самостоятельная, сама знает, чего делает, — не глядя на Танию, ответил Сергей.

— Ну ладно, — Тania поняла, что пора менять тему. — А мы тут так устали, пока вас дожидались, кофе попили, пиццы наелись — разморились совсем. Ну садитесь же, чего стоите?

— А чего сидеть? Может, поедим уже, мне еще обед готовить, и Линочке спать пора.

— Ну, как хотите, — Тania зевнула. — Поехали, Шмуль?

Возвратились они молча. Тania и Линочка спали, Шмулик и Сергей сосредоточенно слушали радио, а Лена все смотрела в запяленное окно «хищника» и радовалась теплоте солнечному дню, зеленой яркой и свежей траве января, голубому нарядному небу и теплоте, такому родному дыханию дочери, свернувшейся калачиком у нее на коленях.

Лена, Таня и Иосиф

В ПУНКТЕ по обмену противоголосов было душно и многолюдно.

— Возьмите номерок, — безучастно бросила коренастая, пышноволосая солдатка, сидящая на входе.

— Тысяча двести сорок пятый! — присвистнула Таня, глядя на выплонутый автоматом номер. — Вот это да! Это что — на год вперед очередь, а, Лен? А кто здесь тысяча двести сорок четвертый? — Таня пылливо посмотрела по сторонам.

— За мной, доченька, за мной будете, я последняя, — тихо вздохнула из угла выходящая седая старушка в поношенной старенькой кофте.

— Бабушка, — Таня недоверчиво оглянулась, — а это что, все, что здесь, — туда, на полученне?

— Да, на получение, оно самое, будь оно неладно, — кивнула старушка, вытирая носовым платком слезящиеся глаза. — Говорила мне Софочка, соседка моя по квартире, что к шести приходиться надо...

— Правильно говорила твоя соседка, бабуля, кха-кха, — закашлялся сидящий рядом толстяк. — Я тут сижу уже часа три, а все ни с места, — он принялся разворачивать завернутые в газету бутерброды. — Пора уже и подкрепиться. Девчата, налетайте — жена в дорожку собрала, видно, чуяла, что надолго, — он смачно отхватил полбутерброда и, не проглотив, запихнул в рот остатки. — Мы вот с жинкой моей уже второй месяц как осели здесь, а я все не наемся никак: голодуха у нас на Украине — жарать нечего, одну только картошку и пекли, а тут... — его глаза заволокло восторженным гастрономическим туманом, — колбаска свиная на каждом углу,

рочка, пастрямка, — и чё меня Машка моя пугала: «Некашерно, некашерно»? Сама она некашерная — да на Святой-то земле и свиная закашерится.

— А ты не святотатствуй, лишь разговоришься! Приехал, пустили тебя сюда, так уважать научись веру чужую. Понаехали! — не выдержала Лена соседка, толстая неопрятная женщина в склепной лейкопластырем оправе очков. — От чего уехали, к тому и вернулись, нет жиптя от хамов! — она демонстративно отвернулась.

— Да я что? — неуютно поежился, оправдываясь толстяк. — Я только про колбаску и хотел сказать, да у меня мама родная — еврейка.

— Ну народ, а? — отстранился от газеты интеллигентного вида пражданин в выглаженном поношенном костюме с лоснящимся воротником и несвежей рубашке. — Не зря нас никто и нигде не любит. Война на носу, а они вместо того чтобы объединиться, поддерживать один другого — собачатся, как на рынке, тьфу! — Он демонстративно встал и, отливев недолгих соплеменников презрительным взглядом, отошел в другой конец зала и, протерев тряпочкой стул, уткнулся в зету.

В зале чувствовалось напряженное, раздражающее и пугающее ожидание неизвестности. На экране стоящего в дальнем углу телевизора молодая симпатичная девушка, держа в руке противогаз, что-то монотонно втолковывала невидимому ей зрителю, свободной рукой, как в замедленной съемке, доставая из маленького картонного ящика шприц.

— Доченька, — скрипуче обратился к Лене тихий старичок с огромной, казалось, пригласенной к его худому изможденному лицу седой бородой. — Скажи, а что это она там говорит, слышу я плохо. — Он скрученным полиарфритом пальцем ткнул себе в ухо. — Контузия у меня от войны осталась, — он, как бы извиняясь, улыбнулся щербатым ртом. — Колготы когда надо — до или после?

— Да ты, дед, вместо коги — не ошибешься! — весело пробасил стоящий рядом духмелетровый дедина.

— Не слушайте его, дедушка, — Лена укоризненно посмотрела на хохмача. — Там говорят, что если будет необходимо, специальный сигнал по радио передадут, а потом надо

будет противогаз надеть, а только после этого укол сделать! — прокричала она в ухо старца.

— А поможет? — он недоверчиво смотрел на Лену. — Мнечто чего, — он задумчиво погладил свою непокорную буйную бороду, — свою жизнь я отжил. Вот вас, молодых, жалко — только жить начинаете. Ну да не нам решать. Я вот всю войну прошел, живой вернулся, а не думал, что выживу: всех моих товарищей война проклитая стубила, никого не пожалела. — Он тяжело вздохнул. — Все от Бога, все от него, все от него... — Взгляд его понемногу отстранялся, губы что-то пришептывали, как будто продолжали разговор с невидимым обычному глазу мудрым собеседником.

— Девушки, — двухметровый верзил, широко улыбаясь, смотрел на Лену и Таню. — А вы вот в Бога верите?

— А вы? — подозрительно глядя на незнакомца снизу вверх, ответила Таня.

— Хороший ответ, еврейский — вопросом на вопрос. — Весело парировал дылда. — А не обсудить ли его нам подробнее выдали от ушей любопытных. — и он заговорщически кивнул в сторону буфетной стойки со скучающим продавцом. — А заодно и чаю попить не помешает, нам здесь до вечера торчать, если не до ночи.

— Ну что же, пойдете, уж лучше, чем в этой духотине, — обрадованно согласилась Таня и энергично отпирывалась к одиноко стоящему столу.

— Садитесь, — двухметровый галантно отодвинул облезлые стулья. — И будем считать, что мы в Рио-де-Жанейро.

— А вас за кого считать — за Остапа Бендера, что ли? — не удержалась Лена.

— Не Остап, каюсь, и на Иосифа не гинну, хотя как на духу — Иосиф и есть, Йосыка то есть.

— Да вы скорее на Ивана похожи, — оценивающе протянула Таня. — Что-то таких Иосифов я до сих пор не встречала.

— Не буду с вами спорить, уважаемые леги, — Иосиф сидел серьезное лицо. — Говорили мне, и не раз, что похож я на Ивана-царевича, — он торцо тряхнул тривой светло-русых волос, — но все это, — он пристально посмотрел на Лену своими темно-синими глазами, — всего лишь визуальный обман. — Он весело рассмеялся. — Я самый что ни есть настоя-

щий Иосиф и, что является тому подтверждением, верю в нашего Бога Яхве. — Он победоносно окинул взглядом притихших подружек. — И продолжим наше утро вопросов и ответов. А вы, пожалуйста узнат, верите?

— Я нет, пожалуй, — немного подумав, ответила Таня, — что-то не причили меня там к этой мысли. Все больше марксизм-ленинизм, хотя и в это я уже не верю, — она растерянно посмотрела на Лену и задумалась.

— А вы, красавица? Такая же ни во что не верующая, как и ваша подруга? — весело настаивал Иосиф, как будто гипнотизируя Лену.

— Я верю, — тихо призналась Лена и удивилась сама себе: вот так просто, ни с того ни с сего, открыть совсем незнакомому человеку душу.

«Чего это я откровенничую?» — подумала она и неожиданно для себя продолжила:

— Только не знаю, как это назвать. Можно, наверное, по-разному. Кто-то говорит: Бог. Кто-то: абсолют. Кто-то: судьба. А мне кажется, что это все одно и то же — не сам человек решает, вернет, не совсем он.

— Приятно слышать такие умные речи от дивной девы юной под именем?... — Он вопросительно замолчал.

— Лена, — просто представилась она.

— Елена Прекрасная, значит. Ну что ж, вот вас, я думаю, никто не заподозрит во лжи. Вы замечательно красивы — позволяете приложиться, — он осторожно приподнял Ленину ладонь и, медленно приближив к губам, нежно поцеловал.

— Ленка, уши собери — это ж Дон-Жуан во плоти! — жарко зашептала притихшей Лене трезвая Таня.

— А хотите я вам сейчас все про вас расскажу? — и Иосиф, не дожидаясь ответа, перевернул Ленину ладонь. — Здесь все написано. Вот видите: длинная линия снизу — это ваша жизнь. Она будет долгой и красивой, как вы. А вот эта глубокая и сильная поперечная — ваш пылкий ум. Да, вы будете известны, дорога моя, — он поднес Ленину руку поближе к глазам. — Ну да, правда, ваша линия Солнца начинается только у линии сердца, что означает выход на «спену» только к сорока годам. Ничего, подождите, есть смысл — ваша линия, если вы решите заняться искусством, приведет вас к

успеху, а эти чудесные разветвления на ее конце, направленные к Сатурну, бугру Солнца и Меркурию, принесут успех, славу и деньги. Вот это рука! — Иосиф восхищенно посмотрел на Лену. — Снимаю шляпу! — Он привстал и приподнял воображаемый головной убор. — Только не говорите, что занимаетесь искусством, а то я немедленно сам поверю в свое предсказание... — он широко улыбнулся.

— Занимаюсь, — ошарашенно ответила Лена. На ее щеках появился легкий румянец, глаза засветились надеждой. — И это все вы прочитали здесь? Не может быть! — Она недоверчиво посмотрела на свою подрагивающую ладонь. — Здесь такое написано?

— Непременно. Здесь даже такое зарисовано... Но что же вас удивляет? Вы же только что мне сказали, что веруете, а это, — он кивнул на открытую Ленину ладонь, — лишь подтверждение вашей веры.

— И давно вы этим занимаетесь, хиромантисей вашей? — Тани неодобрительно посмотрела на Иосифа.

— Ну, — Иосиф задумчиво поднял глаза к потолку, — думаю, лет десять уже есть, а что? Хотите, чтобы я вашу ладонь тоже посмотрел? Так я судовольствисем. Давайте, ну же, смелее, я не кусаюсь, — и он дружелюбно посмотрел на Таню.

— Ну ладно, — Тани неохотно протянула ему свою ладку. — Только учтите, я все равно не поверю.

— Посмотрим, — Иосиф внимательно склонился над Таниной рукой. — Вы девушка хорошая, совсем недавно перенесли, можно сказать, на ногах душевную травму. Ваш любимый покинул вас, но на Святой Земле вас ждет удача — вы найдете своего принца, и думаю, что его конь уже близок к воротам вашего королевства. Не жалейте о былом возлюбленном — он горько раскается в содеянном, новый же возлюбленный приведет вас к вершинам материальных благ. Он возложит к вашим ногам вождяленного золотого тельца, чем и украсит жизнь вашу на долгие годы... — Иосиф оторвал взгляд от Таниной руки. — Ну что, и сейчас не верите? — В его глазах прыгали озорные огоньки.

Тани недоверчиво исподлобья смотрела на Иосифа, как бы прикидывая, стоит ли соглашаться на такую судьбу.

— Ну ладно, будь по-вашему, — неохотно протянула Тани. — Поверю на слово — жизнь покажет. А где же ваш обещанный чай?

— Bravo! — Иосиф одобрительно посмотрел на Таню. — Думаю, вы нигде не пропадете. Так что же нам испить: чаю, кофе, а может, предпочитаете коньяк, виски?

— Какой же здесь коньяк? Я только чай и кофе вижу, — недоуменно сказала Тани.

— Больше фантазии, мои дорогие. Включите ваше воображение — ведь иногда при желании можно и в глотке чая ощутить весь «букет» коньяка, а глоток коньяка может показаться таким же пресным, как давно испитый чай. Ну согласитесь со мной, Леночка, в этой жизни все относительно.

— Да, — легко согласилась Лена, как будто продолжая давно начатый разговор с хорошими старым другом. — Все относительно, кроме одного — жизни. Уж она-то реальна.

— Конечно, ваша жизнь для вас — это реальность во всех ее ощущениях, а вот для меня вы являетесь из всеобщего человеческого хаоса всего... — Он бросил взгляд на часы. — Все-то один час и двадцать минут назад, а до этого вас для меня просто не существовало, хотя реально вы жили, дышали, думали, но как бы в другой, не известной мне плоскости. Так что же это — не относительность бытия?

— Лен, — Тани безразлично зевнула, небрежно прикрыв бордовый рот аккуратной ладкой, — вы тут умничаете, а простому человеку что — и постель нельзая? Я тут уже с голоду погибаю, а вам все нипочем. Знаю я тебя, Ленка. Тебя кашей не корми — дай поумничать. Раньше, слава Богу, не с кем было, так теперь как по заказу, — Тани прищурилась на Иосифа, — товарищ по борьбе нашлся на мою голову, — проворчала она. — Да, вот до чего Литературный-то доводит — не зря тебя тети Тоня отговаривала. А ведь до этого ты вроде нормальная была — ну как все, — а теперь все тебе относительным стало. Я-то, надеюсь, тебе еще не относительна?.. Подруга моя, — Тани с вызовом смотрела на Лену, как бы призывая ее к реальности. — Война на дворе, очнись! Уж война-то реальна, реальнее некуда. Пойду-ка я очередь проверю, а вы здесь потолкните пока. — Тани лениво встала и скучающей походкой побрела в зал.

— А хорошая у вас подруга, Леночка, пробивная такая, думаю, в жизни своего добьется, на ненужные разговоры вроде наших время зря не теряет. Да, разговоры, разговоры, умные мысли — тяжелые последствия. Вы, слышал, в Литературном училище? Да, были у меня друзья оттуда: Саша Ленинградов, Валентин Аросьев — может, слышали про них? Поэты хорошие, но не сложились у них — весь талант в «горькую» ушел. Наивные люди — ждали признания, да в нашей бывшей-то наградные грамоты только после смерти выдавали или по особому расположению власть предержащих. Кстати, по моим пристальным наблюдениям, и здесь, на Земле нашей обетованной, не все так чисто, как хотелось бы. Только на Бога и рассчитывать можно — до него пока протекционеры не добрались, хотя пути ищут. Может, он поэтому нам и не является — искушать не хочет. Не доросли еще — больше половины на четвереньках бегает, силы на ноги встать не имеет, а те, которые уже на двух, все больше локтями работают... Ну вот, всем я вас расстроил. — Иосиф весело подмигнул задумавшейся Лене. — Простите меня — не хотел. Давайте я вам лучше анекдот расскажу. В некотором царстве под названием...

— Да не расстроили вы меня, Иосиф, я и сама об этом немало думаю, только мне кажется, что в жизни не так мало тех, кто с душой. Это ведь качество подаренное, от него так просто не избавиться, да и не думаю я, что избавиться стоит, — не настолько мир мрачен, как вы его сейчас нарисовали. Добавьте немного цветных красок, и вы увидите, как он преобразится. Да, все относительно, но относительно того, кто рисует эту картину, мир и меняется.

— Умна, — Иосиф радостно потер руки. — Красива и умна — редкое сочетание. А давайте, Леночка, дружить семьями. Моя Наташка будет рада, а то все никак себе подружку не найдет, а вы с ней обязательно друг дружке понравитесь — она у меня тоже умная и красивая.

— Давайте. Только своего мужа я вам в друзья предложить не смогу — я сюда с дочкой приехала, а муж в Москве остался... — Лена провела рукой по пластиковой поверхности стола.

— А вы что думаете? Наташка — это моя вторая жена, я ее выкрал у одного скромного торговца краденными идеями, пока

он спал. Ну, это, конечно, образно, а если как на духу — уж слишком она для него хороша была, а вот для меня — в самый раз, вот такой я самоуверенный. Не грустите, — он нежно прикрыл Ленину руку своей большой, красиво очерченной ладонью. — И ваш принц найдется — кому, как не вам... А завтра я позвоню, и мы договоримся, идет?

Лена посмотрела на Иосифа — перед ней сидел друг, да, именно друг, брат по духу.

— Обязательно позвоните, я буду рада вам, — тихо сказала Лена, открыто глядя в глубокие теплые глаза Иосифа.

— Ленка, ну где же ты? — Тани колюбок катилась к Лене. — Там наша очередь подходит, а ты там за своими «умниками» совсем счет времени потеряла. Побежали! — она схватила Лену за руку и потащила ее за собой.

— Коробки не открывать, шприцы не вытаскивать, — устало комментировала выдачу противозачаточных таблеток израильянка, глядя мимо на побегавших подруг. — Выбрать комнату с наименьшим количеством окон и заклеить их изолентой. Иметь в помещении по шесть бутылок минеральной воды на человека... Следующий, — не меняя интонации, позвывая, призвала инструкторша.

Света

Света медленно приходила в себя. «Нашла, дура, из-за чего слезы лить — да он моего мизинца не стоит», — она пыгливо заглянула в машинное зеркальце. «Нет, так не пойдет, под глазами синяки, а щеки как у бульдoga — да, открысют потихоньку», — она вытатила из крокодиловой сумочки пудреницу. «Хорошая кожа, — мелькнуло у нее в голове, «вечная», — и не стареет, собака», — с ненавистью подумала Света и заученым движением припудрила лицо. Ее взгляд упал на золотистую элгантную дорожную поверхность кругленькой, как золотой шарик, пудреницы. «Кристиан Диор» — гордо красовалось на ней. Света открыла косметичку и высыпала содержимое на соседнее сиденье: золотистый приборчик-тюбика помады «Кристиан Диор», удлиненная золотая «капля» туши для глаз с удлинителем — «Кристиан Диор», тени всевозможных обольстительных оттенков — «Кристиан Диор». «Все к черту! — Света стребля косметику и вышвырнула ее в окно. — Дура, дура, старая дура! «Кристиан Диор»! Все для Эдики, все для любимого...» Света нервно завела машину. «Папа поставит его на место, покажет ему, кто в доме хозяин. «Не волнуйтесь — со мной все в порядке», — Света с ледяным хохотком передразнила Эди. — Это тебе кажется, что у тебя все в порядке, — мы тебе порядочек-то наведем, слезами изойдешь, шенок, на коленях ползать будешь, папе руки целовать!» Света энергично жестиком указывала правой рукой, левой железной хваткой держа под прицелом дорогу с указателем на Тель-Авив.

Она не сразу поняла, что случилось. Ее подбросило вверх и резко тряхнуло — машина заглохла и остановилась. Света недоуменно посмотрела вперед — перед ней стоял «мер-

седес» с искореженным багажником, и из него уже выглядел какой-то кругленький лысовичок с явно недовольной физиономией. Он угрожающей походкой приблизился к Свете.

— Фред?! — невольно вырвалось у нее. — Ты?! У тебя «мерседес»?

— Света? — от неожиданности охнул Фред. — Хорошенькая встреча на дорогах страны! — Он внимательно посмотрел на Светино опухшее лицо. — Ты чего? Не заметила меня, что ли? Я себе тихонько на светофоре отдыхаю, музыку слушаю, а ты, значит, протаранить меня решила. Ну, хороша! — Он безнадежно махнул рукой на измятый багажник «мерседеса». — А я ведь только вчера поменял мою каракатицу на этого крапавца, эх, хорош был «мерсик»! — Фред почесал за ухом. — Ладно, страховка у меня в порядке, исправят, — он задумался и тяжело вздохнул.

— Фред, — протонала обессиленная Света, и из ее глаз хлынули слезы. — Эди из дому уше-оо-о! — И, не в силах больше сдерживаться, завывла, уткнувшись в круглую блестящую лысину Фреда.

— Да, а личное участие мне в пару тысячеч станет... — продолжал прикидывать Фред. — Как ушел, куда ушел? — очнулся он и, отстранившись от Светы, растерянно уставился на нее снизу вверх, видно ничего не понимая. — А я его на прошлой неделе видел, мы с ним на обеде пересеклись, в китайском ресторанчике на Капенелсон, так он мне сказал, что вы в Тверию на праздники собираетесь. Он нам с Алкой тоже предлагал ехать... — Фред недоверчиво посмотрел на Свету. — Так он что же — уехал уже?

— Ты что, не слышишь меня? — взревела Света. — Он ушел, ушел и записку оставил.

— Какую записку? — недоверчиво промычал Фред.

— Сказал, что не придет, — мрачно протянула Света, глядя в сторону, и вдруг, видно, что-то для себя прикинув, резко повернулась к Фреду и, выпившись своими широкими руками в лацканы его пиджака, жарко задышала ему в лицо. — Найди его, Фредик, умоляю тебя, найди и приведи в дом мерзавца! — Ее глаза засветились злым огнем. — Ну, ты же друг ему, он тебя послужает! — она жадно смотрела на Фреда.

«Совсем баба с ума сошла!» — промелькнуло у Фреда в голове.

— Хорошо, хорошо, Светочка, ты, главное, не волнуйся, я тебе обязательно позвоню, — душевно проворковал Фред и, аккуратно отогнув Светины пальцы от своего пиджака, кинулся к машине. — Завтра, завтра позвоню! — освободившись крикнул он Свете, как-то уж слишком поспешно запрыгивая в раненный «мерседес».

«Болван! — плюнула под ноги Света и, постоив минутку в нерешительности, громко скомандовала себе: — К папе!»

На гель-авиаском рынке Кармель былолюдно и шумно.

— Шекель, шекель, помидоры, огурцы — шекель! — нудно бубнил кривоногий горбоносый зазывала, заглядывая в глаза каждому проходящему, выскивая по заинтересованному взгляду своего покупателя.

— А кому клубнички? Свежая клубника — всего пять шекелей килограмм. Налетай, разбериай, кто не купит — тот не съест! — зычно напирал, сверкая глазами, перекрикивая соседа, румяный живоготый торговец — кровь с молоком, — не навязчиво почесывая промеж ног то спереди, то сзади.

— Свежее мясо — как парное молодчко: кашерно, полезно, душевно! Вам, мадам, какой кусочек на сердце лег? Ну конечно, в вас чувствуется стили! — продавец елейно улыбался, не навязчиво подталкивая покупательницу к туше. — Конечно же, филейный часть — это для вас, я даже не сомневался. Мадам давно в стране? Две недели как приехала? Отлично, отлично, из Одессы? О, в этом городе знают, что такое хороший кусочек мяса к борщу с чесночком! Не пожалейте, не мясо — пимес, во рту тает, — мясник сочно поцеловал кончики толстых пальцев. — Приходите, приходите, у Хаима для вас всегда особые цены! — он вышел за покупательницей, вытирая руки о грязный, засиженный пятнами, в прошлом белый фарфук. Прямо к нему навстречу неслась какая-то важная дама.

«Светка! — обомлел лавочник. — Чего это она бежит как уторелая? Может, с матерью чего, не приведи Господь?»

— Дочка, случилось что? — Он на ватных ногах приблизился к Свете.

— Папа! — Света с разбегу кинулась к нему на шею и зарыдала. — Эди ушел!

— Фу ты, черт! — выразительно сплюнул Хаим. — Напутала ты меня, думал, и впрямь чего случилось. — Он приложил руку к сердцу. — Да, нервышки уже не те...

— Ах, так! — Света задохнулась в гнетеве. — У меня семья рушится, муж бежал, а тебе это — «не случилось ничего»? — Ее глаза моментально высокохшие от возмущения, торсели прavedным огнем. — Так слушай, ты должен что-нибудь придумать! Надо его найти и вернуть в дом: какой-никакой, а муж все-таки. Нехорошо мне брошенной оставаться — люди что скажут?.. Ну, папуса, — Света потерлась о его плечо. — Ну, ты же все можешь, ты же сам мне говорил, что и луну с небакупишь, если надо будет, — Света жалобно посмотрела на отца.

— Ну, жеребец африканский, хорош муженек, ничего не скажешь! Да, в наши-то времена это ему с рук бы не сошло — живо бы его на профсеобрании разложили на части. А здесь — свобода, мать вашу, — дочь родная слезьми обливается! — Хаим нервно потер обильный пунцовый нос. — Не плачь, дочка, придумаем чего-то, а ты остынь пока, поплавай сходи или с подружкой по центру прогуляйся, ну там в магазин какой зайдя, — он вытаскил из потертого кармана старых брюк толстую пачку купюр. — На вот, — он отсчитал тысячу, — хватит тебе?.. Ну, иди, иди, а я тут прикину, что с этим паразитом делать...

Света и Габи

— Габи, привет! Это Света. Встретиться надо, ты как, сейчас можешь? Так я заеду, жди. — Света выпрыгнула в машину и уже через десять минут подвезла к шикарной двухэтажной вилле в Герцлии-Пигуах.

Из ворот дома уже шла ей навстречу легкая, обтянутая джинсами молодящаяся дама в спортивной на меху коротенькой курточке, выгодно подчеркивающей ее стройную спортивную фигуру.

— Привет, Светка, я только с аэробики вернулась, только джинсы и успела натянуть... У тебя случилось что? — она легко выпрыгнула в машину. — А с машиной чего? Кого-то «поцеловала» уже?

— Оставь машину — у меня неприитности. Эди сбжал, — ставленно прошипела сквозь зубы Света.

— Фью, — присвистнула Габи, откинувшись на сиденье. — Ненадолго же его хватило! Вы сколько — лет двенадцать уже паритесь вместе или больше? — Габи с любопытством посмотрела на Свету, доставая губную помаду и подкрашивая узкие бледные губы.

— У тебя гадалка стоящая есть? — проигнорировала Света вопрос Габи.

— Гадалка? — Габи задумалась, и ее ушкий низкий лоб пошел морщинами. — Есть! — Она полезла в сумочку и, достав записную книжку, принялась ее листать. — Так... Хана Леви — нет, она мне в прошлый раз черт-те чего наговорила. Рина Кон — тоже не пойдет, ей только бабки и подавай. Представлешь, — пожаловалась она Свете, — я ей полтыщи на прошлой неделе отвалила за яйца от сглаза — так

она мне их с собой завернула и велела в море кидать на расвете.

— Ну и как? — заинтересованно протянула Света.

— Никак! Я их уже четвертый день кидая, а у Моше как не шевелилось, так и не шевелится. Полный штитель, а у меня голова четвертый день болит. Слушай, а может, мне опталтынчику взять, а? У тебя нет с собой? Ну ладно, потом... — Габи внимательно листала блокнот. — А, вот, думаю, он тебе понравится. Мужчина что надо, жалко, что религиозный, — она мечтательно вздохнула. — А красив, как Аполлон. Даниэлем зовут, тоже в Ришоне живет.

— А он на чем гадает — на картах или на кофе? — подозрительно откинулась Света.

— Не угадала — он по Книге мастер, — Габи многозначительно подняла вверх палец.

— По какой книге? — недовольно поморщилась Света. — Мне не писатель, а предсказатель нужен, ты что, не поняла?

— Да ты послушай сначала, — обиженно моргнула Габи. — Он каб-ба-лист, — по слогам протянула она. — Слышала про таких? Нет? Я тоже до того, как мне его адресок дали, о таком и не слышала. Слово какое-то странное, да?

— Ну и что он тебе там накаббалил? Что-то стоишь?

— Еще какое! — оживилась Габи. — Меня когда к нему привели — думала, фуфло, а он мне такое сказал... — Габи сделала большие глаза. — Только никому, слышишь, я только тебе скажу, — она жарко задышала в Светино волосатое ухо. — Витька, любовник мой бывший — ну ты что, забыла, это который перед Ицником был, ну, помнишь, стриптизер из Сухуми, — ко мне вернулся. Даниэль сказал, что и месяца не пройдет, — так он вчера позвонил, представлешь? — Габи победно посмотрела на Свету.

— И что, ты ему все простила? — не поверила Света. — Он же от тебя к этой содлатке нищей перебежал и твое кольцо с броликом ей подарил... Ты же хотела в полицию его сдать!

— Ты не понимаешь, Светка, — Габи тяжело вздохнула, — это, может, моя последняя любовь. Такого мужика классного, как он, я уже не найду — Ицику до него как до луны, а уж про Мошика моего я вообще молчу: его аппарат можно уже на свалку выбросить — ремонту не подлежит. — Габи задумалась и глу-

бокомысленно изрекла: — Один раз, подрута, живем — какие там счеты...

— Ну, тебе виднее, а я вот дура дурой — себе за это время никого серьезного и не завела, все необязловка какая-то, а назад посмотришь — и нет никого, вот один Эди и оставался, так и тот лыжи намылил, — Света затормозила перед светофором.

— Эй, девушки, огонька не найдется? — из соседней машины высунулась курчавая голова молодого паренька.

Габи поспешно достала зажигалку и, обильно улыбаясь, манерно протянула ее юноше.

— Спасибо, а телефончик не оставите? — не унимался он.

— Соску изо рта вынь, а потом телефончик проси, — это ответила Света и закрыла окно.

— Ты чего, Светка, взерепенилась? А мне он показался ничего, — Габи заглянула в зеркальце и поправила прическу.

— А ты себя-то хоть видишь со стороны или там, в зеркале, тебе спишай красавица мерщится? Глаза разуй, тебе же полтинник скоро!

— Ну, не так уж и скоро, — обиженно надула губы Габи, — еще целых полгода есть в запасе. А тебе что — чужая красота глаза ест? — перешла в наступление Габи.

— Тоже мне красота неземная! — не подумав, бросила Света, но тут же пожалела о сказанном, увидев, как Габи начинает медленно закипать. — Не злись, я пошутила. Смотри, у тебя морщина на лбу от злости прорезалась.

— Где? — тут же заволновалась Габи, забыв про обиду, и бросилась доставать зеркальце.

— На бороде! — это засмеялась Света. — Это я шушу так, весело мне, не понимаешь, что ли? Ну, где он, этот твой про-рок, куда поворачивать?

— Направо поворачивай, — Габи на секунду оторвалась от зеркальца. — Так, а сейчас налево... Стой — вот его дом, — она показала на добротную каменную одноэтажную постройку.

Двор, окруженный глухой высокой стеной, казался, был разделен на две части. В одной толпились огромное количество каких-то, как показалось Свете, потерянных людей, нервно перешептывавшихся и испуганно показывавших на центральную массивную дверь, отделанную дубом. По другую сто-

рону двери тоже ронялась толпа, но уже со спокойными, просветленными и удовлетворенными лицами, внимательно изучавшими что-то на маленьких бутылочках, приобретаемых тут же, у религиозного бородастого еврея в лапсердаке и огромной черной шляпе.

— Это что, все к нему? — благоволенно протянула Света.

— Я ж тебе сказала — кабабалист, — удовлетворенно наблодая толпу, подтвердила Габи. — К нему со всех сторон народ тянется. Садись, — Габи села на старый ободранный диван, с которого только что поспешно встали взволнованные обладатели названного номера.

— А вы с чем приехали? — сердито повернулась к ним толстая очкастая тетка, окруженная выводком таких же очкастых прыщавых девчонок в толстых вязаных кофтах. — Такие чистые дамочки, — она завистливо окинула их неодобрительным взглядом. — Чего, богатые тоже плачут? Ох, вам бы наши заботы — плюются тут всякие, а нам в очередях из-за таких сидеть, — она недовольно отодвинулась.

Света как ошпаренная вскочила с дивана.

— Заткнись, старая дура! — она зло сверкнула глазами. — Понаехала тут голь перекатная — дышать от вас нечем! — она демонстративно зажала нос и на всякий случай отбежала на безопасное расстояние.

К ним уже спешили черный в лапсердаке:

— Гверет, гверет, савланут, все зайдете, не надо скандалить, вы Даниэлю, — он почтительно указал на дверь, — мещасте, отвлекаете его, пойдёте со мной, — он кивнул Свете и Габи и, заведя их за угол дома, усадил на специально выставленные пластиковые стулья.

— И откуда только завозят таких уродок? — не успокаивалась Света. — В наш заезд таких не было, — она нервно выхватила сигарету у безмятежно затаптывающейся Габи.

— Свет, а этот в лапсердаке тоже ничего, только толстоват немногo, да? — задумчиво заключила Габи, доставая из папки другую сигарету...

Нахум

— Дело у меня к тебе, Нахум, простосе, даже не знаю, с чего и начать... — Отец Светы сидел в пахнущем свежей краской шикарном новом офисе своего земляка — Нахума-двокага. — Ты столько лет был моим клиентом, а вот теперь, — Хаим тяжело выдохнул, — теперь я к тебе пришел: помоги.

— Что же стряслось у тебя, Хаим? Столько лет знакомы, но что-то в таком настроении я тебя не помню, — Нахум поднял голову от какого-то важного досье, лежавшего перед ним на темно-вишневой гладкой поверхности огромного письменного стола, и внимательно посмотрел на Хаима сквозь толстые стекла очков.

— Понимаешь, — Хаим замылся, — от дочки муженек сбегал. — Он грустно опустил голову. — Она ко мне сегодня в слезах пришла: «Помоги, — говорит, — папа». А я что? — Он закашлялся. — Ну и к тебе решил... ты же двокага, умный, можешь подсказать что... — Хаим с надеждой смотрел на Нахума.

— Будем разводить? — Нахум уверенно снял с полки новую папку и приготовился записывать.

— Нет, ну что ты, погоди! — испуганно остановил его Хаим. — Можешь, еще что придумать можно... ну, не знаю... письмо там предупредительное ему отослать или еще что... ну, вернуть его как-то, а то уж больно она убивается! — Хаим отчаянно махнул рукой.

— Так, попробуем с другой стороны. Ты ему деньги давал? — Хаим взял чистый лист бумаги и приготовился записывать. — Ну, там, на дом их или на офис его инженерный?

— Давал, — Хаим приободрился, — еще как давал! Сначала свадьбу сделал — на свои кровные, потом путежки там всякие за границу, да он за мой счет полимира объездил, — щелки Хаима запылали праведным гневом. — Дом ему, ценку, отрохад трехэтажный... Да ты же знаешь, я для дочери родной ничего не пожалелю — все им в дом тащил, а этот интеллигентик поганый вот чем меня отблатодарил...

— Подожди, подожди, не кипятись. Здесь дело тонкое, — задумался Нахум. — А дом на кого записан? Надеюсь, на Свету?

— А на кого ж еще мне было записывать? Не на этого ж прощельцу, — удивился Хаим.

— Так понятно, — Нахум отложил ручку. — Думаю, он от нас никуда, голубчик, не денется. Значит, так: когда он явится, скажи, что дочка твоя на развод подает — с конфискацией. Думаю, он еще ее умолять будет от развода отказаться, — Нахум довольно потер руки, — а если все-таки заупрямится, мы его без штанов оставим. Так и знай, Хаим, все права на сторону Светы...

Э Д И

ЭЙЛАТ встретил Эди и это сотрудников неожиданно ярким и праздничным днем. После Беэр-Шевы погода стала меняться, серый мрачный день внезапно иссяк, и появилось солнце. Как будто невидимый осветитель, закончив перекур, вернулся на рабочее место и с новыми силами принялся за любимую работу. Горы были мастерски подвешены розовым, а море настоящей лазурной акварелью: изумрудно-зеленый плюс кобальт, определил для себя цвет Эди. В последнее время он увлекся живописью и теперь на цвет смотрел как художник, раскладывая для себя каждое явление природы, будь то небо, море или просто яблоко, на составляющие его цвета.

«Да, постаралась здесь природа, не город — волшебство какое-то», — думал Эди, незаметно разглядывая в машинное зеркало сидящих зади сотрудников. Люба сидела между Керен и Сарой. Именно Сара и уговорила Эди ехать в Эйлат, а к ее словам Эди всегда прислушивался. Сара была его лет на двадцать старше, она уже перешла пенсионный рубеж и была, по всеобщему мнению, женщиной мудрой и рассудительной. Работала она со дня основания фирмы, и Эди уже давно привык к разумности и обоснованности ее предложений. Иногда Эди казалось, что Сара каким то метафизическим образом приносит фирме удачу.

«А почему в Тверино? — Сара по-матерински посмотрела на Эди своими теплыми карими выпуклыми глазами. — Там сейчас холодно, неуютно. Может, все-таки в Эйлат? Море, солнце, бархатный сезон... Нет, нет, я не настаиваю — это твоё решение, просто я подумала, что девочки были бы очень довольны, да и тебе, Эди, не помешает отдохнуть как следует,

ты же совсем себя не бережешь, не отдыхаешь, а всей работы все равно не переделаешь».

— Ой, смотрите, смотрите — море! — Люба радостно вертела головой. — Да я такого цвета море только на картинках видела! Думала, такого не бывает — как бирюзы, правда, Керен? — Она восторженно посмотрела на оживившуюся Керен.

— Девочки, — Керен потеряла руки, — кажется, к гостинице наконец приближаемся, что-то я устала немного, сейчас бы джакузи принять. — Керен вопросительно посмотрела на Эди.

— Будет вам и джакузи, будет и ужин. Питер, что же ты молчишь, ты же здесь еще не был?

— Да у нас в Крыму не хуже, чего говорить, море как море. А в Ялте, пожалуй, и лучше будет — там и трава зеленая, и чайки крутом... Вот скажите, Сара, а чайки здесь есть? Что-то на Средиземном я их не очень-то видел, море там пустое — рыба не живет. Пустыня — она пустыня и есть, — Питер недобольно передернул плечами.

— А вы, Питер, все не привыкнете, — Сара сочувственно посмотрела на Питера. — Ничего, я тоже долго тосковала по своему Ленинграду, каждую ночь Невский во сне видела, думала, не смогу здесь, все чужое — и улицы, и запахи, а вот недавно съездила туда, да, через целых пятнадцать лет, казавшихся мне вечностью, и вдруг неожиданно для себя поняла, что город этот мне уже чужой. Нет, он такой же величественный красавец, как и прежде, но я уже отсюда, прикипела, видно, уже я к этой суровой земле.

— А моя бабка тоже скучала, она у меня из Грузии... а что вы так удивились? — Керен победоносно обвела взглядом удивленных соседей. — Ее родители в Персию от большевиков бежали, а там она с моим дедушкой познакомилась, его родители тоже из Грузии, только он уже в Иране родился. Я тоже немного русская — даже понимаю чуть-чуть, как дела, я тебя люблю, доченька моя...

— Керен, так что же ты раньше молчала, когда я язык ломала, чтобы с тобой на пальцах объяснитьсь? — с нетерпением воскликнула Люба.

— Так я же только понимаю немного, а говорить — всего несколько слов и знаю, а даже если бы и знала — не сказала

бы тебе. Как же ты иврит выучишь, если со мной по-русски говорить будешь, мало тебе, что ли, что и так все, — она обвела рукой присутствующих, — только по-русски между собой и говорят, хорошо, что хоть при мне стараются на иврите, — видно, что воспитанные люди. Вот моя подружка жалуетса, что на нее никто внимания не обращает, так она себя инопланетяжкой на работе чувствует...

— А пусть русский учит, — мрачно прокомментировал Питер. — Мы же иврит учим, не жалуюсь, а это, девочка моя, ох как просто: в мои-то пятьдесят пять да за пару, как школьнику! Если бы не дети мои — не поехал бы, наверно, да нет, теперь уже точно знаю — не поехал бы. Не гот это возраст — жизнь по новой строить, тем более что там у меня все было — и работа престижная, и квартира просторная, и дача, и машина. А здесь что? И язык толком уже не выучу — только и прет, что Сашка мой и Викочка пристроились неплохо, может, хоть у них жизнь по ровной тропинке покатится...

— А я вот не люблю этих разговоров! — выруг взыхла Керен. — Моей бабушке тоже нелегко здесь было, но она никогда не жаловалась, а вам тут все дают: и деньги, и улыпаны, а вы всё «работа престижная, квартира просторная»... А синизм ваш где? Две еврейство ваше — то, ради чего моя бабушка в палатке жила и верила, что будет своя страна у евреев? А вы приехали на все готовое и плачете, что от работы своего убожали.

— А ты еще молодая, тебе не понять, что не от рабства мы убожали — от глупости своей. Это для тебя здесь родина — ты другого-то и не видела, да и в школе, видно, приложились к твоему патриотизму... — Питер задумался. — А по-другому, видно, никак, — он грустно посмотрел за окно. — У народа уверенности должна быть, что это его земля, а иначе он за нее жизнь свою подставлять не будет, а так за веру, за правду, за мать свою, за бабушку — страна-то маленькая — вроде как и обязан, и хочет... А у меня, видно, уже до окончания моего — родина другая, она ведь как мать — не выбирает родину, а уж если она и мачеха, то и мачеху любит, если матери не знали никогда. Поздно было мне, да и таким, как я, мать свою искать — чужая она мне, незнакома, не понимаю я тут ничего, да, видно, никогда уже не пойму.

— А давайте жить мирно, — Эди понял, что должен вмешаться в разговор, пока страсти не накалились до предела. — Мне кажется, что спорить тут не о чем, — у Керен своя правда, а у Питера своя.

— Интересно вы говорите, — Люба недоуменно смотрела на Эди. — Как это у каждого своя правда? Правда — она одна, и по-другому быть не может, нас этому всю жизнь учили.

— А это только в учебниках правда, Любочка, а в жизни одна исключения. Вы о теории относительности слышали? — Эди повернулся к Любе и улыбнулся. — Так в жизни все именно так — относительно. А точка отсчета всегда — человек и его обстоятельства, и все вокруг этого и крутится. А у каждого человека свои обстоятельства, и ничего с этим не поделаешь, да и делать ничего не надо — просто попытаться понять. А вот когда люди научатся понимать друг друга, тогда и правда для всех одна будет.

— Как-то уж слишком сложно все у вас, Эди, а я человек простой, я правду по-другому понимаю: в чужой отород со своими овощами не лезь, там свои есть, а если не нравятся, к себе иди — вот и все. Приехал в страну — принимай ее такой, как она есть, нравится тебе это или не нравится.

— Ну хорошо, я с вами со всеми согласен, тем более что мы уже приехали — наша гостиница ждет нас. — Эди остановил машину возле многоэтажной белоснежной «Принцессы», как будто выплывающей из огромной розовой горы.

— Красота-то какая! — Люба, запрокинув голову, восторженно смотрела на гостиницу.

— А внутри еще красивее. Вещи не забудь, — Керен вытащила из багажника огромную сумку на колесиках и потащила ее ко входу.

Им навстречу уже направлялся симпатичный молодой парень с пустой тележкой для вещей.

— Сумки складывайте сюда, — Эди уверенно показал на тележку, — и ждите меня в холле, а я пока ключи от номеров возьму.

За высокой мраморной стойкой приветливо улыбалась стройная, в белгой кофточке с фирменным знаком, веснушчатая молодая девчонка — служащая гостиницы.

— Заказывали? Фамилия — Бромберг? Все в порядке — вот ключи от двухместного и трехместного номеров, — она протянула две пластиковые карточки. — Десятый и одиннадцатый этажи. Ужин с семи до десяти. Приятного отдыха. — И, с любезностью глядя на Эди, она неожиданно спросила: — С семьей приехали?

— Да нет, — как-то растерялся Эди. — Мисрад свой привез отдыхать.

— Понятно, — как-то неожиданно быстро девушка удивительно ответила. — Если что-нибудь будет нужно — позвоните. Я сегодня дежурю до утра, буду рада вам помочь, — она улыбнулась Эди заговорицкой улыбкой и подняла на конец трубку непрерывно гремящего телефона. — Гости-ница «Принцесса», шалом!

— Это вам, девочки, — Эди отдал ключи Саре. — Этаж десятый, а мы с Питером на одиннадцатом. Распакуйтевайтесь, отдыхайте, а часа через два встречаемся здесь, в холле, возле кареты. — Эди кивнул на стоящую белую роскошную карету, совершенно вписавшуюся в интерьер огромного фешенебельного холла, украшенного громадными вазами со свежими, тонко подобранными букетами цветов.

Эди с Питером вошли в просторный, со вкусом обставленный номер пятизвездочной гостиницы. «Неплохо», — подумал Эди, разглядывая длинный бежевый стол с зеркалом, две широкие кровати, аккуратно застеленные бежевыми, крапивоной выделки покрывалами, возле которых стояли широкие прикроватные тумбочки и рядом с ними — круглые массивные торшеры. На стене висела репродукция Моне — «Кувшинки», а сквозь белую прозрачную портьеру открывалась потрясающая панорама ярко-синего моря, обрамляемого хребтами розовых гор.

«Вот он, рай», — подумал Эди, — если не вспоминать о Свете, то я бы почувствовал себя просто счастливым». Эди тяжело вздохнул и задумался.

— У вас что-то не так? — спросил Питер, услышав тяжелый вздох Эди.

— Да, не так. Что-то у меня не так, — задумчиво повторил Эди. — А скажите, Питер, я никогда вас не спрашивал: почему вы один приехали в Израиль, без жены? Вы что, в разводе?

— Да, в разводе, — сухо ответил Питер.

— Извините, что я как бы вмешиваюсь в вашу личную жизнь, просто вы постарше меня, поопытнее, и мне кажется, что мне нужен ваш совет. — Эди присел на кровать напротив Питера. — Запутался я со своей семейной жизнью, жену не люблю да и не любил никогда, а дочку жалко. Вот не знаю, как решить. Из дома я уже неделю как ушел, а до сих пор не решил, что делать дальше буду.

— Вот и я всю жизнь решиться не мог. Сначала вроде ничего по молодости было — дети, суета, неустроенность. Думал, во мне проблема: денег вечно не хватало — ни платы красивого Рите, жене моей, купить, ни отдохнуть как следует. Думал, вот по работе продвинусь, заработывать начну — полгода тут наступит: Рита пинить перестанет, любить меня больше будет, в ласковую, теплую превратится. Зря ждал. Деньги, они, конечно, появились, квартиру от работы получил огромную, зарплата подросла — в начальники я выбилсь, а счастья как-то все не прибавлялось. Уже и дети подросли — вроде могли мы с ней больше времени друг с дружкой быть, а она все недовольна: мало ей всего. Вот, говорит, у подружки моей шуба норковая, а у меня каракуль несчастный — ты виноват. До пенсии тебе спину гнуть за копейки. Вот смотри: Николай — это друг мой институтский — по партийной линии как продвинулся, из-за границы не вылезает, и жена его Лиза уже по-русски с акцентом говорит; не то, что я, мучаюсь всю жизнь — скоро сорок будет, а жизни настоящей с тобой так и не увижу, наверно, уже. Ну, это меня как-то совсем расстроило. Видно, неподходящий я для Риты мужик: воровать не могу, по партийной линии не продвигался, выше себя ведь не прыгнешь. Вот и подумал я: хватит, жизнь проходит, а я моложе не становлюсь. Мне тогда пятьдесят исполнилось. Говорю я Рите: дети выросли — Сашка институт уже закончил, он у меня ветеринар, Викочка на четвертом курсе педагогического была, — своей жизнью скоро заживут, а нам, видно, с тобой счастья уже не дождался, давай разбегаться будем, ты баба еще в соку — найдешь себе более подходящего, и я еще не старик дряхлый — может, жизнь свою и обустроим. Ну, Рита в слезы — всю молодость, говорит, тебе отдала, всю красоту, а теперь, значит, не нужна стала — не дам тебе развод, и все. Что хочешь со

мною делай. Подумал я, подумал и в загс заявление о разводе отнес. Два раза ее туда вызывали — не приходила, так я ей предложил, что оставлю все, — на третий раз нас и развели. Она недолго в невестах засиделась — через год замуж за генерала отставного вышла, теперь у нее все, о чем ей мечталось, есть. Вика мне рассказывала, что изменилась она — не кричит теперь, не требует ничего, довольная, веселая стала, генералу своему в рот заглядывает. И мне полетче, как будто на свет заново родился, ответ каждый день не перед кем держать, как будто из тюрьмы вышел. Незадолго до отъезда кооператив купил — прекрасный, светлый, ну, а тут перестройка грянула — все кувырком. Думано, надо детей из этого бардака увозить — никак они там на работу устроиться не могли. И знакомые мои как один все на чемоюланах — кто в Америку, кто в Израиль. В Америке у меня никого, а в Израиле братья двоюродные с семьдесят пятого года. Зовут, обещают помочь. Ну, я и решился сюда. А как приехал, так они мне даже тарантами стать не захотели на съемную квартиру — кое-как устроился, чужие люди помогли. Вот и вся история моя, всю жизнь я вам свою рассказал, не знаю, помог ли в чем, да и не советчик я, в своей жизни разобраться как следует не смог... — Питер замолчал и посмотрел за окно невядищими глазами. — Одно только еще скажу, — он перевел взгляд на Эди. — Если уж очень тяжело вам с ней — не ждите, лучше не станет, а дети вырастут — по-своему заживут, спасибо за муку вашу не скажут... Пойду пройдуся, — Питер медленно вышел из комнаты и осторожно прикрыл за собой дверь.

Эди поднял телефонную трубку.
— Алло, Света, я получил письмо от адвоката. Я согласен на все твои условия.

— Эди, — голос Светы задрожал, — Эди, не делай этого. Если хочешь — только скажи, папа тебе другой мирсад купит — ну, помнишь, ты хотел — в Рамат-Гане, в самом престижном месте, или давай уедем во Францию — будем там жить, тебе же нравится Париж...

— Света, не нужен мне ни Мирсад, ни Париж. — Эди хотел добавить, что когда она «в напрузку» ко всему этому, ничто ему не надо, но сдержался, промолчал, не захотел унижать. — Аутебя еще все получится, не сошелся же на мне свет клином —

110

найдешь себе человека, достойного тебя, тебе ведь со мной все эти годы несладко было, уж я-то знаю. Давай попробуем пожить отдельно, если разойдись не хочешь, а там посмотрим.

— Хорошо, — голос Светы отчужденно замер. — Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому. Счастливого оставаться. — В трубке что-то запиело и оборвалось.

В дверь постучали.

— Открыто, — отозвался Эди, и через секунду на пороге возникла Люба, уже переодетая в синий спортивный костюм.

— К вам можно? — она неуверенно застыла в дверях, не зная, что делать дальше. — А Питер где? А я к вам в гости зайти хотела, узнать, как вы тут устроились.

— Так вы уже зашли. Проходите, не стесняйтесь.

— А я хотела посмотреть, как тут у вас — так же, как у нас в номере, или по-другому, — простодушно выпалила она и, покрутив головой, радостно констатировала. — Ну, точно так же, только у нас кровати больше, а красота-то какад, я такого и не видела никогда, только, может, в кино... Эх! — она мечтательно вздохнула. — Вот это жизнь! — Она живо повернулась к Эди. — Это, наверное, целое состояние стоит?

— Что стоит состояние? — не понял Эди.

— Ну, отдых наш здесь, вы, наверное, за него кучу денег заплатили...

— А почему вас это волнует, Любочка? Отдыхайте на здорье, сил наберайтесь, — Эди посмотрел на часы. — А давайте-ка мы с вами в бассейн пойдем, такую экскурсию по местным достопримечательностям совершим. Времени у нас еще предостаточно, там и отдыхать начнем, — Эди подмигнул Любе. — За наши-то деньги ни минуты упускать нельзя.

Они спустились на скоростном зеркальном лифте на этаж бассейна. Пахло дорогими духами и хлоркой.

— А что это здесь? — Люба зашла в гостеприимно открытую дверь США. — Это ж надо: тут тебе, значит, и побегать можно, — она кивнула на бегущую дорожку, легко несущую на себе какую-то толстую сетку, — и ванну принять, — она повернулась к бурлящему чану джакузи, — и красоту навесити...

111

Через стеклянную дверь на них с живым любопытством пялилась пожилая дама в халате, голову которой, как елку в Новый год, украшали серебряные блестящие бумажки.

Эди вдруг изменился в лице и, оставив Любу, поспешил прямо к даме в бумажках.

— Подождите меня минуточку, — кивнул он Любе. — Это моя знакомая.

— Здравствуйте, Дорогая Лидия, — услышала Люба увяжательный баритон Эди. — Какая встреча, ну кто бы подумал! Вы тоже здесь отдыхаете?

— Эдинька, дорогой, рада тебя видеть, мы здесь с Миром уже третий день — он только отошел, — она поискала его глазами. — За газетой, наверно, поднялся: он каждый день газеты изучает — на старости лет политиком стал, сил моих нет, со всеми спорит, даже со мной, представляешь? А ведь какой тихий всю жизнь был, слова громкого не услышишь — ну, ты же знаешь, не первый год знакомы. А помнишь, как мы встретились десять лет назад в этой же гостинице? Ты тогда со Светочкой был, — она оценивающе посмотрела на уютно устроившуюся в кресле Любу. — А это кто с тобой? Подружка? — Лидия заговорщически подмигнула Эди. — А ничего, хороша собой, получше Светки будет.

— Это не подружка, Лидия, это сотрудница, — немного смутился Эди.

— Знаю, зна-а-ю я вас, молодых! Ну, иди, иди, а то зажда-лась она тебя. — Лидия кивнула на Любу, от нечего делать ластавшую неизвестно откуда взявшийся журнал и исподлобья поглядывавшую на Эди.

— А кто это? — непосредственно спросила Люба у вернувшегося Эди.

— Это мои дальние родственники по отцу. Приехали в страну лет пятьдесят назад, если не больше. Я, когда сюда прибыл, у них первое время жил. Встретили как родного, хотя моего отца никогда в глаза не видели. У меня ведь, кроме них, здесь и не было никого. А нашел я их через газету — мама мне фаминию их дала, даже не знала, в Израиле они или давно уехали отсюда. Ну, я на всякий случай объявление дал, что ищу семью Гринштейн, и, представляете, Любочка, даже не сразу понял, когда они мне перезвонили. Оказывается, их соседи

случайно объявление прочитали — говорили, что до этого дня никогда в этот район не заглядывали, а тут заглянули и фаминию знакомую увидели, решили к соседям зайти, узнать, кто их разыскивать может, а мои родственники почему-то сразу поняли, что это именно их ищут, — у них фотографии их родителей с моим делушкой на комодке стоят, они мне потом столько про него нарасказывали, что я даже и не знал... в общем, я им страшно благодарен, — Эди задумался. — Но здесь их встретить я никак не ожидал, и хотя я каждый раз убеждаюсь, что Израиль — страна маленькая, не могу к этому привыкнуть.

— А что, вам неудобно, что они вас со мной увидели? Так между нами ведь ничего нет, — Люба вопросительно посмотрела на Эди, — хотя, если честно, вы мне очень даже нравитесь. — А вы смелая женщина, Люба, — Эди изучающе смотрел на Любу. — Ну, если так, я вас приглашаю сегодня вечером, когда все наши разойдутся, составить мне компанию... — Эди на секунду задумался, — ну, скажем, в ресторан. Согласны?

— Да, — просто ответила Люба, — согласна.

На ужин Люба спустилась вместе с Керен и Сарой. На ней было простое коричневое платье с большим вырезом, красиво подчерквившее ее спортивную фигуру и большую грудь еще достаточно молодой женщины. В ушах блестяли длинные дешевые серьги, как-то не совсем подходящие к ее наряду, и какая-то уж слишком бордовая помада завершала эту разнородосицу стилией.

«А грудь у нее хороша, — подумал Эди, задумчивым взглядом скользя по ее фигуре, — и ноги ничего, стройные».

Эди мысленно провел рукой по тонкой шиколотке Любы и поднял глаза к коленям: кожа на коленях была мягкой и белой, как на хорошо накачанном мяче, отточенные руки отливали мягкой гладкостью и упругостью. Эди внезапно почувствовал острое желание — он знал это внезапно поднимаясь отсюда-то из глубины живота будоражащее и жаркое тепло, несамтно разливающееся по всему телу и не дающее ни на чем другом сосредоточиться, кроме как на предмете, его вызывающем.

— А где же Питер? — Сара нетерпеливо посмотрела по сторонам.

— Смотрите, кто это! — удивленно протянула Керен, глядя на выходящего из лифта элегантного, одетого в строгий серый костюм, подтянутого мужчину, чем-то отдаленно напоминающего всерда как-то не совсем вполне одетого Питера. — Питер, это вы? — Керен не могла прийти в себя от удивления.

— А что, не похож? — мрачно ответил Питер, неуверенно разглаживая лацканы пиджака. — Ну, как вам мой костюм? Сара, вам нравится? — он внимательно посмотрел на Сару. — Продавщица в магазине помогла выбрать. Я туда зашел, думал дочке подарок купить, а она меня в костюме привела, говорит, распродажа, и давай меня уговаривать, так я и купил, — Питер как-то неуютно повел плечами.

— А что вы оправдываетесь, Питер? — Сара ободряюще улыбнулась. — Вы ведь очень интересный мужчина, и костюм вам очень даже к лицу, и вам бы так почаще выглядеть — ну совсем другой человек! — И она ласково провела рукой по волосятой поверхности пиджака.

— Слушай, — зашептала Керен в ухо Любы, — как бы у них тут роман не случился.

— Так она ж его старше лет на семь, — зашептала ей в ответ Люба.

— Ну и что? Вон у нашего хозяина жена на десять старше, и ничего.

— А что это вы там, девочки, шепчетесь? Давайте-ка ужинайте, — Эди уверенно, как вожак стаи, направился к приветливо улыбающимся служащим возле стоек в ресторан-столовую гостиницы, а его сотрудники медленно двинулись за ним.

— Ваши номера — 1112 и 1098? Пройдите, пожалуйста, вон за тот столик, — девушка показала на длинный деревянный покрытый белоснежной скатертью стол в центре зала, на котором уже были разложены столовые приборы, а в центре красовалась в прозрачной стеклянной вазе фиолетовая гвоздика. Вокруг плотно заставленных форм с разнообразными салатами, от простого помидорно-огуречного до изысканно-благородного, роились красиво одетые отдыхающие с озабоченными лицами и огромными белыми тарелками, в которые постепенно стекалось содержимое форм. Между ними просакивали черные, желтые и коричневые официанты, толпы ропливо подносявшие заканчивавшиеся блюда, и убегали в

какую-то закрытую дверь, за которой, как видно, и создавались эти шедевры еврейской кухни. Лица улыбающихся были настолько серьезны и вдохновенны, что Эди не выдержал и сказал растерянно стоящей рядом Любе:

— Да, не зря говорят, что еврейский народ — народ книги... о вкусной и здоровой пище. Посмотрите, Люба, на эти лица — на них лежит такая печать озарения, что не будь у них в руках тарелок, я бы подумал, что они готовятся к вечерней молитве. Таких лиц я даже на концерте симфонической музыки не наблюдал — там больше безразличных, чем здесь, я бы даже сказал — уставших от жизни. А здесь — в глазах восторг, на устах улыбка, на щеках румянец — вот они, инстинкты, — а ведь еда один из главных... — Эди задумчиво перевел взгляд на Любу. — Любочка, — воскликнул он испуганно, — а почему же вы до сих пор с пустой тарелкой? Напугал я вас? А вы не слушайте меня, вы же голодны, с утра ничего не ели.

— Так и вы ж тоже с утра не ели, — Люба крутила пустую тарелку в руках и растерянно смотрела на Эди.

— А вы на меня не смотрите и, еще лучше, не слушайте — вы накладывайте себе, накладывайте, только не забудьте о горячих блюдах, — Эди кивнул в сторону дымящихся пашльков и огромной, раскинувшейся на металлическом блюде семги, нежное мясо которой нежно отплавало перламутром.

— А как же все это съесть? — Люба ошеломленно крутила головой по сторонам. — Смотрите, а за той стойкой еще и сладкое, какое красивое, ой, ну давайте начинать! — Она воодушевленно наполнила тарелку и, пробравшись сквозь толпу к столу, обнаружила, что мест на столе больше нет. Возле Керен стояло не меньше трех тарелок, возле Сары столько же, а Питер, казалось, решил опустошить ресторан один — он был обложен таким каскадом переполненных тарелок, что Люба вежливо оставила стул между ними свободным.

— А что после ужина? — заинтересовано спросила Керен, с упоением смакуя маленькими порциями закуской орехово-шоколадный торт.

— Вечерняя развлекательная программа — танцы и прохладительные напитки. — Эди с любопытством разглядывал окружающих и медленно пил минеральную воду...

— Можно вас пригласить? — Люба удивленно подняла уже наливающиеся слез глаза и обнаружила нависающего над ней Эди. — Потанцуете? — он галантно протянул руку.

На небольшом пятачке, рядом со сладко шепчущим певцом толпились замороженные тяжелым ужином пары.

— А у вас красивая фигура, — Эди легко тронул губами Любины волосы. — Спортивная... — его рука уверенно легла на ее бедро.

— Так я же бывшая спортсменка — у меня по легкой атлетике и разряд есть, — она гордо посмотрела на Эди.

— А ноги у вас такие стройные, что я таких просто никогда не видел, разве что в кино у звезды Голливуда, — Эди слегка прижал Любу к себе. — А может, перейдем на «ты»? Ты не против?

— Так я давно уже за — ты красиво танцуешь, — Люба смело посмотрела прямо Эди в глаза.

— А может, сбежим отсюда?

— Куда? — удивилась Люба. — У тебя же Питер в номере.

— А мы найдем. Пошли? — голос Эди дрожал от нетерпения.

— А что мы нашим скажем? — она кивнула в сторону засыпающей Керен и оживленно беседующих Сары и Питера.

— Скажем, что немного воздухом подышим.

— Нет, давай по-другому, — она слегка пошатнулась и громко, когда они поравнялись с Керен, попросила Питера ответить ее к столу. — Что-то голова закружилась, — объяснила она заволановавшейся Керен. — Здесь так душно. Эди, не могли бы вы провонять меня на воздух? — Люба жалобно посмотрела на Эди, обмахиваясь меню, как веером.

— Ну конечно, Люба. Вот так, осторожно... — Он помог ей подняться и, поддерживая под руку, направился в сторону выхода.

— А ты актриса, я бы даже не подумал, что у тебя так ловко получится, — Эди прижал к себе Любу и поцеловал в висок. — Пойдем, у меня здесь связь, думаю, свободный номер нам ус-троят.

Знакомая рыжая девчонка из ретростратуры, не удивляясь и не задавая лишних вопросов, выдала им ключи от номера-люкс.

— Ты когда-нибудь джакузи в номере видела? Сейчас увидишь.

— Эди, — голос Любы погрузнел. — Я боюсь.

— Чего? — не понял Эди. — Джакузи?

— Нет, тебя боюсь и себя боюсь, — она взяла Эди за руку. — Ты первый, с кем я изменю фиме.

— А ты не бойся, может, тебе понравится?

— Вот я и боюсь, что понравится.

— Любочка, хорошего бояться не надо, надо плохого бояться, — Эди уже начинало раздражать это выяснение отношений еще до всякого их начала. — Если не хочешь — вернись. Подумай.

— Поздно уже... А, пусть будет что будет, — Люба неожиданно осталась и, повиснув у Эди на шее, отчаянно вилась ему в губы неумелым страстным поцелуем...

За окном номера плескалось ночное невидимое море, пахло водорослями и свежестью зимней эйлагской ночи.

— Мне так хорошо еще никогда не было, — Люба нежно потерлась об Эдину шеку. — Колочий какой! Ты что, не брился?

— Почему? — рассеянно ответил Эди, прислушиваясь к прибору. — Брился с утра, просто моя щетина быстро отрастает. А что, у твоего мужа не так?

— У Фимы? Нет, не так, он вообще не такой, как ты, у него и щетина медленно отрастает, и слов таких сладких, как ты, он не знает. За все эти годы с ним я ничего такого и не слышала, и не чувствовала. И чего я все ждала? Наверное, слов этих, которыми ты меня сегодня обогрел. И ждала — зря, видно, — Люба поежилась.

«А плечи как у девчонки, беззащитные какие-то», — подумал Эди и, нежно проведя рукой по обнаженным плечам Любы, пятном белесющим в темноте комнатах, заботливо спросил:

— Тебе не холодно? Закрывать окно?

— Спасибо. — Любины глаза благодарно засветились, и она всем телом прижалась к Эди. — Ты заботливый и нежный. А знаешь, — Люба задумалась и уверенно заклопочила, — это ты мне снился.

— Когда? — не понял Эди.

— Год назад, я почему-то этот сон запомнила. Как будто я одна в доме, все куда-то исчезли: ни Фимы, ни сына, и как-то темно и холодно вокруг. Я ложусь в широкую, какую-то чужую кровать и засыпаю, а когда просыпаюсь, ну, во сне, то вижу незнакомого мужчину, который сидит возле меня и так нежно смотрит, что мне кажется, что он не чужой, а очень-очень близкий мне человек — ну, как ты сейчас. Еще час назад был чужим, а теперь смотришь на меня как родной, — Люба, как кошка, потерялась о руку Эди.

— Любочка, а нам не пора назад? Как бы твои соседки ничего не заподозрили, — Эди поднес часы поближе к глазам, пытаясь в темноте рассмотреть время на циферблате своих новых швейцарских часов. — Ничего себе! — он привиснул. — Уже второй час ночи, что-то загуляли мы на воздухе, пойдём. — Эди выпрыгнул из широченной двуспальной кровати и стал натягивать на себя брюки и свитер.

— Ты спешешь? — Люба сладко потянулась. — Ой, как не хочется! А может, останемся? Они уже все равно спят, а даже если и не спят — мне теперь море по колено, — Люба смело посмотрела на Эди. — А может, вообще не возвращаться? Представлешь, останемся здесь навсегда... — она мечтательно замочала.

— Ну, Любочка, ты же устала сегодня, весь день в дороге, и не отдыхала совсем. Пойдем, посним немного — у нас еще два дня впереди. Утром пораньше встанем, а захочешь — поплаваем вместе перед завтраком, часов в восемь. Встанешь?

— Конечно, встану; — она неохотно выползла из-под одеяла и обнаженная подошла к Эди. — Хорошо тебе было со мной?

— Хорошо, очень хорошо, дорогая. Ну, пойдём, я же за тебя волнуюсь, начнутся разговоры, сплетни, как бы до твоего мужа не дошли.

— А пусть доходят, — Люба беспечно махнула рукой. — Может, я ему еще и расказку все сама. — Она вдруг задумалась. — А может, ты боишься, что твоей жене доложат?

— Мне нечего бояться, — Эди отстраненно посмотрел в окно. — Мы разведемся.

— Разводиться? — Люба от удивления присела на край кровати. — Чего это вдруг?

— Это не вдруг, просто мне надоело, больше не хочу обманывать ни себя, ни ее. Давай договорим об этом в другой раз — одевайся же! — он нетерпеливо прошелся по комнате. — Завтра не встанем.

— Не нервничай, мой хороший, — Люба подошла к Эди и погладила его по щеке. — Все будет хорошо, я люблю тебя...

Эди проводил Любу до номера и вернулся в холл гостиницы — спать не хотелось, да и с Любой почему-то хотелось побыстрее распрощаться.

«Может, что-то со мной не то? Ни одна женщина в последнее время за сердце не берет. Может, старею, острота чувств уходит, зажигаюсь вначале, а потом все одно и то же, ничто нового...» Эди задумчиво посмотрел по сторонам. Недалеко от него сидела странная пара: она — молодая русская женщина, видно, из недавно приехавших, — длинные каштановые волосы слегка прикрывали откровенно обнаженную грудь. Она с трудом подбирала ивритские слова и через слово подробно смеялась, высоко запрокидывая голову, и кокетливо заглядывала в глаза сидевшему как-то слишком близко от нее израильянину — седому, плотному, с брьюшком мужчине, упорно разглядывавшему ее грудь. «Друг друга снимают», — поныл Эди и прислушался: она ему рассказывала, что живет в Эйлате с мамой и дочкой, что денег не хватает, и что здесь странная зима — такая же, как у них в Северодвинске лето, и что ей здесь необходимо друг, который бы понял и поддержал. Он ей отвечал, что нужно набраться терпения и что денег здесь никому не хватает, что у него большая семья — пять дочерей на выданье, но он давно ищет хорошую женщину, и если найдет — готов помочь материально, несмотря на свои проблемы. «Еще часок — и договорятся, — подумал Эди. — Он приведет ее в какой-нибудь дешевый номер, пообещает помочь и забудет о ней сразу после выхода из гостиницы. А она вытрет слезы разочарования и пойдет искать себе другого партнера. В ее мечтах это состоятельный, помогающий встать на ноги папочка, нежно ведущий ее по лабиринту незнакомой и устрашающей новой жизни в стране с непонятным языком и дикими обычаями. А этот мужичок от этой русской спокойно поедет в свою семью и при первом подходящем случае снова будет вешать лапшу на

уши такой же доверчивой и жалкой в своей неустроенности женщине».

«Проклятые деньги! — Эди вспомнил о письме, полученном от Светиного адвоката. — Она хочет меня разорить. Думает, что если я ей верну все, что она мне дала... А что, собственно, она мне дала? Ну, деньги на открытие мисрада — это я ей запросто отдам, так? Трехэтажная вилла — ну и черт с ней, пусть забирает. Слава Богу, собрал себе на квартиру. Что еще — машина? Обойдется, у нее своя есть. Правильно мне подсказал Фред, что надо открывать отдельный счет и записать его на кого-то, кому доверяю. Нет, Аллочка не подведет, она, как говорится, свой парень. Для начала сниму квартиру, а там посмотрим, что жизнь подкажет. А теперь спать...» Эди устало поднялся и, расплывшись, пошел к лифту.

К его удивлению, Питера в номере не было.

«Вот это да! — Эди включил свет и заглянул в ванную: никого. — Где же это он гуляет?»

Не успел Эди задуматься, как дверь открылась и на пороге возник сияющий, бодрый, как будто только вылезший из воды Питер.

— Вы тоже не спите? А мы с Сарой решили воду в море попробовать, — он возбужденно размахивал длинными руками, как мельница лопастями при сильном ветре. — Она, оказывается, смегла женщина: не побоялась в этой темноте в воду залезть. А я, знаете ли, не такой решительный. Хорошая женщина, вот с такой бы жизнь прожить! — он мечтательно присел на кровать.

— Что с вами, Питер? Вы на себя не похожи, я вас таким возбужденным никогда не видел... — Эди, улыбаясь, смотрел на всегда молчаливого и урюмого Питера.

— Да сам не знаю, как будто что-то зажглось внутри. Думал, уже все переторело, а тут что-то такое, как будто лет двадцать сбросил. И надо же — столько лет сидел с Сарой в одной комнате, изо дня в день, и ничего не замечал! Если бы мы сюда не приехали, наверное, так и не заметил бы.

— Да, отдых и неформальное общение совсем по-другому высвечивают человека.

— А ей предложение сделал! — выпалил Питер.

— Какое предложение? — не понял Эди.

120

— Ну, какое! Руки и сердца, как положено.

— А что же так скоропалительно?

— А чего ждать? Мне уже пятьдесят шесть будет, ей — шестьдесят три. Моложе ведь не становимся — каждый день до рога!

— И что же она? — все больше удивлялся Эди, не представляя, что Сара, умная, расудительная Сара, на его глазах отвергла не одного претендента, может с легкостью, свойственной двадцатилетней девчонке, так вот сразу сказать «да».

— Она сказала, что давно ко мне присматривается и что я ей очень нравлюсь.

— Питер, так это же замечательно, я вас поздравлю! — Эди пожал сухую и мягкую ладонь Питера. — Сара замечательная женщина, с нею вы будете счастливы наверняка... А сейчас давайте ложиться — все-таки утром надо встать пораньше, у нас осталось всего два дня отдыха, жалко время терять.

— Какая прекрасная ночь! — Питер стоял у открытого окна. — Я даже еще сегодня не мог себе представить, что жизнь моя может так круто повернуться. Да, не дано знать человеку, что ждет его за поворотом...

120

121

Лена

— Это вы, Леночка? Какая радость! А я уже и не ждал — выражаю восхищение вашим поступком! — Голос Иосифа приветливо рвался навстречу Лене сквозь старенький телефонный аппарат возле ее расстегнутой кроватки. — Ну не то что не поздно — прямо-таки вовремя! Мы тут с Наташкой решили завтра на шашлыки рвануть, голову немного проветрить. Думаю, на следующей неделе здесь такая заварушка начнется, что глоток кислорода перед этим никому не помешает. Может, вы к нам присоединитесь — компания у нас отличная. Вы на гитаре случайно не играете? Играете? Я так и думал. Я Наташке так и сказал: нашу птицу встретил. Она тоже странно рада, а я вам несколько раз названивал, даже решил, что телефон ваш неправильно записал... вы где же пропадали? Да, вы правы, я что-то не подумал, что наш израильский журналист — это вечный труженник. С восьми утра до десяти вечера номер верстаете? Ну так это же экспуатации наемного труда! — возмутился Иосиф. — А профсоюз ваши где? Как это нет? А кто вместо них? Ах, каждый журналист сам себе профсоюз, сам свои права отстаивает на кухне с женой? А у кого жены нет? Ясно — на то они и сослуживцы, чтоб друг друга подставлять. Ну, этого, Леночка, и стоило ожидать в стране несоразвитого капитализма и завезенного нашими же соотечественниками испорченного социализма. Здесь, Леночка, климат резко-континентальный. Нет, это я не только про тяжелые погодные условия — это я про работающих: одни засыпают на рабочих местах, не знают, куда себя от скуки деть, другие, вот как вы, вкалывают за копейки с утра до вечера, а третьи на все это смотрят с высоты рыночных скандалов в Кнессете и

122

принимают подходящие их родственникам и любовницам законы. А, да ну их! Пусть живут — не нам законы писать, давайте лучше договоримся на завтра. В девять мы с Наташкой у ваших ног, то есть окон. Диктуйте адрес — я стенографирую. Так, так, это же совсем рядом с нашим замком — Наташка, слышишь? Елена рядом с нами пасется, можно сказать, на одной лужайке, через улицу. Странно, как это я вас в нашем маколете не встречал, у твоего усамого Додо? Бойтись его? Не бойтись, он только с виду джигит, а так нормальный грузинский мелкий бизнесмен с семейным уклоном — в своем разноквартирном гареме он прячет жену с семью дочерьми и молоденькую помощницу по маколету. Ну, конечно, они живут у него на нейтральных территориях, чтобы ему жизнь не поргитить своими разборками. Да, это он мне сам поведал в великой печали... Нет, не разглашаю великую тайну — он свое сердце каждому открывает, кто является ему истинным другом, то есть постоянным покупателем... Так договорились? Есть, в девять, сигнализировать не буду — будем ждать интеллигентно внутри нашей шикарной, взрослой «субары», да, возраст у нее приятный, можно сказать, балъзаковский, хотя нет, машины столько не живут, но сохранилась она чудесно, больше чем на двадцать не тинет — такая белая, подтянутая, слегка подкрашенная, но краска ее не портит, а шарм придает. Что я еще не сказал? Ну да, самое главное — ждем с нетерпением встречи.

Лена задумчиво положила телефонную трубку. Линочка залезла к ней на колени, растянула губы в улыбке и внимательно посмотрела на себя в зеркало, стоящее напротив кровати, потом прищурилась и, видно, оставшись недовольной увиденным, приставила пальчики к губам и растянула улыбку пошире.

— Что ты делаешь, обезьянка? — Лена удивленно смотрела на дочь.

— Я в театр играю. Я сейчас — ты!

— А зачем свой ротик растягиваешь? — не поняла Лена.

— Я как ты делаю, — она смешно подтянула губки к ушкам. — Мама, а чего ты так сильно улыбаешься — у меня ротик болит, — Линочка недовольно скривилась.

Лена посмотрела на себя в зеркало: «Действительно, чего это я разубладалась на ночь глядя?»

123

— А ну-ка спать быстро! — Лена погладила дочку по мягким русым волосам. — Завтра нам рано вставать.

— А завтра что, шабат? А зачем рано? — не поняла Линочка, сладко зевая.

— Мы едем в лес, будем там грибы собирать.

— А что это — грибы?

— Ну, это такие пабочки в шляпках, ты же знаешь. Не помнишь? Ладно, я тебе завтра покажу, а сейчас глазки закрывай, я делаю ночь, — строгим голосом сказала Лена и выключила свет.

«Лес, гитара, как здорово, совсем как в Москве», — подумала Лена и незаметно для себя заснула.

Машину Иосифа Лена узнала сразу, да и не узнать ее было невозможно: Иосиф стоял возле машины рядом с длинноволосой девушкой в широких белых лыжных брюках-юбке. Ее голову красиво обхватывала белая лента, собирая рвущиеся в разные стороны черные кучерявые волосы.

— Наташа, — она улыбнулась какой-то воздушной улыбкой и протянула Лене свою тонкую, узкую, всю в серебряных кольцах руку с коротко остриженными ногтями. — Очень рада вас видеть. А это ваша дочка? — она присела рядом с Линочкой. — Ты кто, Красная Шапочка?

— Это мне мама купила, — Линочка важно погладила ладошкой новый красный сарафанчик. — Я Линочка, — она гордо посмотрела на Наташу.

— Ну вот что, девчонки, конь бьет копытом. — Иосиф указал на заведенную машину и, приложив ухо к трясущемуся капоту, поднес палец к губам. — Т-с-с, перевозжу: наша Сабби говорит, что голодна, и если мы сейчас же не присоединимся к ней, она сама поскочет в сторону леса. Чует, видно, металлическое животное жареное мясо. Поехали быстрее, а то эти пираты без нас оттрапезничают.

В машине было тепло и пахло розовым маслом. Лена уютно устроилась рядом с Линочкой на заднем сидении и прикрыла глаза...

Они с рюкзаками подошли к узкой речушке, через которую было переброшено толстое бревно. Андрей шел впереди и, быстро перебежав его, оказался на другом берегу.

— Ну же, переходи, — он протянул ей руку. Лена стояла возле обрыва и не могла сдвинуться с места. Ей казалось, что она обязательно свалится в эту бурлящую холодную змийную воду, стоит лишь сделать шаг по кругу, отполированному, как теннисный мяч, бревну. «Но ведь все переходит, и никто не падает», — успокаивала себя Лена, но страх злыми глазами голодной собаки смотрел на нее из глубины темной воды, и, казалось, решиться на этот переход она не сможет никогда.

Из шумящей сзади толпы отделился бородатый мужчина и, смело войдя в поток несущейся воды, подал Лене руку:

— Не бойтесь, я пойду с вами рядом, держитесь за меня.

— Нет, не надо, я сама.

«А почему не Андрей?» — подумала Лена. Она посмотрела туда, где он стоял минуту назад. Андрея не было, а вместо него почему-то стоял тот самый незнакомый мужчина и грустно смотрел на Лену.

...Ее разбудил звучный голос Иосифа:

— Еленочка, что же вы спите в самом интересном месте? Посмотрите направо, посмотрите налево — красота-то какая!

Лена вздрогнула и не сразу поняла, где она. Вокруг открылись еще не виданные ею до сих пор картинки израильского ландшафта — непонятно откуда взявшиеся кусочки зеленых полей выделялись своей яркой, казалась, дышащей зеленью на фоне заросшей колючим кустарником равнины, обрамленной бежевыми, плавно очерченными невысокими горами. На синем небе не было ни облачка, и желтые, разбросанныеazole обочины ромашки были похожи на маленькие солнышки, непонятным образом проросшие сквозь придорожную серую гальку.

— Это Иудейская пустыня. Все так же, как и было здесь тысячи лет назад, — любуйтесь, наслаждайтесь и не забывайте, — Иосиф повернулся к Лене, — мы здесь временны, а все это — вечно, так что не спите, спешите радоваться жизни. Правда, Наташка? — Он нежно приобнял тихую Наташку за плечи.

— А когда будет лес? — Линочка требовательно постукала по стеклу. — Это не лес, я знаю.

— Откуда ты знаешь? Ты что, и в лесу была? — удивленно протянул Иосиф.

— Да, я помню, там деревья высокие и земляники много — мы с мамой собирали.

— Умная девочка, — похвалил Иосиф, — вся в маму. Ну, вот и приехали, — он помахал кому-то рукой и притормозил возле большой компании, устроившейся за столом между редкими высокими, как будто припудренными песком елками. — Знакомьтесь, — Иосиф взял Лену и Линочку за руки и подвел к группе мужчин, активно разводивших огонь в мангале. — Это чудо — Елена, умница и красавица с дочерью, — он сделал серьезное лицо. — Линочка-малиночка, прошу любить и жаловать. А это мои близкие друзья по борьбе со смуглыми буднями израильской действительности: Боря — кандидат исторических наук, по-местному — имеет докторскую степень, правда, здешние историки ее не признают: говорят, у них среди своих историков безработица, поэтому временно в на-деждах на светлое будущее — скромный библиотечкарь.

Боря, грузный, местами облысевший брюнет, близоруко поцеловал Лене руку и, засмущавшись, отвернулся мешать углу.

— А это Рачка, его верная подруга жизни. — Светлоглазая, небольшого росточка Рая с перемазанными в майонезе руками насаживала аккуратно нарезанные куски курицы на деревянную палочку и приветливо смотрела на Лену. — По жизни — учитель, здесь — английский, там — музыки. Многосторонне одарена, впрочем, как и все здесь присутствующие. Вот Саша, ваш, Линочка, коллега — пишет стихи, талантище, думаю, далеко пойдет. А пока пашет на стройках страны и, представляете, доволен. Сашуля, ты хоть чем-то в своей жизни не занимаешься?

Саша — высокий, плечистый, с длинными волосами, собранными в хвост, — скользнул по Лене отстраненным взглядом и неохотно пробормотал, глядя куда-то в сторону:

— Ну, моряком был, ну, золото на приисках мыл, ну и что? — Сашка! — Иосиф весело хлопнул его по плечу. — Ну что ты все скромничаешь, прямо как девушка на выданье. Линочка, это он только с виду такой тихий, а когда почтаете его стихи, поймете, какие страсти бушуют в этом монахе.

— Ты, Иосиф, прямо как генерал на параде. А где же мои награды? — К Иосифу подошел коренастый, средних лет муж-

чина в усах и бороде. — А я сам представляюсь: зовите меня просто — Инженер.

Лена недоуменно протянула руку.

— А что, имени у Инженера нет?

— Ну почему же нет? Есть — Миша. Только меня по имени давно уже никто не называет, я и сам отвык. Дело в том, что по жизни я инженер, и там был, и здесь продолжал, так что кличку свою оправдываю.

— Ну, ты тогда раскажи девушке, что ты кучу статей написал и что по твоим технологиям завод, где ты сейчас обитаешь, работает, что твой хозяин на тебя от государства кучу денег получает. Тогда Линочке понятней станет, почему мы тебя Инженером обзываем. Линочка, это потому, что он такой умный, а не потому, что мы его хотим обидеть.

— Обидеть? — Лена рассмеялась. — Миша, вас кто-то может обидеть? У вас такой уверенный вид и, как мне показалось, — она скользнула взглядом по его фигуре, — тяжелая рука.

— Ну! — Иосиф гордо посмотрел на окружающих. — Говорил я вам или нет, что Лена — умница, вот так за минуточку числила нашего Мишку.

Лена присела возле стола на камень, расстущий, казалось, из земли, и обвела взглядом соседние столики. За ними ела, пила и общалась на разных языках крикливая, невыразительная и неопрятно одетая израильская нация. «Ведь по-другому и не называть, — подумала Лена. — Ну что общего, например, между вон той чинной тайманской семьей, где мужчины в кипах, женщины в вязанных шляпках, — и нашей компании? Нация — ведь это культура, язык, мировоззрение, то есть, как говорят здесь, ментальность. У тайманцев свои традиции, у марокканцев — свои, у нас, русских евреев, — все по-другому. Вот хотя бы такая простая вещь: у них на столе нет такой привычной для нас бутылки водки, а на нашем, — Лена внимательно присмотрелась к столу, — ничего себе! — Она даже прививстнула. — Целых три. Да, немало на семерых, вот тебе и традиции. А язык — ну конечно, выучим мы язык, но ведь все равно не заставить нас говорить на нем, если будет хоть малейшая возможность говорить по-русски: язык выпитывается вместе с воздухом страны, в которой вырос. Так, пойдем

дальше — мировоззрение. Возьму себя как пример. У меня как у женщины есть свои цели — карьера, саморазвитие, и они не менее важны, чем мое желание поставить на ноги Линочку, найти друга жизни, быть счастливой, наконец. А как смотрит на жизнь эта симпатичная, укая тайманка с выюдом детей — Дети, муж, дом, — так же как смотрели на жизнь наши бабушки, так ведь это было тогда, когда женщина полностью зависела от мужчины, когда он решал и за нее, и за себя. Что же останавливает эту женщину сегодня, почему она живет как жили сто лет назад? — Лена задумалась. — Мировоззрение ее семьи держит ее, страх выйти за рамки привычного, уютного мирка, привычка подчиняться большинству — общественному мнению. Так что же общего в этой разности, разноязычной, разноцветной массе людей, собравшихся здесь, на этом бесплодном, жарком маленьком клочке земли, заключенной ненавидящим ее кольцом мусульман, готовых убить и задавить всех ее обитателей — от младенца до старца...»

— О чем задумались? — Лена вздрогнула от неожиданности и увидела рядом с собой присевшего на камень Мишу.

— Да так... Может, вы мне объясните, что объединяет всех нас. Ведь это страна евреев, а что это такое — еврей? Ведь в каждой нации все понятно — есть типичные черты лица, характера, отношения к жизни. Ведь если вы скажете «русский» — перед вами сразу образ: светловолосый, синеглазый, добродушный, безалаберный, широкий, последнюю рубашку отдаст (я понимаю, что это стереотип). Вот если бы мне предложили обрисовать еврея там, в России, я бы сказала: кучерявый, черноволосый, глаза с поволокой, осторожный, энергичный, скупой, умный... А как же здесь определить: все такие разные... — она обвела взглядом соседние столики.

— Ну и вопросы у вас! — Миша уважительно посмотрел на Лену и задумался. — Даже и не знаю, как на них так сразу ответить. По идее, вера все народы объединяет, а нас, наверное, всеобщая к нам нелюбовь заставила искать свою страну.

— Зато каждый видит в тебе чужака. А где же эта любовь народа друг к другу? Я, когда уезжала, совсем по-другому себе представляла здешние отношения. А здесь как в плохой семье: друг с другом ругаются, ненавидят за глаза, а признаются

чужому бояться — неприлично такое о родственниках говорить. Может, через несколько поколений все изменится, когда дети детей вырастут?

— А вы идеалистка, Леночка, видно, умные книги читать любите. А вы на жизнь проще смотрите — ближе. Вот я возле вас сижу, ребята наши — вы с ними научитесь отношения строить, а вам сразу всю нацию подавай. Запутаетесь так. Как говорится, большая проблема маленькой жива, как вот этот лес, например, если в общем — так это лес, а если присмотреться — так он из каждого отдельного дерева состоит. Если нет деревьев, так и леса не будет. А вы давно сюда приехали? — Миша, видно, решил сменить тему разговора.

— Да нет, скоро одиннадцатый месяцев будет, пятнадцатого февраля.

— И большая семья с вами?

— Я и дочка, больше никого.

— Да, не густо, — покачал головой Миша. — Тяжело вам, наверное?

— Ничего, вроде везет как-то мне на людей. Сначала свою подружку в ульпане встретила, потом ее друг на работу помог устроиться, а теперь вот Иосиф меня в вашу компанию привез. А компания ваша мне очень даже нравится. Иосиф с Наташей — замечательные ребята, Саша — видно, что неординарен, а Боря с женой такие приветливые, — опять мне повезло.

— А я? Вы про меня ничего не сказали, — Миша внимательно заглянул Лене в глаза. «Какие теплые, — подумала Лена, как будто греют». — А хотите, я вам что-нибудь спую, что вы любите?

— Вы Егорова знаете: «Я вас люблю, мои дожди»?

— Еще как знаю, — Миша взял гитару, осторожно вытаскил из чехла и, проведя широкой, крепкой рукой по струнам, запел неожиданно приятным, ласковым баритоном: — Я вас люблю, мои дожди, мои тяжелые, осенние, чуть-чуть светлого, чуть-чуть расседанно...

К нему присоединилась Наташа, осветив песню своим светлым высоким голосом, и уже спешил Иосиф, на ходу расчесывая свою семиструнку. Отстраненный Саша и смущающийся Боря подхватили:

— И я иду по зеркалам, в которых отражаться некому...
Со всех сторон к ним подошли совсем незнакомые люди и тоже пели, без слов, просто пытались повторить эту заворачивающую, пронзительно знакомую неизвестно откуда мелодию — общечеловеческую мелодию Души.

...Когда зазвонил телефон, Лена не сразу открыла глаза.

«Господи, какого черта так рано? Ночь на дворе», — подумала она и подползла к телефону.

— Ленка, ты что, спишь? — Лена открыла глаза от испуганного Танькиного крика. — Проснись, американцы Ирак бомбят! Война началась!

— Где, у нас? — в ужасе Лена вскочила босыми ногами на холодный пол и выглянула в окно. — Да вроде на улицах все тихо, Тань, может, ты что-то перепутала?

— А чего ты в окно смотришь? Я ж сказала — Ирак бомбит.

— Так зачем же ты мне посреди ночи звонишь? — растерялась Лена. — Балда ты, Ленка! Противогазы возле себя поставь — у нас в любой момент тоже начнется, так что припритовься. — Таня бросила трубку.

Сон как рукой сняло. Лена накинула халат и побрела в салон.

«Распакуйте коробку с противогазом. Он состоит из нескольких частей. Сначала вскрываем целлофан и вытаскиваем длинную трубку с наконечником, к нему прикручиваем крутящий очиститель воздуха...» Лена заторможенно смотрела в телевизор на молодую симпатичную женщину, объявляющуюшим голосом подробно рассказывающую про противогаз так, как будто это было самой обычной ночной процедурой — надевать на себя противогазы. «Теперь надеваем его на себя и сзади подтягиваем ремни по размеру головы, — на Лену с экраны смотрело чудовище, похожее на страшилище из Линчевых мультиков, которое челоуэеским голосом бодро булькало: — Шприц используется только в случае особого сообщения...»

— Бред какой-то! — в сердцах бросила Лена и пошла искать сигаретную зажигалку. Курить она решила бросать, но на всякий случай держала дома пачку сигарет. «Бросать курить надо сразу — в один день», — наставлял ее Андрей, действии-

тельно в один день отказавшийся от сигарет. Но Лена придерживалась другой методики — она постепенно свела курение к двум сигаретам в день и вот уже неделю вообще к ним не прикасалась. Но пачку с оставшимися не выбрасывала: когда знаешь, что они есть под рукой, легче потерпеть; хуже, когда их нет: тогда желание разрастается до фантастических размеров и, залушшая любое другое, упрямо требует своего.

«Куда же я их задевала? Вроде здесь положила», — Лена еще раз нервно провела рукой по высокой кухонной полке и достала пыльную пачку сигарет, немедленно закурила.

«Что же делать? — Лена заметалась по квартире, не зная, что с собой делать. — Помыть, что ли, квартиру? — пронеслась у нее шальная мысль. Она схватила тряпку и стала усиленно тереть пыльный пол. — Господи! — Лена в ужасе смотрела на тряпку. — Откуда же такая грязь? Ведь мыла недавно! — она бросила тряпку и пошла опить к телевизору. На экране продолжалось надевание противогазов. На этот раз испуганная маленькая девочка, как видно, не совсем понимая, что происходит, упрямо сидела на стуле, вся съехившись, а телевизионная дама, все так же мурлыча, надевала теперь на нее это резиновое чудовище. — Какие-то апокалиптические сцены! — не замечая, что говорит вслух, прошептала Лена. — Нет, уж лучше спать идти, чем эти ужасы смотреть, — решила она и пошла в спальню. Линочка, уютно свернувшись под одеялом, сладко посапывала, будильник обыденно тикал. Если бы не Танькин дурацкий звонок, стала бы себе как человек», — раздраженно подумала Лена и, не снимая халата, заделала в постель.

Утро наступило как-то неожиданно. Зазвонил будильник. «Хорошо, что не сирены, — подумала Лена и с трудом выползла из теплой кровати. За окном светало. — Как же спать хочется! — Лена взглянула на себя в зеркало и испугалась: на нее смотрело усталое лицо какой-то незнакомой женщины — под глазами образовались синяки, лицо опухло и на лбу проступала незнакомая морщина. — Да, хороша. А если не поспать несколько дней, что же от меня останется? — Она сбросила с себя перемятый за ночь халат, ночнушку и с удовольствием ощутила теплую, ласковую волну душа, выводящую ее из сонного помутнения. — Надо бы телевизор включить, узнать, что

к чему, может, уже все закончилось?», Лена накинула на себя пологенце и побежала к телевизору. Там почему-то пел какой-то разукрашенный парень, и дружная толпа зрителей, вдохновенно подпевая ему, в такт музыке размахивала руками. «Значит, все в порядке, — обрадовалась Лена и бросилась одеваться. Она открыла шкаф и скорбно посмотрела на свой так называемый гардероб. Перед ней на ее полке скромно лежали две пары джинсов, одна из которых была еще куплена в Москве с рук в ЦУМе у какой-то тетки, которая, пугливо отглядываясь, толкнула их Лене за фирменные. Только потом Лена поняла, что это самострел. Другие были приобретены в соседнем магазине-базаре по невиданно дешевой цене. Рядом с ними сиротливо лежал свитер и четыре кофточки. — Так, в серой и черной я уже была на прошлой неделе, значит, на эту — зеленая и коричневая. Возьму зеленую», — решила она и, не успев застегнуть молнию, побежала к обрывающему утреннюю тишину звонку телефона.

— Ты не спишь? — заинтересованно прошелестел Танин голос? — Ну, как дела? — невинно интересовалась она. — Как ночь прошла? Заснула после моего звонка?

— А ты что, звонишь, чтобы поинтересоваться моим самочувствием? — зло отрезала Лена.

— Ну чего ты, Ленка, злишься, я же о тебе беспокоюсь, ты хоть знаешь, что мы сегодня не работаем?

— Кто это «мы»? — не поняла Лена и на всякий случай спросила: — А что, война еще не кончилась?

— Да ты что, спишь, что ли? Радио почему не включаешь? Там все утро долдонит, что сегодня сидим дома.

— Так я телевизор включила, а там концерт какой-то, что-то я ничего не понимаю. В стране война, а они там поют, — Лена пожегилась. — А что, из дома вообще выходить нельзя?

— Почему это нельзя? Можно, только с противоголозом. А где ты вчера была, я тебе весь день трезвонила, уже волноваться начала.

— А нас Иосиф в лес на шашлыки пригласил, я тебе даже позвонить не успела, поздно было.

— Ну и как там, кто-то стоищий был? — голос Тани зажегся любопытством.

— А тебе зачем? — не поняла Лена. — У тебя же Шмулик есть.

— Ну, Шмулик, — недовольно протянула Таня. — Я же с ним еще не пожегилась, значит, имею право на личную жизнь. Может, что-то более подходящее встречу. Лен, только между нами: Шмулик, он, конечно, неплохой парень и мужик неплохой, только мне как-то скучно с ним. Нет, ты не подумай, я на философа не рассчитываю, не дай Бог, но иногда так поговорить хочется, аж душа замирает, а с ним — двумя фразами переберосишься и вроде говорить не о чем. То ли языка мне не хватает, то ли не интересуется его ничего, кроме его колледжа. Помнишь, мы в Москве по театрам бегали, по музеям, слушай, как будто все в другой жизни было, да? Хотя чего это я глупости говорю: не до жиру, быть бы живу, — грустно заключила Таня.

— Тань, не переживай, провемся, а пока, может, пойдем прогултов купим, пока магазины не забаррикадировали?

— Слушай, и как это я не подумала, у меня в холодильнике — шаром покати, а вечером Шмуль придет, надо же его кормить чем-то.

— А что, он вообще ест что-нибудь? Он же такой худой, я думала, ему горсточка риса на день хватает.

— Ничего себе — горсточка риса! Да он такой прожорливый, как три мужика вместе, мой Костик за неделю столько не съедал, сколько он на ужин заглатывает, а худой, как щепка, да не в коня корм.

— А ты что, его за свои кормишь? — удивилась Лена.

— Еще чего! — возмущилась Таня. — Он мне различные кажды свой приход в клюве приносит. Ну, не сказать, чтобы я на них шиковать могла, но жить можно, — она подумала и добавила, — если осторожно. Ну ладно, когда соберешься — звони.

Только к часу Лена вырвалась из сладких объятий Морфея, и когда они с Линочкой и Таней выбрались наконец за покупками, их смутила, если не сказать напугала, девственная тишина улиц, обычно заполненных крикливой, вечно шлюющейся толпой праздного люда.

— Куда они все подевались? — Таня испуганно посмотрела на Лену. — Слушай, Лен, может, все эвакуировались уже, а мы не знаем?

— Куда эвакуировались? — не поняла Лена.

— Ну откуда я знаю? Кто куда, — предположила Таня.

— А у вас прекрасная фантазия, Танечка, — неожиданно над самым ухом прогудел знакомый веселый голос Иосифа.

— Да что же это такое? — возмущилась побледневшая Тania. — Даже появиться как человек не может — все паксиничает! — Tania стрельнула в Иосифа злым взглядом. — Все веселиться? Уже война началась, а ему все весело, — недовольно проворчала Tania и перешла на Ленинскую сторону.

— А я просто рад, что вас встретил. Леночка, ну вы-то на меня не обиделись? — Иосиф молниеносно сложил руки. — Ну, каюсь, каюсь, больше не повторится.

— А вы куда, тоже в магазин? — удивилась Лена.

— Да Наташка по воду отравила, сказала: иди и без воды не возвращайся, так я котомочку набросил, — Иосиф кивнул на висевший рюкзаком за спиной противогаз, — и отправился в путь-дорожку. Смотрю — газам не верю: мои добрые знакомые впереди. Дай, думаю, подойду, новостями переброшусь.

— А если серьезно? — Лена подняла голову и с надеждой заглянула Иосифу в глаза. — Как вы думаете, война и здесь будет?

— А вы не переживайте так. Ведь чему быть, того не миновать, так что давайте принимать неприятности по мере их поступления. А если серьезно — хотя я и не пророк, — кажется мне, что Израиль — место богоизбранное, значит, под Его защитой живем. Думаю, пронесет.

— А что же вы, если такой уверенный, противогаз за собой носите? — съехидничала Tania. — Или бережного Бот бережет?

— Так Наташка из дому без него не выпускает, а я человек подневольный, что говорят, то и делаю, — утихо ответил ей Иосиф и без перехода заговорщически шепнул Лене на ухо: — А у меня к вам дело — на миллион.

— Что-то случилось? — тоже почему-то шепотом ответила Лена.

— Вами один человек очень даже заинтересовался, номер телефона выпрашивает, но я как истинный джентльмен ему категорически заявил: без вашего, Леночка, согласия я нем, как рыба.

— А кто же это? — заинтригованно прошептала Лена.

— Миша — мой друг Миша, ваш вчерашний собеседник.

— А теперь вы еще и шепчетесь! — не выдержала Tania.

— Это мы о личном, — многозначительно подмигнула Иосиф.

— У вас же жена дома, а туда же!.. — Tania презрительно посмотрела на Иосифа. — Только что ведь подневольным были, а и пяти минут не прошло, как уже освободились?

— Так мы о личном вашей подружки светскую беседу ведем.

— А почему шепотом? Мы с Леной секретов друг от друга не держим, — обиженно хмыкнула Tania.

— И правда, Иосиф, можно и вслух. Танька — свой человек, — Лена задумалась. — А знаете что? Дайте ему мой телефон. Он мне показался человеком приятным. Дайте, пусть позвонит.

— Ну хорошо, девочки, — заспешил вдруг Иосиф, — я побегу, а то Наташка уже разволновалась, наверное, — и он так же внезапно исчез, как и появился.

— Ты это кому телефон давать собралась? — обиженно спросила Tania. — Мне, значит, своей лучшей подружке, ни слова о вчерашнем, а я тебе каждый день душу выворачиваю... нечестно это, Ленка. — Tania надулась, но природное любопытство взяло свое. — Ну, рассказывай, кого подхватила?

— Да не подхватила я никого, просто вчера в лесу был один мужик-бородач с падчерицей...

— Как это с падчерицей? Что за мужик? Ну, рассказывай, не тини! — Tania требовательно смотрела на Лену.

— Зовут его Миша, приехал из Ленинграда два года назад с женой и ее дочкой, поселились в Реховоте, а год назад она от него ушла к какому-то преуспевающему дельцу, а дочку свою шестилетнюю ему оставила. Хотела в интернат сдать, но Миша упрямил ему оставить.

— Не может быть, — ошеломленно пробормотала Tania. — Да что ж это за мать такая, которая своего ребенка на чужого человека бросает? Это ж не мать, а кукучка какая-то! Небось русская, — уверенно заключила она, — еврейская мать своего ребенка не бросит.

— Тань, ты свои расистские замашки брось. Легко быть сильной рядом с меньшинством — ты что, забыла, как плакала, когда тебя там всякое чмо унижало? Хочешь на них быть похожа? Не выясняла я у него ее национальность, да и какая

разница? Человека не это определяет, а поступки его. Думаю, что Миша совершил поступок — за это его и уважаю, поэтому и телефон дать ему хочу, — Лена упрямо посмотрела на Таню.

— Ну ладно тебе, чего ты взъерепенилась? Уважаешь — уважай, твое дело. А работает он кем?

— Да вроде инженером на каком-то заводе, новые технологии разрабатывает.

— А платят ему как? Ты хоть спросила или тебе это безразлично? — съехидничала Таня.

— Тань, ну какая мне разница? Зачем мне его деньги? Я что, с ним жить собираюсь? Всего только один раз и видела...

— А телефон он твой просит... Может, и намерения какие имеет, а ты, Ленка, несерьезная какая-то, летаешь где-то. Тебе уже тридцать скоро — приземлится пора. Знакомись с мужиком — узнай его доходы, тебе же потом с этим жить, — затинула Таня знакомую песню. — Мужик, он для этого и содан — спину тебе дать. А уж тебе-то она нужна больше, чем кому-либо. У тебя же идея, идеалы разные, а книгу переводов ты хотела выпустить — здесь тебе это в копеечку станет, а кто поможет? Или ты думаешь, что сама потянешь?

— Тань, отстань, ладно? Не о чем пока говорить, ты лучше скажи: на работу завтра идти?

Не успела Таня открыть рот для ответа, как вокруг завылло так, что Лене показалось, что еще секунда — и сердце остановится от страха.

— Бежим! — крикнула Таня и бросилась в подъезд ближайшего от них дома. Лена подхватила на руки заревевшую Линочку и кинулась за ней.

— Открывай противогазы! — Таня выхватила из коробки противогаз и умелым движением натянула на голову.

Лена с трудом надегла плачущей и не сопротивляющейся Линочке противогаз и только после этого, убедившись, что с дочкой все в порядке, сама нырнула в удрушающий и неприятно пахнущий резиновый чулок маски. Через прозрачную пленку на Лену с ужасом смотрели огромные Линочкины глазки. Лена присела возле дочки и, обхватив ее маленькое дрожащее тельце, горячо зашептала:

— Не бойся, солнышко мое, это все понарошку, просто сегодня все взрослые играют в войну и договорились, что надо

надеть вот это, — она расправила на Линочке целофановые крылья противогаса. — А потом тот, кто будет самым смелым и ловким, получит большой подарок — вот такой огромный! — Лена широко развела руками.

— Какой, мамочка? А мне тоже дадут? — Линочка понемногу успокаивалась, и в ее глазках появился знакомый огонек любопытства.

— Конечно, дадут, ты же смелая девочка.

«Господи, какую чушь я несу, какие подарки могут давать за этот ужас? Хоть бы пронесли!» — Лена внутренне содрогнулась, но вслух весело ответила:

— Мне сказали по секрету, что тебе приготовили огромную говорящую куклу — ну, помнишь, как мы видели в игрушечном магазине: в синем в клеточку платье с рюшиками и в шапочке доктора. У нее есть чмоданчик с лекарствами и тубочка — слушать больных, и еще она умеет ходить...

— Ходить? — недоверчиво протянула Линочка и задумавшись, спросила: — Мамочка, а правда, я самая смелая девочка, и ведь уже не плачу, да?

— Конечно, маленькая моя, ты самая смелая...

Завыла сирена отбой.

— Лен, — промывчала Таня, — так что, можно уже снимать эту гадость? — она брезгливо потрогала противогаз.

— А ты что, теперь в нем жить собираешься? — Лена уверенно освободила Линочку и с облегчением содрала с себя резиновое чудовище. — Танька, — она глубоко вздохнула, — вот оно где, счастье-то: дышать можно, просто дышать, и все! — Лена счастливо улыбнулась.

— Уф! — Таня тоже стащила противогаз с потного, красного лица. — Думала, не выживу, — она тяжело вздохнула. — И о чем они там думают, эти детегли? В этом же дышать невозможно. Да я бы еще через пять минут и задохнулась бы, — она раздраженно распушила сплывшие волосы.

— Мамочка, ну пойдем быстрее! — Линочка тинула Лену за собой.

— Ты куда? — не поняла Лена.

— За подарком, меня же кукла ждет! — Линочка обиженно посмотрела на Лену. — Ну ты же сама сказала, что я самая смелая, — она остановилась и испуганно спросила: — А вдруг

Шарон смелее? Ну, идем же, а то ей отдадут! — она опять потянула Лену за руку.

— Лин, так ведь кукла дома тебя ждать будет, — пришла на выручку Тана. — Ты завтра утром проснешься, а она на кровати сидит... — Тана посмотрела на часы. — Ну вот, уже девять скоро, идем быстрее, спать пора.

«Ну, Танька и сморозила! Что же мне теперь с этой куклой делать? — думала Лена, глядя на слепые окна домов, плотно закрытые присамами. — Даже самый последний скупец в такое время магазин не откроет, а Линочка, она с характером: если обещаешь — выполняя. Ладно, утро вечера мудренее — придумаю что-нибудь... Точно, Миша, ну да, и как это я сразу не сообразила».

Лена резко затормозила.

— Это же выход! — обрадованно протянула она и потеряла руки.

— Какой выход? — недоуменно обернулась на нее Тана. — Ты что, подруга, обалдела, что ли? Чего народ своими криками посреди ночи пугаешь? И так напуганный. Я из-за тебя чуть на столб не налетела — у тебя чего, стресс вылазит? Сама с собой беседеешь? — Тана была похожа на только что выкупившегося плетца — взъерошенные, непослушные волосы, казалась, были напуганы происходившим и выражали такое же возмущение Лениным поведением, как и их хозяйка. — Какой, к черту, выход — нам домой, на вход надо... — Тана резко отвернулась и устремилась вперед.

— Тань, так у меня идея родилась, не обижайся, — Лена догнала ее и взяла под руку. — Понимашь, — она зашептала Тане в ухо, — я про Мишу вспомнила. У него-то точно куклу найти можно, его падчерица всего на год Линочки старше, только не знаю, удобно ли ему сейчас звонить? Ты как думаешь? — Лена вопросительно посмотрела на Таню.

— А ты что, разбудить его боишься или отвлечь от чего? На то он и мужик, чтобы помогать, когда надо. А теперь пойдём быстрее, как бы опять сирена не завопила, — решительно заключила Тана и увлекла Лену за собой.

— Иосиф, привет, вы мне телефон Миши не дадите? — Лена уже уложила Линочку спать и, устало выткнув в кресле ноги, тупо смотрела в телевизор.

— А вы чего не спите, Еленочка? Ночь на дворе, — удивленно протянул на другом конце провода Иосиф. — Мы с Наташкой уже десятый сон рассматриваем.

— Вы серьёзно? — удивилась Лена. — Как это вы после такого ужаса заснуть умудрились?

— Какого ужаса? Вы это про сирену, что ли? Так я ее выключил: как услышал свист — сразу и заснул, чего, думало, зря время терять, ну, в смысле сна — вы же знаете, во сне силы восстанавливаются, а я как-то приустигал за день, да и Наташка тоже.

— Так вы что, противогазы не надевали? — удивленно протянула Лена.

— А вы что, думаете, они помогут? — в свою очередь удивился Иосиф. — Кстати, о Мише: я ему ваш телефон уже дал, так что ждите, уж очень он спешит вас найти, — заговорщически добавил он.

— Иосиф, я не могу до завтра ждать, он мне сегодня нужен.

— Ну что ж, — философски протянул Иосиф, — если срочно, значит, есть причины. Записывайте: 967-55-55, — и приятных вам сновидений.

Лена на минуту засомневалась, но, представив себе плачущую от обиды Линочку, решительно набрала номер.

— Алло, можно поговорить с Мишей? — осторожно спросила она.

— Я вас слушаю, — ответил бодрый, теплый голос Миши.

— Это Лена, мы с вами вчера в лесу познакомились, — начала объяснять она, но восторженный Мишин возглас остановил ее:

— Леночка, неужели это вы? Как я счастлив вас слышать! А ведь я сам вам собирался звонить через... — он, видно, посмотрел на часы — ...всего через восемь часов. Думал, вы уже спите... Ну, как вы? Я ведь вам звонил во время тревоги, но почему-то никто не ответил. С вами все в порядке? — добавил он заботливо.

— Понимаете, Миша, я звоню так поздно, потому что мне кажется: только вы мне можете помочь. Дело в том, что мне срочно нужна кукла для Линочки, а магазинны все закрыты. Вот я и подумала, что, может быть, у вашей дочки есть... —

Лена неуверенно остановилась. — Ну, конечно, с возвратом, только на один день, пока я смогу ей другую купить.

— Леночка, ну конечно, есть, если можно, я вам прямо сейчас и завезу.

— Спасибо, улица Карел Нетер, 25, квартира 9. Жду вас, — Лена положила трубку и с благодарностью подумала о Мише: «Молодец, даже не стал выяснять, зачем и почему. Надо — значит надо. Приятно иметь дело с умным человеком».

Она пошла на кухню и поставила чайник.

Не прошло и десяти минут, как зазвонили в дверь. На пороге стоял Миша с огромной куклой в одной руке и горшком герани в другой.

— Разрешите? — он прошел в гостиную и поставил горшок на круглый стол у окна. — А это для вашей дочки, — он протянул Лене нарядную, в синем в клеточку платье с рюшиками и в шапочке доктора куклу.

— Не может быть! — Лена от неожиданности растерялась. — Откуда вы знали?

— Так вы же мне сами сказали, что нужна кукла, — тоже растерялся Миша.

— Да, да, конечно, но откуда вы знали, что мне нужна именно такая? Я ведь дочке именно такую обещала, — Лена радостно вертела куклу. — Вот в таком платье и с такой же шапочкой... откуда она у вас?

— Ну, наверно, у нас с вами вкус один я ведь дочке ее еще не подарил, увидел недавно на витрине и купил — у нее день рождения скоро, — Миша нежно смотрел на Лену.

— Миша, вы даже не представляете себе, как меня выручили, — Лена с благодарностью посмотрела на Мишу. — Ну дайте, я вас хотя бы чаем напою, — Лена бросилась наливать чай, но ручка от старого чайника внезапно отвалилась и чайник упал рядом с Леной, обдав ее обжигающей волной кипятка. Миша, поблещев, бросился к холодильнику и, вытащив пару яиц, требовательно крикнул Лене:

— Кастрюля, тазик, что-нибудь у вас есть?

Лена глазами показала на пустую кастрюлю, одиноко стоящую на плите, не в силах произнести ни слова.

— Больно, я понимаю, потерпите немного, сейчас полетает, — Миша аккуратно поставил Ленину ошпаренную ногу

140

в кастрюлю и залил ее сырыми яйцами. — Народное средство, — объяснил он, — должно помочь, а если нет — я вас отвезу в больницу.

— Нет-нет, — боль почему-то стала нарастать, но Лена пыталась не обращать на это внимание. — Я не поеду — Леночка спит, а оставить я ее не могу, — попыталась возразить Лена.

— Ну, позвоните кому-нибудь. Подрута у вас есть?

— Есть, — неуверенно протянула Лена, представив лицо Таньки, если ее разбудить в такое время.

Миша присел и внимательно осмотрел Ленину обожженную ногу — видно, что-то не сработало в этом народном средстве, а может, кипятик оказался слишком крутым, потому что пузырь неотвратимо расплзался и приобрел какой-то неприлично-бурый цвет.

— Надо ехать, — решительно поднял Миша. — Третья степень ожога, — звоните подруте.

— Сейчас? Может, не стоит? Час ночи, — Лена просительно посмотрела на Мишу.

— Леночка, давайте не будем терять время — пожайдуйста, звоните.

Лена нехоты подняла трубку.

— Тань, это я, нет, ничего страшного не случилось. Я просто ошпарила ногу, нет, только ногу, с головой все в порядке, успокойся. Да, мне очень нужна твоя помощь — ты с Линочкой посидеть не сможешь? Я? Тут у меня Миша — он хочет вести меня в больницу. Отстань, Танька, со своими глупостями — так можешь или нет? Спасибо. Жду.

Не прошло и пяти минут, как Тана ураганом вытегла к Лене.

— Лен, ну ты нашла время ноги парить! — с порога запричитала она, натолкнувшись взглядом на Мишу, чинно притормозила и направилась к нему. — Очень приятно. Тана. — Она протянула ладонь дочкой и манерно улыбнулась. — Так вы, значит, Миша и есть, — она оценивающе окинула его взглядом.

— Танечка, извините, нам не до церемоний. Вот Лену надо срочно в больницу — пойдёте, Леночка...

И он, осторожно взяв Лену за руку, помог ей выйти из квартиры.

141

— Давайте-ка я вас на руки возьму, — и он, не спрашивая согласия, подхватил возражающую Лену на руки и отнес к машине. — Вот так. — Он осторожно посадил ее не переднее сиденье и, выпрыгнув в машину, резко рванул с места. — Вы, Леночка, не волнуйтесь, здесь до больницы рукой подать, минут через десять будем, вы пока расслабьтесь, если, конечно, можете... — Он сочувственно посмотрел на Лену.

Больница напомнила переполненный улей. По приемуному покою бродили, сидели, лежали на стульях, читали и активно беседовали странные босоногие люди в домашних халатах и вытянутых на коленях тренингах.

— А на каком языке они говорят? — Лена с удивлением рассматривала эту пеструю толпу, болтающуюся здесь, видно, не один час.

— Не знаю, — Миша прислушался. — По-моему, это похоже на арабский, ну да, конечно, арабский, — утвердительно кивнул он.

— Странно, — Лена с удивлением смотрела по сторонам, от любопытства на секунду забыв о не дающей покоя, разрывающей ногу на части боли. — Это что, больница для арабов?

— Нет, конечно, это обычная больница, называется она Асаф а-Рофа, но находится вблизи от городов Рамле и Луд с вытекающими отсюда последствиями. Дело в том, что жители этих мест — в основном арабы, к врачам они ходить не привычны, и чуть что — от насморка с температурой до перелома — спешат в больницу: здесь они как бы время проводят, как-никак — выход в свет. Ведь для большинства из них окно в цивилизацию — это общественные места.

— Теудат-зеут, — раздраженно бросила поблекшая, выкрашенная в ярко-красный цвет тетка в белом халате, безуспешно пытающаяся сдерживать неудержимую мощь ее студенистого тела: его дрожжевая масса вот-вот должна была разорвать мешающие ей оковы, кое-как сдерживаемые туго натянутыми путовицами, но путовицы, видно, пока не собрались оставить своих позиций, что привело тетку в состояние повешенной требовательности. Она подозрительно несколько минут следила Лену с копией в удостоверении личности и наконец, насытив природное любопытство, недовольно выписала направление. — Ортопедия-алф, прямо до тупика и

направо, — зевнула она, безразлично открывая на всеобщее обозрение свою скромную пасть бегемота женского пола.

— Миша, как хорошо, что вы со мной, — тяжело вздохнула Лена устраниваясь на облезлом пластиковом стуле-сироте между пузатым, безостановочно стонущим арабом в белой чалме, заботливо качающим сломанную руку, и какой-то безумной молодой женщиной в разодранном платье и огромным расплывшимся синяком под глазом.

— По-моему, это надолго, — обреченно предположил Миша и ринулся в открывающуюся дверь кабинета.

Внезапно от стены отделилась инвалидная коляска и двинулась ему наперерез. В ней сидел тщедушный седовласый старец, необычайно оживившийся при виде складывающейся ситуации. Его единственный действующий на лице глаз горел азартным огнем охотника, а затипсованная нога угрожающе целилась Мише прямо в живот.

— Куда лезешь? — неожиданно забасил он. — Я здесь третий час сижу, а эти русим только приехали, — он кивнул на Лену, призывая очередь объединиться перед надвигающейся опасностью захвата кабинета. — Думаю, что они самые умные.

К его одинокому глазу немедленно подключилась взбешенная, грязноволосая женщина и, тыча в Мишу нагруженной рукой с грязными поломанными ногтями, захлебываясь возмущением, заголосила:

— А их никто не звал! Думают, им все можно! Назад, дайте назад к себе в Россию!

Очередь воодушевленно вступила в скандал и с Миши плавно переключилась на яростное обсуждение правительства, экономического положения и роли нацменьшинств в жизни Израиля.

Миша боком вылез из бурлящей, совершенно забывшей о нем ожившей массы побитого, покалеченного народа и пропелтал перепуганной Лене:

— Леночка, не волнуйтесь, они уже забыли про меня — друг другом занялись. Вы ведь еще не знаете: здесь все всех не любят.

— За что? — удивилась Лена.

— Да не важно. Знаете, как в анекдоте: было бы за что — убил бы давно. Как всегда: черные — белых, бедные — бога-

тых, а глупые — умных. Нусные человеческие качества неис-
требимы. Здесь никакой ТАНАХ не помогает: по-моему, они
его как беллетристику воспринимают — читать читают, а вы-
водов не делают.

— Кто здесь Лена Лисански? — ломая язык, спросил моло-
дой, видно, только закончивший университет, высокомерно-
сухощавый доктор в аккурратно накрахмаленном, иссиня-бе-
лом халате, высунув голову из заветной двери кабинета.

— Значит, так, — через несколько минут закрыл он, осто-
рожно-брезгливо обработав рану каким-то белым кремом. —
Несколько дней посидите дома, а потом к врачу в поликлини-
ку. Выздоравливайте... Мер, Мер! — уже выкрикивал следую-
щего доктор, пока Лена и Миша торопливо выходили из каби-
нета.

— Они здесь что — все такие роботы? Как будто перед ним
не человек стоит, которому боль говорить не даст, а машина
сломанная, в которой испорченную деталь поменять надо? —
Лена возмущенно смотрела на Мишу.

— Леночка, вы, главное, не волнуйтесь, — Миша осторож-
но придерживал Лену за плечо, медленно продвигаясь к выхо-
ду. — Работа у них такая собачья — это же врачи приемного
покая: зарплата маленькая, обычно здесь стажируются после
университета или работают те, кто не может сдать на сте-
пень, а народу, как вы уже заметили, тьма, так что ничего уди-
вительного — они же тоже люди. В этой стране денег ни на
что не хватает, поэтому один врач за троих работает, какой
же с него спрос после этого?

— А вы что думаете: если вот этому сухарю денег добав-
вить, а очередь уменьшить — он что, человечнее станет? Ду-
маю, он только еще больше заважничает. А вот если такого на
частный прием посадить, тут-то он и оттает — чего же за
деньги не поуплываться, слова хорошие не сказать? Ведь не
зря говорят: хороший врач и словом вылечить может, осо-
бенно когда за слова оплата дополнительная, — Лена возму-
щенно замолчала.

— Леночка, вы просто устали, уже третий час ночи, не-
мудрено. Вот я вас сейчас домой отвезу, а завтра, если можно,
приеду проведать, договорились? — Миша завел машину и
мягко тронулся с места.

«Какой хороший! — с благодарностью подумала Лена. — И
чего от него жена бежала? Хотя ведь каждому свое — видно,
он был не ее героем, а может, это мой герой? — Лена незаме-
тно провела по Мише оценивающим взглядом: интеллигент-
ное лицо, широкая крепкая ладонь, теплый взгляд, похоже,
что добрый и внимательный... Лена задумалась. — Нет, чего-
то не хватает, — она сравнила его с Эди. — Эди какой-то дру-
гой — близкий, что ли, а этот всем хорош, но, видно и не мой
герой, хотя...»

ЭДИ

— Эди, лапа, это Агла. С трудом тебя разыскала. Ты что это от друзей прячешься? — глубокий Аглочкин бас лубовно ворковал на другом конце провода. — Надеюсь, я тебе не помешала в твоём новом амплуа супермена на свободе? — Она густо засмеялась. — Дорогой, у меня к тебе дело, надо срочно встретиться. Сегодня в три — подходит? Вот и славно. Жду тебя в нашем излюбленном «Капультском» — не опаздывай; нет, Фредика не будет, ну не спрашивай, это мой секрет. Целую.

— Эди, это вам, — Питер, неловко переминаясь с ноги на ногу, протыпывал Эди какой-то нарядный конверт.

— Что это? — Эди рассеянно взял конверт. — Кого жените — сына, дочку?

— Да нет, я сам женюсь! — Глаза Питера сияли. — Вот мы с Сарой решились, как я вам и говорил, ну, помните, в Эйлаге?

— Конечно, конечно, — Эди недоверчиво смотрел на Питера. — А вы, оказывается, человек дела, признаюсь, не ожидал от вас такой прыти. Как же вы Сару уломали? Мне казалось, она неисправимый холостяк, ну, молодой, Питер, молодец — ей уже давно пора бы жизнь устроить. Так когда же это историческое событие?

— Так двадцать восьмого апреля. И ждем. Здесь, — Питер развернул какую-то бумажку и ткнул пальцем в начерченный квадратик. — Это Оламай Симха — прямо за Реховотом. Сара сказала, что место хорошее, чистое и вкусное, а я ее вкучу доверяю. Мы уже всех наших пригласили, вот только вы остались, — он с надеждой посмотрел на Эди. — Придете?

146

— Обязательно приду! Как же мне к вам — и не прийти? Только, думаю, я сам буду: помните, мы с вами говорили, так я к жене не возвращался, уже месяц как один, спасибо, помогли мне тогда... А что-то я сегодня Сару не видел, у нее все в порядке?

— Да, все замечательно, она ведь на один день отпуск взяла, вы же сами ей позавчера подписали, — Питер с удивлением посмотрел на Эди.

— Ну конечно, конечно, — Эди поднял брови и внимательно посмотрел на свою шариковую ручку, как будто видел ее в первый раз. — Что-то я забыл совсем — видите, Питер, до чего свобода доводит: ничего в голове не держится, я как пьяный все это время хожу, никак не привыкну к новому статусу.

— Ничего, все уладится, — Питер неловко топтался на месте, видимо, не зная, что говорить. — Так я пойду, у меня же проект срочный. Вы сказали, к концу недели сдавать надо.

— Да, да, конечно, идите, — рассеянно глядя мимо Питера, ответил Эди. — Сегодня у нас что — вторник? Замечательно, замечательно...

— Эди, к вам можно? — в открытую дверь заглянула Люба. — У меня вопросы по проекту... — Она нервно постукивала скрученной калшкой чертежа по гладкой лайкровой поверхности ноги в черных колготках в сеточку.

— Любочка, — Эди устало скользнул взглядом по Любинуой слетка пополневшей за последний месяц фигуре. — Я должен уходить, может быть, можно решить эти вопросы завтра?

— Но это очень срочно, — Люба плотно прикрыла дверь. — Эди, — в ее глазах заблестели слезы, — нам надо поговорить. — Она неуверенно присела на край стула напротив Эди, аккуратно поставив возле себя чертеж. — Скажи, ты меня больше не любишь? Ты не хочешь меня больше? — Ее рука, подрагивая, легла на руку Эди.

Эди осторожно высвободил свою ладонь и, нервно вытаскивая из полупустой пачки сигарету, шелкнул зажигалкой.

— Эди, не молчи, ну скажи же что-нибудь, — Люба быстро встала и, обойдя стол, жадно прижалась горячеей грудью к его напряженно-отстраненной спине.

147

— Любимый, не бросай меня, я умру без тебя, — она жарко задышала ему в ухо. — Ты не можешь себе представить, как тяжело мне стало с Фимой, его руки такие жесткие, когда он прикасается ко мне... — Она передернула плечами. — Мне хочется кричать: «Нет, нет, только не это!» Мне противен его запах, его голос... Любимый, — она начала покрывать страстными поцелуями шею Эди, — я хочу тебя, хочу все время, я вижу тебя каждую ночь, ты приходишь и берешь меня...

— Прекрати, ты сошла с ума, — Эди как ошпаренный вскочил со стула. — Сюда же могут в любую минуту войти! — Он нервно зашатал по комнате. — Подумай о себе — ты все-таки замужем, у тебя муж, сын, наконец! Ты же взрослая, серьезная женщина, — Эди укоризненно посмотрел на Любу, — а ведь себя как девчонка. Возьми себя в руки, наконец, ничего не случилось, просто я хочу какое-то время побыть один, разобратся, наконец, со своей жизнью. Света душил меня своими угрозами, я ежедневно получаю письма от ее адвоката, сил моих уже нет. Вот, смотри, — Эди достал из кармана мятый конверт. — Это последнее, только вчера пришло, хочешь послушать? «Уважаемый господин Эди Бромберг! Ваша жена представляет Вам перечень условий, на которых она будет согласна дать Вам развод...» Так, дальше куча дурацких требований, — он бегло пробежал их глазами. — Вот, вот что он пишет в конце: «Если Вы не соизволите согласиться на наши условия, Ваша жена развод Вам давать отказывается». Ты слышала? Она отказывается со мной официально расстаться, как будто это может что-то изменить... — Эди усталое сел на стол.

— А что это за требования? — Люба непонимающе смотрела на Эди.

— Не важно! Хочет, чтобы я ей все оставил, от дочки до мисрада.

— А зачем ей мисрад? Она ведь не инженер, что она с ним делать будет?

— Ничего, продаст или найдет кого-нибудь вместо меня. — А что же ты делать будешь? А мы? Нас что, выгонят? — Люба стояла посреди комнаты и растерянно смотрела на Эди.

— Ладно, — Эди подошел к Любе и взял ее за руку. — Все будет хорошо, не волнуйся, извини, что напрузил тебя своими проблемами. Никто никого пока не увольняет, мы еще с

ней повоеюм. Просто я хотел, чтобы ты на меня не обижалась.

— А тебе давно хотела что-то сказать, — Люба неуверенно улынулась, — если ты меня еще любишь... — Она вопросительно заглянула Эди в глаза. — Еще неделю назад.

— Так почему не сказала?

— Не знаю, — Люба задумалась. — Мне показалось, что у тебя кто-то появился, ну, какая-то другая женщина, ты ведь совсем перестал обращать на меня внимание, даже не замечаешь, что я поправилась.

— Ну, слегка, я заметил, — Эди оценивающе скользнул взглядом по Любиной пышной груди и заметно расширившейся тагии, конгурно обрисовывавшимися под шерстяным обтягивающим черным платьем. — Ну и что, тебе очень идет.

— Эди, у меня задержка, уже вторую неделю. Может, я беременна?

— Только этого не хватало! — вырвалось у Эди. — Любочка, — спохватился он, — я хотел сказать: может, ты переволновалась, ну, стресс какой, может, ты с Фимой поссорилась и еще что, ну, ты же сама знаешь — у женщины все от нервов зависит: где-то что-то не так — и нет месячных. Не волнуйся, я думаю, будет все в порядке, не будем забегать вперед. — Эди задумался. — А может, это от Фимы? — он облегченно вздохнул. — Ну да, как это я сразу не подумал, ты же с ним отношения не прервала?

— Я с ним уже месяц не живу, — Люба опустила глаза и стала внимательно рассматривать узор на кафельной плитке. — Я не могу быть с ним после тебя, не могу и не хочу... — Люба упрямо смотрела в пол.

— Ты что, ему что рассказала про нас? — Эди настороженно посмотрел на Любу.

— Нет, пока ничего.

— Ну вот и хорошо, все будет хорошо, — Эди заметно повеселел. — Все образумится, ты только не спеши, ладно? Хочешь, сегодня вечером в ресторан сходим, в японский? Хотя нет, совсем забыл, у меня сегодня деловая встреча вечером. Давай завтра, хорошо? — Эди посмотрел на часы и вскочил со стола. — Извини, дорога, а сейчас я должен бежать, меня ждут. — Эди торопливо накинул пиджак и выскоочил из кабинета.

«Только Любы с ее беременностью мне не хватает, — подумал Эди, поудобнее устраиваясь в машине. — Еще от Светы не отделился, как на тебе, подарочек — не хотите ли папашено статья? Нет, невозможно с этими женщинами! Мало им близких отношений, любовь обязательно подай, да не просто любовь, а с продолжением и гарантиями на всю оставшуюся жизнь, — Эди безрезультатно крутил ключ зажигания. — Черт, и машина туда же, ничего не понимаю, с ней-то что случилось? — Его взгляд упал на светящуюся панель. — Ну конечно, забыл фары выключить, совсем замотался, теперь аккумулятор сел. Поеду на такси», — решил Эди, раздраженно захлопнув свою «хонду» и выпрыгнув на дорогу с поднятой рукой.

— Ты что, даралгой, совсем абалдег?

Завизжали тормоза и в сантиметре от Эди затормозило такси.

— Под калес захотел, совсем жизнь надоела? — Из машины выскочил взбешенный пожилой усатый водитель кавказского вида. — Уф, чтоб ты был здоров! — он снял кепку и вытер вспотевшее лицо. — Чего скачешь, как козел горный? С горы спустился? Себя не жалко — обо мне подумай. Дети у меня, четыре дочки на выданье. Я умру — кто их замуж выдать будет, мать, что ли, их малахольная? — Он неодобрительно осмотрел поблдевшего Эди. — А на вид такой приличный, в костюме, с чемоданом... — Он покосился на Эдин дипломат. — Из интеллигентов, что ли? Молчишь чего, язык проглотили? Не зря я своим девочкам сказал как отрезал: видите интеллигент, дочки, — на другую сторону бегите. Один шум от вас, шум, а толку нет. Моего сменишка недавно вот из-за такого, как ты, в больницу свезли. Тоже посреди дороги стоял — муза, понимаешь, к нему спустилась. Нашел, идиот, место встречи с музами — их дома принимать надо, с вином, с цветами, — шофер на секунду задумался, — или, в крайнем случае, в гостинойще хорошей, дорогой, а он, понимаешь, на середине дороги... Ыфур! — он смачно плюнул на асфальт. — И где вас учили, вещей элементарных не знаете. Послушай, — не унимался усатый, — а ты чего здесь стоял? Тоже муза, да? — он противно захихикал, но вдруг резко остановился. — А ну-ка, дыхни, — он грозно приблизился к Эди. — Напились, может? Нет, не пья-

ный вроде, — шофер разочарованно приуныл. — Слушай, дорогой, тогда почему ехал мешаешь?

— Вы закончили свою изысканную речь? — Эди нетерпеливо переминался с ноги на ногу. — Мне в Ришон надо, спешу очень, может, поедем? Мне к трем надо — меня ждут.

— Смотри-ка, как нормальный разговаривает, ну хорошо, хорошо, поедем, дорогой, куда надо — туда и поедем. Ты не нервничай, успеешь ты к своей любимой, успеешь... — шофер как-то притих и, уважительно посматривая на Эди, побежал открывать дверь машины. — Гога всем водителям водитель, — он для убедительности поднял вверх указательный палец. — Отец мой водитель, дед мой водитель, прадед тоже на осликах ездил. Гога не просто шофер — Гога потомственный шофер.

— Гога, а быстрее можно? — нетерпеливо попросил Эди. Стрелка спидометра уже в который раз боозливо подбиралась к шестидесяти и, как будто чего-то пугаясь, сползала на пятьдесят.

— Мы так до завтра не приедем.

— Куда спешишь, дорогой? Пословицу знаешь: «Поспешишь — людей насмешишь»? На дорогах наших лучше медленно, но зяго наверняка. Ну, что сигналишь — не слепой, вижу! — внезапно закричал он поджимающей его сзади машине. — Не нравятся, летать научись. Орел обрезанный... Ехать спокойно не дают, на поминки к себе спешат, а мне дочек замуж надо — им отец живым нужен...

Эди въехал в «Кагульскийкий» и сразу увидел Аллочку, вальяжно устроившуюся за верхним маленьким столиком, неторопливо тинущую из трубочки густой апельсиновый сок.

— Алка, прости, что опоздал. Водитель какой-то заторможенный попался, думал, не дождешься. — Эди галантно поцеловал Аллочкину крупную руку в нарядном манжюре.

— Эди, все в порядке, садись, милый, отдышись. Что будешь пить? Еще сок, мам, — улыбнулась она подскочившему официанту. — Сто лет тебя не видел, — она оценивающе прищурилась. — А ты что-то похудел, помолодел как будто, на пользу тебе свобода идет, определенно на пользу, — она одобрительно похлопала Эди по руке. — Ну, рассказывай, как дела твои пролвиаются? Фредик твою бывшую как-то на дороге повстречал, говорит, она вне себя от ярости, деньги ему за твою голову

предлагала, говорит, верни мне мужа, живого или мертвого, назад его хочу. Он мне ноги унес, — Алла весело засмеялась. — Ну, ладно, ладно, больше не буду. Ну, серьезно — как ты?

— Алла, ничего хорошего пока рассказать не могу. Достала меня Света со всех сторон — письма от адвоката ее ежедневно пережариваю — как бы несварения желудка не было. — Эди грустно усмехнулся. — Слушай, и как это меня утوراдило тогда на ней жениться?

— Ты меня спрашиваешь? — Алла задумалась. — Думаю, что ты тогда погорячился, ну, это, конечно, смотря с какой стороны смотреть... Дочка у тебя замечательная, мисрад преуспевающий — ведь это и ее заслуга, правда? Ну, а то, что она дура неисправимая, так я тебе и тогда говорила: смотри, Эдика, внимательно, с кем жить собираешься, характер ведь с то-дами только ухудшается. Ну да чего теперь, ты созрел наконец, чтобы все ее прелести осознать, думаю, что у тебя еще есть время все по новой построить.

— Алла, так она у меня все забирать хочет — голото по миру пустить.

— Ну ладно тебе прибедничаться! Забыл, на кого твоей счет в банке записан? Думаю, тебе там на восстановительные работы хватит и даже, если с умом, кое-что еще и останется.

— А Шири? Она грозится избавить дочку от моего дурного влияния.

— Ну, это не ей решать. Думаю, с дочкой ты сможешь видаться регулярно — она девочка уже выросла, сама может выбирать для себя решение. И потом, я же знаю, как она тебя любит, да и есть за что: сколько помню, ты всегда с ней с рождения в паре. Даже когда у нее месячные начались, ну, помнишь, ты рассказывал нам, она не к жене твоей, а к тебе пришла. Что ж ты думаешь: ей кто-то запретить может любить тебя?.. Эди, — Алла внимательно посмотрела на Эди, — ты что-то совсем расклеился, не помню тебя таким, мы ж знакомы с тобой сколько... ну-ка подожди, я посчитаю... ужас, лучше не звать! — Она покачала своей крупной, в шикарном русско-голландском походе седых волос. — Скоро тридцать пять лет! Эдика, — Алла широко открыла глаза, — неужели мы такие старые? А кажется, только вчера вы с мамой приехали в наш дом и поселились к нам на

этаж. Я до сих пор помню ваше черное пианино возле подъезда. Мне тогда страшно хотелось на нем поиграть, я даже, когда никого возле него не было, постукала по клавишам тихонько. А твоя мама подошла и говорит: «Ты, девочка, хочешь научиться играть по-настоящему? Приходи к нам, мы теперь будем жить рядом с вами, я тебя научу, я учительница музыки». — Алла грустно покачала головой. — Неужели столько лет прошло, даже не верится, я ведь себя все той же девчонкой восьмилетней вижу, и кажется — все только начинается, жизнь впереди ждет, вон за тем поворотом, надо только дойти до него и заглянуть... Да, — Алла тяжело вздохнула, — странно устроен человек: не верит, что и он когда-нибудь исчезнет, не верит, что стариком станет. Вот посмотри на этих дам преклонного возраста, — Алла глазами показала на двух аккуратно одетых старушек в свежих прилическах, о чем-то живо беседовавших за соседним столиком. — Они ведь тоже когда-то были молодыми интересными женщинами, странно, да?

— А что странного, Аллочка? — отозвался Эди. — Время, оно ведь на месте не стоит. Оно вместе с нами вперед движется, а лица наши — это его карты. По ним можно узнать, сколько нами пройдено, сколько смеялись, сколько плакали, да и не в лицах дело — дело в душе: можно ведь и в старости молодым оставаться, а можно и с детства стариком жить — кому что подарено. Ты-то, думаю, никогда не состаришься, с твоей-то любовью к жизни. Любая юная позавидует...

— Ну, льстец, ладно тебе, — Алла ласково посмотрела на Эди и озорно тряхнула гривой волос. — Знаю, знаю: будем живы — не помрем, я это и Фреддику все время внушаю: что-то захандрил он в последнее время. Собственно, по этому поводу я и затасила тебя сюда — хочу ему сюрприз сделать, а кто мне, как не ты, поможет? Ведь правда, дорогой? Тем более что предложение мое из разряда очень даже приятных... — она интригующе замолчала.

— А ты в своем амлпуа — интриганша, — засмеялся Эди. — Ну, чего молчишь? Говори, уж если начала...

— Да вот хочу подбить тебя с Фреддиком на лыжи. Съездили бы, голову проветрили и на лыжах бы заодно покатались. Там ведь сейчас самая пора что ни есть курортная пора — у меня сотрудница отсюда недавно вернулась, загоревшая, помоло-

девшая, говорит, красотища неопишусьмая. Эдд, я бы сама не отказалась отдохнуть, но ты же знаешь: меня в отпуск никто не отпустит, я сейчас там за главную. Пока начальника нового не найдут — все на мне. А найдут когда — неизвестно: в мэрии все ну очень медленно делается, это не то, что у тебя, сам себе хозяин, решил — сделал. Здесь пока бумажи на кон-курс подадут — годы проходят, так что мне отпуска как своих ушей не видать, а Фредика жалко — очень у него вид в последние время несчастный.

— А знаешь, Алка, — Эди даже повеселел. — Я всегда говорила, что ты генерируешь гениальные идеи. Я — двумя руками за, так Фредика и скажи.

— Люба моя, ну где же твоя голова? — Алка укоризненно посмотрела на Эди. — Он же без меня ехать не захочет, ты что, не знаешь его? Сколько раз одного пыталась отправить — он ни в какую. Это теперь твоя задача — уговорить его.

— Моя? — Эди задумался. — Да, ты права, надо что-то придумать... Есть! — Эди хлопнул рукой по лбу. — Придумал и, по-моему, неплохо. Слушай, я ему скажу, что уже давно со Светой собирался ехать и тур заказал, но забыл про него из-за всей этой истории с разводом, а вчера мне из бюро по звонили и сказали, что если не выкуплю — должен буду все равно 90 процентов уплатить.

— Молодец, хвалю, — Алка уважительно посмотрела на Эди. — Я всегда говорила, что у тебя ума палата. Отлично. Думаю, что он тебя пожалеет и компанино тебе составит. Теперь так: я думаю, что мы будем сегодня часов в девять дома, нам только в супер за продуктами захватить надо. Ты позвони, ладно?.. Ну, все, жду звонка, — она нежно обняла Эди и поцеловала его в небритую щеку. — А ты все-таки побейся. Я, конечно, понимаю: свобода — это здорово, но тебе это как-то не к лицу. Не обиделся? Я же любя, ты знаешь... Ладно, я побежала, а то Фредик уже возле дома ждет — позвони, хорошо? Целую! — Она накинута огромный цветной дохматый платок и выбежала из кафе, грациозно неся свое большое красивое тело.

«Вот и замечательно! Нежданно-негаданно — лыжи, Альпы, снег. Сколько же лет я снега не видел? Ну, наверное, лет пятнадцать, ну да, точно, пятнадцать лет как сюда приехал. А кажется, что совсем недавно, — время здесь, что ли, по-друго-

му идет, не идет — бежит так, что за ним не успеть. А может, это и не кажется вовсе — вот Ленчик говорит, что и теория по этому поводу есть, а Ленчик знает, он же ученый все-таки, будто Израиль — это энергетический центр вселенной, а в центре все процессы быстрее происходят, и даже мысли, если они четко сформулированы, тут же воплощаются. — Эди посмотрел на часы и присвистнул от удивления. — Неужели мы с Алкой три часа сидели?»

Часы показывали шесть. Эди подошел к автомату:

— Такси, пожалуйста, мне в Тель-Авив. Хорошо, буду ждать.. Через тридцать минут он уже остановился перед большим красивым домом Ленчика.

— Рекс, спокойной! — приказал он огромному серому доbermanу, отчаянно лаявшему за воротами. — Свои.

Собака, услышав знакомый голос, успокоилась и, вилия обрубок хвоста, подбежала к Эди.

— Ну, как дела? Голодная? Сейчас накрою — припашу, погуляй пока, — Эди ласково почесал у Рекса за ухом. — Так, что у нас на ужин? — Эди открыл полупустой огромный двухметровый холодильник. — Да, нельзя сказать, что здесь изобилие, — он открыл морозильную камеру. — Но еда для одинокого мужчины средних лет имеется, — Эди вытащил пачку замороженных сосисок — замечательно, думаю, Рекс с удовольствием разделит со мной эту скромную трапезу. — Эди вытащил кастрюлю и, налив воды, поставил ее на электрическую плиту. — И что Ленчик нашел в этих дурацких электроплитах? Не понимаю. Пока на ней вода закипит, в ресторане поужинать можно.

В гостиной зазвонил телефон. Эди кинулся к нему, по дороге чуть не сбив огромную китайскую вазу.

— И кому там делать нечего? — чертыхнулся Эди и побежал на звонок.

— Алло, мне, пожалуйста, Леонида, — проворковала трубка нежным женским голоском.

— Его нет, — неаккуратно огозвываясь Эди. — А кто его спрашивает?

— Это его жена, — важно ответила трубка.

— Какая жена? — удивился Эди, от неожиданности присев на стоящий рядом напольный аквариум.

— Неофициальная. Меня Машей зовут, если не знаете, а вы-то кто? — не выдержала дама такого неуважения.

— Я — Эди, близкий друг вашего неофициального мужа, который вот уже два месяца как живет и заправляет в Японии. А вы что же, не знаете?

— Подлец! — взвыла барышня и бросила трубку.

«Да, — Эди почесал за ухом. — Видно, не у одного меня проблемы. Вот почему Ленчик в Японию бежал. Хорошо хоть было ему куда смыться, а мне что же делать? Тоже за океан, что ли? Ладно...»

— Рекс, там сосиски сварилась? — Эди помчался на кухню — и вовремя: вода в кастрюле выкипела, и над ней уже стояло коричневое марево поджаривающихся сосисок.

— Черт! — выругался Эди. — От этих жен одни неприятности. — Он вытащил новую партينو сосисок и бросил их в чистую кастрюлю.

В гостиной опять зазвонил телефон.

Эди ошарашенно замр.

— У них что — чутье на мои сосиски, что ли?

Он опять помчался в гостиную, на этот раз чуть не отдав лапу Рексу, празднично шатающемуся по дому. Рекс обиженно взвизгнул и предупредительно оскалил зубы.

— Извини, друг, не хотел! — бросил ему на ходу Эди и, как баскетбольный мяч, поймал трубку на последнем ее звонке.

— Привет, Ленчик, — призывно заворковала трубка.

— Это не Ленчик, — недружелюбно ответил Эди. — Это его отец, — мрачно добавил он.

— Папуля, а Ленчик где? — не смутилась, удивилась девица. — Ленчик, доротаю, уплыл за океан, а тебе оставил тысячу поцелуев и просил его не искать: у него есть друтал. — Эди хлопнул трубкой по телефону. — Вот тебе и Ленчик, ученый по женской части, а я даже и заподозрить не мог, что он такой плейбой, думал, что, кроме диссертации, у него в голове ничего не помещается... Так, значит, ужина не будет, — констатировал Эди, вбегая в кухню: на этот раз картина, преставившаяся ему была еще более плачевна: кастрюля покрылась черной коркой, не оставляя никакой надежды на спасение сосисок.

— Рекс! — грустно позвал Эди добермана, видно, изрядно проголодавшегося и от нечего делать начавшего подгрызать Эдины домашние тапочки. — Сегодня ты на дите, — он вытащил с верхней полки пачку собачьего корма. — Могу тебе предложить только это. Все претензии — к дамам сердца твоего отчалившего хозяина.

Рекс довольно pokrutil хвостом и с завидным апетитом набросился на еду.

— Тебе хорошо, — Эди завистливо посмотрел на собаку. — А мне что прикажешь? Не твою же еду принимать. Ладно, усстрою разгрузочный день. — Эди почесал за ухом. — Хорошо хоть с Алкой перекусил... Ах да, Фредик! — Он опять помчался к телефону. — Ну, Ленчик, мог бы и на кухне телефон организовать — не набегаться тут на голодный желудок... Алло, Фред, слава Богу, застал тебя! Что случилось? Да сосиски стorerили... Нет, я еще с ума не сошел, хотя к тому идет... Нет, я не из-за этого звоню, у меня тут аврал, надо в Альпы вылетать. Ты что, обалдел? Конечно, не сегодня — через неделю. Как «при чем тут ты»? Такую меня номер люкс на двоих заказал, а я так закурился, что забыл совсем. Так что выручай — друг ты мне или нет? — в огчаныи закрычал Эди. — Не могу же я на лыжах один кататься — мне Альпы одному попереk горла станут. Нет, Света не едет, мы же с ней разводимся. Ты что, не в курсе? Интересно, весь Израиль в курсе, а ты, значит, не знаешь. Хорош друг! Как это я тебе не сказал?... Слушай, а может, я тебе и выправду не говорил? — Эди задумался. — Ну, не важно, я тебе сейчас говорю. Она меня своим разводом уже достала. Что значит «я не хочу»? Еще как хочу, но отдохнуть перед боем надо, сил набраться, воздуха плотнуть. Ты снег когдa живьем видел в последний раз? Ну, и я тоже сто лет назад. Аллочка обидится? Фред, я ее беру на себя. Все, никаких отворок, и слышать не хочу! Собирай вещи, через неделю вылетаем. Пока... Уф! — Эди облегченно выдохнул. — Да, нелеткая это работа — из богота тащить бегемота... Так, что же почитать на сон прядущий? Не хлебом единым, как говорится, тем более что с хлебом сегодня напряженка. Что тут у него имеется в запасниках? — Эди внимательно посмотрел на скромную книжную полку сиротливо спиртанную за шкафом. — «Секс и мы», «Любовь будничного дня», «Искусство быть мужчиной» — да, хо-

рошенький набор джентльмена! — присвистнул Эди. — А, вот! «Эрос невозможного!» Ингресно, что же может быть невозможного в эросе? — Эди открыл книгу. — «Инстинкт самосохранения защищает человека, двойственный инстинкт про-должения рода меняет его и возрождает в новом качестве...» Ингресно, что это за двойной инстинкт? Да, начитался Ленчик этих книг, от них, видно, и честь набрал новых — то-то его Девушки наперебой домогаются! — Эди захлопнул книгу. Спать не хотелось. — Позвонить, что ли, Любе? — Эди набрал номер ее домашнего телефона.

— Да, — утром подтвердили свое присутствие на другом конце провода. — А кто ее хочет? Эди? Вы? А что так поздно? Люба спит уже.

— Фима, кто это? — Эди услышал недовольный голос Любы. — Хозяин твой. Сам не спит и другим спать не дает, — недовольно проворчал Фима. — Сейчас идет, ложитесь.

— Алло, это вы, Эди? У вас что-то случилось? — удивленно-радостно откликнулась Люба.

— Любочка, извини, что поздно, просто я подумал: может, в ресторан сходим, что-то я проголодался, ну, если ты можешь, конечно...

— Завтра славать? Только что позвонили? Они что там — с ума сошли?! — Люба сделала недовольный голос. — Ну, если вы просите, я, конечно, приду. Фима, мой хозяин просит на работу срочно подъехать: завтра проект надо сдавать, ему только что позвонили.

— Куда это ты собралась? Ночь на дворе — пусть сам в такое время работает, если ему надо.

— Фима, я не могу отказаться, это же моя работа!

— Плевать я хотел на твою работу. Ночью только проститутки работают, а приличные женщины дома сидят. Не поедешь никуда! Сказано дома сидеть — значит, сиди. Сейчас Максим вернется — кто его кормить будет? Я, что ли?

— Эди, подбегайте минут через двадцать, я слушаю... Сам и покормишь — не отвалится от тебя кусок! — Люба положила трубку и пошла в ванную.

— А в ванную ты чего направилась? — Фима, шлепая до-машними тапочками, пошел за Любой. — Тебе что, подмыться перед работой надо? — не отставал Фима.

— Остань, глупости не говори, — зло бросила Люба и закрыла перед ним дверь.

— Фимочка, что там случилось у вас? — перепуганная Циля Моисеевна в ночной рубашке вышла из своей спальни.

— Мама, Люба на работу собралась, — пожаловался Фима.

— Какая работа ночью? — не поняла Циля Моисеевна.

— И я ей о том же. А она и слышать ничего не хочет, вот душ пошла принимать.

— А ты куда смотришь? Не пускай — на то ты и муж, чтобы слово веское сказать. Что значит «она уходит»? Может, она и не на работу вовсе? Может, у нее любовник завелся? Говорила я тебе, Фима: не женись на ней! Ты мать ее помнишь? Не помнишь? Зато я ее хорошо знала — немудрено, что и дочка такая же.

— Ну, хватит, мама, ты вечно ею недовольна. Любе начальник сейчас позвонил — что она сказать может? «Не приду»? Так он ее завтра уволит, а жить как будем? Я копейки на стройке получу, хорошо еще, что держат, — какой из меня слесарь? На твою пенсию, что ли? Тебе одной ее на неделю с трудом хватает, а Люба все-таки инженером пристроилась... Дадно! — Фима махнул рукой. — Пусть идет.

— Смотри, Фимочка, тебе с ней жить, не мне. Как бы она свободу не почувствовала. Женщина — она ведь как собака: ей хозяин нужен. Чуть поводок ослабишь — другого хозяина найдет.

— Вы это о чем? Собаку, что ли, надумали брать? — Люба выбежала из ванной в купальном халате. — А вы чего вскочили, Циля Моисеевна? Вроде стали уже. Фимочке помочь решили? Не надо — как-нибудь без ваших советов обойдемся.

— Ты чего, Люба, так с матерью разговариваешь? — вступился за мать Фима. — Она тоже за тебя переживает.

— А не надо обо мне так заботиться, надоело! всю жизнь мне испоганила, всё, я больше молчать не буду, намолчала уже. Не нравлюсь — другую жену своему сыночку ищите! — Люба быстро оделась и выскочила, громко хлопнув за собой дверь.

— Привет! — Люба села в машину и пристегнула ремень. — Поехали отсюда побыстрее.

— Что-то случилось? — Эди медленно тронулся с места.

— Хватит с меня, надоело все, его мамаша, наверно, там меня последними словами кличет. Все ей не так и не то, больше молчать не буду, если не нравятся — пусть на развод подаст. — Любины зеленые глаза метали молнии. — Вся жизнь исковеркали, привыкли командовать мной. Дура я, сама во всем виновата — давно надо было кончать с этим кошмаром. Но ничего: сколько веревочке ни виться — все равно конец будет!

— Что с тобой? — Эди удивленно смотрел на Любу. — Что-то я тебя такой никогда не видел. Ты на себя не похожа, успокойся. — Он нежно положил ей руку на колени. — Остынь, выбрось из головы. Придешь — все уже сгнить будут, а утро вечера мудренее.

— Спасибо, успокой, — Люба скептически посмотрела на Эди. — А ты тоже хорош, нашел время звонить. Ты что, не знаешь, в какой тюрьме я живу?

— Так, и мне уже досталось, — Эди уставо смотрел вперед на дорогу. — Люба, может, тебя обратно вернуть? Я, наверно, что-то не то сделал. — Он развернул машину в обратную сторону.

— Нет уж, поехали в ресторан! Ты что, смеешься надо мной? Представь, как они обрадуются, когда меня увидят! Не хочу! — она упрямо посмотрела на Эди. — Разворачивай обратно!

— Ладно, как скажешь, — Эди покладисто съехал на обочину и развернулся. — А может, тогда уж к Ленчику рванем? Я тебя успокою немного, — Эди обнял Любу за плечи и прижал к себе.

— Поехали куда хочешь, с тобой мне все хорошо. Скажешь на Луну лететь — даже не задумаюсь, — Люба потерлась щекой об Эдину руку. — А хочешь, я от него уйду? Хочешь? Только скажи, — она с надеждой посмотрела на Эдин мастерски исполненный природой профиль.

— Любочка, ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Не подгоняй меня — всему свое время. Дай развестись сначала — там посмотрим. Чего наперед загадывать — жизнь, она ведь все по-своему решает.

— Ну ладно, не буду больше, — Люба замолчала.

— Ты чего молчишь — обиделась? — Эди повернулся к Любе. — Не обижайся, все будет хорошо. Вот мы и подъехали. — Эди остановился возле двухэтажного каменного особняка, ук-

рытого высоким цветущим кустарником. Навстречу, радостно лая, выбежал Рекс.

— Терпеть не могу собак — пожеглась Люба. — Меня одна болонка в детстве укусила — видишь, до сих пор след остался. — Люба показала на глубокий шрам на щиколотке. — Мне потом столько укулов сделали — никогда не забуду.

— Не бойся, Рекс добрый, — Эди вышел из машины и отвел собаку в дом. — Выходи, я его в комнате закрыл.

Люба неуверенно вышла из машины и осмотрелась.

— Как красиво здесь, хорошо твой друг устроился. А ты что, теперь у него жить будешь?

— Да поживу, пока свои дела в порядок не приведу... Проходи, — он открыл входную дубовую дверь и включил свет в гостиной.

— Вот это да! — ахнула Люба. — Красота кака! — она села на огромный синий бархатный диван и скинула туфли. Все, остаюсь здесь навсегда!

— Оставайся, — легко согласился Эди, тоже сбросив туфли и устраиваясь рядом с Любой. — Будем вместе с Рексом стеречь Ленчика квартиру. — Он прижал Любу к себе и вдохнул горько-сладкий запах ее волос. — Как ты пахнешь — с ума сойти! — он начал осторожно расстегивать нескончаемую вереницу пуговиц на ее кофточке.

— Эди, подожди, мы же хотели с тобой поговорить, — Люба попыталась задержать Эдины рвущиеся к ее груди руки.

— О чем, дорогая? Зачем нам говорить, если мы так близки? Давай лучше потом говорить, — он зажал ее рот страстным поцелуем.

Из соседней комнаты раздалось недовольное рычание Рекса.

Люба вскочила с дивана.

— Нет, я так не могу, мне кажется, что он сейчас сюда ворвется и разорвет нас на части.

— Любочка, я же закрыл его, он не может сюда ворваться. Ну, расслабься, иди ко мне, — прошептал Эди и, обхватив Любу за талию, прижал к себе.

— Что это, звонит? — Люба удивленно отстранила Эди.

В дверь настойчиво звонили.

— Не будем открывать! — отмахнулся Эди и прижал Любу сильнее.

— Слушай, они ее сейчас вышибут! Слышишь?

В дверь перестали звонить и стали бить ногами.

— Что за идиоты? — Эди решительно направился к двери. —

Кто это? — зло спросил он.

В ответ дверь залилась непрерывным нескончаемым звонком. Эди посмотрел в глазок — ничего не было видно. Он ширoko распахнул дверь и не поверил своим глазам — перед ним стояла взбешенная Света в зеленой, обтягивающей кофте, подчёркивающей ее безобразно растолневшую фигуру. Не успел Эди открыть рот, как она, оттолкнув его, вбежала в гостиную.

— Я так и знала! — она подскочила к растерявшейся Любе, непослушными пальцами пытаясь застенуть пуговицы на распахнутой груди. — Это ты у меня его украла, стерва уличная! — Она схватила Любу за волосы и потащила за собой по комнате. — Дрянь! Пригрели голы перекатную, так она мужей чужих отбивает! Убью!..

— Ой, больно, больно! — Люба попыталась вырваться из цепких рук Светы. — Оставьте меня! Эди, спаси, она же сумасшедшая!

Эди уже подскочил к Свете и, еле оторвав от Любы, влетил ей две пощечины. Что-то сверкнуло. Эди оглянулся и обнаружил двух фотографов, энергично снимающих эту душщипательную сцену.

— Подонок, ты еще за это ответишь! — Света победоносно смерила взглядом Эди и Любу и гордо направилась к двери. — Пойдете, — она небрежно махнула рукой фотографам. — Достаточно, он мне теперь и за избыток заплатит. Пока, до-рогой! — Света послала Эди воздушный поцелуй. — Поллачешь еще крокодильими слезами! — Она остановилась. — А впрочем, — она сделала паузу, — если надумаешь извиниться, я, может, и приму твои извинения. — Света бросила Эди ласковый взгляд кобры, гипнотизирующей свою жертву. — Я женщина добрая, ты же знаешь. Пока, — она вышла и аккуратно закрыла за собой дверь.

— Эди, что это? — Люба ошарашенно смотрела на Эди. — Что это было?

— Это называется шантаж, — Эди устало присел на перевернутый стул. — Я же тебе говорил: она пока всю кровь не выпьет — не отстанет. Ладно, поехали, — Эди встал.

— Куда? — не понял Люба.

— Я отвезу тебя домой, уже поздно.

— Но я не хочу, Эдика, — в голосе Любы появились слезы. — Я не хочу туда, они меня тоже мучают.

— Люба, — Эди раздраженно собрал разбросанные по комнате вещи. — А ты, чего хочешь ты? Остаться здесь и жить? Ты же видишь: это невозможно, во всяком случае пока невозможно. Она может вороваться сюда в любой момент. Интересно, откуда она узнала этот адрес? Про него знают только мои близкие друзья... — Эди задумался. — Ну конечно, как это я сразу не понял! Она наняла сыщика, Да, опасная женщина... Чего-чего, а этого я от нее не ожидал.

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем ей сычки? — Люба от неожиданности услышанного перестала плакать.

— Ты что, не понимаешь? Она хочет оставить меня без штанов — все очень просто.

— А сычки зачем? — настаивала Люба.

— Чгобы были доказательства моей супружеской неверности. Тогда все права на ее стороне. Так что, дорогая моя, тебе лучше держаться пока от меня подальше — она же может и тебе напакастить.

— Послать Фиме фотографии? А я не боюсь: мне терять нечего. Эди, я же тебя люблю, — Люба с нежностью посмотрела на Эди. Эди отстраненно смотрел в окно, совершенно не реагируя на ее слова. — Ну ладно, поехали, — Люба обиженно пошла к выходу.

На обратном пути Эди молчал и никакие Любины попытки разговорить его не помогли.

— Завтра, если хочешь, можешь не выходить на работу, — задумчиво бросил Эди выходящей из машины Любе. — Если будут дома проблемы — звони. Пока, — он резко тронулся с места, оставив Любу возле подъезда.

Эди и Фред

В АЭРОПОРТУ былолюдно и душно.

— Слушай, Фредик, ты не знаешь, в честь чего такое столпотворение? Вроде не праздники. — Эди удивленно расматривал роящуюся, разнообразно экипированную толпу. — Ничего не понимаю. Такое впечатление, что большая часть народа Израиля решила в срочном порядке проветриться за пределами страны.

— Да они здесь постоянно в полете, ты что, раньше не замечал? — Фреда меланхолично уже раз в двадцатый взвешивал на карманных весах ручную кладь. — Ну вот, опять пять килограммов лишних, — он расстроено вздохнул. — Может, оставить все это барахло в камере хранения? — Он вопросительно посмотрел на Эди, ожидая от него наконец решения этой почему-то никак не решавшейся проблемы. Сколько Фред ни выкладывал вещей из толстой, расpirающей во все стороны, выдавшей виды потертой походной сумки — вес подозрительно не уменьшался.

— Слушай, чего ты там натолкал? Мы же всего на неделю едем — ну зачем тебе вот это? — Эди удивленно крутил в руках огромный футбольный мяч. — Ты что, там в футбол играть собираешься? Или вот эти коньки — мы же на лыжах едем кататься! Слушай, а может, ты и лыжи прихватишь? — Эди заинтересованно открыл сумку и от неожиданности присвистнул. — Фредик, дорогой, я знал, что ты хозйственный мужик, но не ожидал, что настолько. — Эди весело крутил в руках большой чулунный казанчик литров на пять. — Ты что же в нем варить собрался?

164

— А я подумал, может, нам плова захочется, — Фред неуверенно посмотрел на Эди. — Ты думаешь, не брать?

— Так ты бы и рис тогда взял, и мясо.

— Рис я взял, — обрадованно подтвердил Фред. — А вот мясо... — он расстроено посмотрел на Эди. — Я думал, оно растает по дороге. А что, надо было взять?

— Фред, скажи, а где Алка была, когда ты вещи собирал?

— Алка? — он задумался. — Так Алку на работу как раз вызвали. Там у них что-то случилось. Она мне, правда, список написала, но я его куда-то засунул... — Он порылся в карманах и вытащил оттуда кучу каких-то замусоленных бумажек вперемешку с хлебными крошками и сломанными сигаретами. — Вот, может, здесь? — Он присел на корточки и, аккуратно выложив все на пол, стал не спеша перебирать.

— Рейс 223, Тель-Авив — Вена, отправляется через десять минут с шестого портала, — сообщили приятный женский голос.

Фред не спеша продолжал искать записку Аллы.

— Ты знаешь, мне кажется, она осталась дома, — он озабоченно поднял голову на Эди. — Может, пойти позвонить?

— Ты что, не слышишь? Самолет через десять минут вылетает. Побежали! — Эди кинулся к девушке, равнодушно взвешивающей и наклеивающей ярлыки на вещи, отправляемые в багажное отделение самолета. — Ляда в ваши префрасные глаза, я сразу понял, что только вы нам можете помочь!

Девушка удивленно подняла на Эди глаза.

— Пожалуйста, примите у нас побыстрее вещи, — Эди выложил из сумки Фреда футбольный мяч, коньки и чулункос рисом. — А это, если вы не откажетесь, примите от нас в знак сердечной благодарности. Фредик, не надо так нервничать — я куплю тебе новый набор кастрюль, — успокоил Эди Фреда, попытавшегося затолкать чулунко обратно в сумку. — Мы должны через пять минут сидеть в самолете, иначе он вылетит без нас.

К самолету Эди и Фред побежали как раз в ту минуту, когда трап начал медленно отъезжать от борта.

— Стойте! — Эди замаха л руками. — Стойте! — он вытащил билеты и принялся активно размахивать ими над головой.

165

Трап медленно вернулся на место.

— Что же вы так, в последнюю минуту? — широко улыбаясь красивым большим ртом, гостеприимно улыбнулась стюардесса. — Проходите, — она посмотрела на билеты. — Ваши места в бизнес-классе, это здесь, — она махнула рукой в направлении пилотской кабины. — Приятного полета, — она еще раз одарила их белозубой улыбкой. — Вы что-то хотите спросить? — Стюардесса удивленно посмотрела на недвижасьего, внимательно изучающего ее Фреда.

— Нет, нет, все в порядке, — Фред подхватил свою напольную похуевшую сумку и двинулся за Эди. — Слушай, здесь что — все такие красотки? — зашептал он, не успев устроиться в кресле.

— То ли еще будет, — многообещающе подтвердил Эди. — Расслабься, дорогой, это только начало. А пока можешь немало вздремнуть — до ужина еще часа полтора...

Лена

— Танька, ты не занятая? — Лена сидела в своем отгороженном закутке в редакции и, придерживая трубку плечом, печатала на компьютере статью для пятничного номера.

— Лен, ты мою чашку случайно не видела? — загрохотал лохматый Сема, бесцеремонно исследуя содержимое ящичков маленького колченогого стола, доставшегося Лене в наследство от ушедшей на вольные хлеба Ханы. — Это не редакция, а проходной двор какой-то! Уже пятая чашка ноги сделала, — Сема еще раз окинул испуганным взглядом Ленину комнатную и разочарованно, нависывая марш тореадора, вышел.

— Тань, извини, что... — Лена не успела договорить, как в ее комнату влетела бледнолицая долговязая Дина, ответственный за пятничный номер.

— Леночка! — она молитвенно сложила руки и изобразила на своем большеносом лице просительную улыбку. — Выручай, Петя заболел, только что звонил, говорит, писать не могу, голову отключило. Лучше бы ему что-то другое отключило, — это прокомментировала она Петины постоянные заголовки. — Ну, а что я могу сделать, ты же знаешь, какой он классный журналист, когда на ногах... — Дина замолчала, видно, переваривая случайно выскользнувшую из нее фразу. — Ладно, делать нечего. А Ривка еще вчера вечером рожать пошла — странно, да? У нее вроде только восьмой месяц. — Дина удивленно подняла плечи и сделала большие глаза. — Обалдешешь тут с вами! Она сказала, что ей сон вещей был и кто-то ей там строго-настрого приказал бросить все глупости — то есть рабобу, надо понимать, — и срочно рожать, пока не поздно. Хотя, между нами, мне кажется, что ее любовник на побывку из

Сингапура приехал, но это уже не мое дело. Вот, я тебе все рассказала, — она устало вытерла лоб от мелких капелек пота. — Если ты не выручишь — я горю, не порнухой же номер забивать. Лен, умоляю — я тебе за это отпуск выбью, хочешь? Ты же просила...

— Дина, можно, я договорю сначала? — Лена кивнула на телефонную трубку, одиноко лежащую на столе. — Если там, — она постукала по трубке, — мне помогут — нет проблем.

— Леночка, если надо, я могу подключиться, — Дина с готовностью двинулась к телефону.

— Не надо, я сама, ладно? — Лена решительно схватила трубку.

— Хорошо, хорошо, как скажешь, — Дина осторожно пятилась к выходу. — Так я жду, только побыстрее, — она выскочила от Лены и побежала просить Витю. Лена услышала ее молитвенное закивание: — Витенька, умоляю...

— Тань, извини, здесь такой балаган, ты же слышишь... А ты-то сама говорить можешь? Замечательно. Танька, мне твоя помощь нужна. Представляешь, мне сегодня утром хозяйка квартиры позвонила: говори, продлить съем квартиры невозможно — она ее уже продала кому-то, так что я через три дня буду жить на улице, если ты мне что-нибудь в своем мисраде не подберешь. Что значит «где я раньше была»? А откуда я должна была знать, что ей в голову придет ее продать? Оставь, я что, с ней судиться пойду? Ты лучше скажи: есть у тебя что-нибудь?.. Здорово, я думаю, это как раз то, что мне нужно. Можно будет вечером посмотреть? Замечательно! В семь я у тебя... — Лена положила трубку и, тяжело вздохнув, принялась за работу.

Когда Лена подняла от компьютера глаза, часы показывали уже семь. «Надо бежать, — подумала она, — автобус уходит через десять минут, только Иту предупрежу, что задержусь...» Она набрала телефон Иты, соседской девочки, которая сидела с Линочкой в тех случаях, когда Лена не успевала сама забрать ее из садика.

— Ита, у вас все в порядке? Замечательно. Что делает Линочка? Мультики смотрит? Вы кушали курицу?.. Ита, я задержусь еще немного, ты перед сном сдвлай, пожалуйста. Линочке шоко и уложи ее, ладно? Только помой ее перед сном —

скажи, что мама пошла новую квартиру смотреть. Все, целую, — Лена накинута ветровку и побежала к остановке. Подошел автобус, и уже через сорок минут Лена сидела у Тани в мисраде по продаже и съему недвижимости.

— Значит, так: я тебе подобрала две квартиры, — Тана уверенно восседала за столом маленького, казалось, никотуда не ремонтировавшегося мисрада, с важным видом перебирая бумаги. — Одна в нашем районе, первый этаж, две с половинной комнаты без мебели. Хотят 500 долларов в месяц и деньги за год вперед плюс два гаранта. Я пыталась с ними говорить — даже слушать не хотят: у них там три брата в хозяйствах. А вторая — в центре города, возле парка. Этаж шестой, с лифтом и мебелью — три комнаты. Хотят 550, но согласны брать помесично. С чего начнем?

— Может, со второй? — неуверенно предложила Лена. — Все-таки помесично легче платить. Где я столько денег за раз наберу? И потом, там мебель есть, не надо идти сейчас все покупать. У тебя ключи от нее есть?

— Хорошо же ты обо мне думаешь, подруга. Что я здесь, ипряюсь, по-твоему? Конечно, есть, — Тана открыла ящик стола и вытащила большую пластиковую банку из-под крема. — Смотри, — она высыпала на стол кучу разнообразных ключей. — Здесь ключи от всех сдающихся квартир. — Она гордо посмотрела на Лену. — Рони мне полностью доверяет. — Тана порвалась и вытащила из этой кучи пару основных ключей с сиреневыми набадашниками. — Это твои, — она встала. — Ну что, пошли?

Дом, в который они зашли, оказался Лене чем-то знакомым.

— Тань, мне кажется, я здесь когда-то была. — Лена удивленно рассматривала подъезд. — Ну да, точно, эти цветы в кадках возле лифта я уже где-то видела. — Она подняла голову. — И эту лампочку без плафона тоже. — Лена задумалась. — Нет, не помню где. Слушай, Тань, может, это в прошлой жизни было?

Тана непонимающе смотрела на Лену.

— В какой прошлой? В прошлой ты в Москве жила.

— Ну, я имею в виду предыдущее воплощение. Может, я в Израиле жила?

— Ты чего, Ленка, опять, что ли, чего-то начиталась? Выбрось свои глупости из головы — этому дому всего десять лет, а тебе, старой дуре, уже тридцать будет. Никак не повзрослешь, — недовольно проворчала Тана, открывая дверь квартиры.

Лена подошла к окну гостиной.

— Так я и знала — окно в окно. Тань, здесь что, все хотят знать, что у соседей происходит? Смотри, — она открыла настежь огромное, во всю стену окно, как кольчугой, прикрытое трисами. — Там только ужинать начинают, ближе к ночи, да, неплохо ужинают — и супчик куриный с фрикадельками, и селедочка с лучком... Танька, ура! — Лена радостно запрыгала по гостиной и, подхватив Таню, закужила с ней по комнате. — Нашла, наша, наша! — она чмокнула Таню в румяную, упитанную щеку.

— Лен, прекрати! — Тана высободилась и, запыхавшись, упала на старенький кожаный диванчик. — Я знала, что ты ненормальная, но не настолько. Чего ты скачешь по комнате, как блоха, что ты там такое увидела?

— Танька, это же Эдины друзья, ну, помнишь, я тебе про него рассказывала, мы у них в гостях были.

— И когда же это было? Год назад, что ли?

— Точно, год назад, и как это ты запомнила? — Лена с восхищением посмотрела на Таню.

— А чего тут помнить? Мы же с тобой тоже год назад приехали, а Эди твой за все это время так и не объявился, я уже думала: может, он тебе приснился. Но, видно, на этот раз я ошиблась. — Тана встала с дивана и подошла к прикрытому трисами окну. — Друзья его, говоришь? — Она внимательно посмотрела на небольшого мужчину, удобно устроившегося за огромным круглым столом, и крупную женщину, наливаящую ему в тарелку добавочную порцию куриного бульона с вермишелью. — Хорошие друзья, устроенные. — Тана завистливым взглядом окинула со вкусом обставленную гостиную, красиво подвешиваемую торшером на длинной тонкой ножке. — Так что, будешь эту квартиру брать? — задумчиво спросила она.

— Конечно, эту, завтра и договор подпишу. Танька, ты просто прелесть! — Лена быстро пробежала по комнатам. — Ну все,

170

пойдем, мне надо Иту отпустить — ей же завтра в школу. Слушай, а может, это судьба? Я ведь его до сих пор забыть не могу.

— А как же Миша? Я думала, у тебя к нему что-то серьезное.

— Не знаю, — Лена задумалась. — Мне тоже так казалось, но, видно, просто показалось. Понимаешь, Танька, в Мише все хорошо, он же мне так помог тогда, после моего ожога несчастного, если бы не он, даже не знаю как бы я справилась, — но у меня к нему, кроме чувства благодарности, ничего нет.

— Да, Ленка, ты несправима. По мне, так лучше синица в руке, чем журавль в небе. Ну где он, твой Эди, почему до сих пор не появился? Почему не трогало его, как ты здесь одна пробиваешься? Может, ты на работу устроиться не смогла, может, у тебя денег на жизнь нет, да мало ли что... Он же знает, что ты одна-одинешенька с ребенком на руках, в чужой стране... Нет, не понимаю я тебя, я бы такого мужика любить не стала, а ты как будто всего этого не видишь. Придумала ты его себе, Ленка, насочиняла неизвестно чего. Да что с тебя возьмешь — поэт, даже если он и переводчик, в реальности нашей, видно, жить не умеет. А может, я и не права — вот Шмуль жениться предлагает, а я тоже, дура, неизвестно чего жду — принца, видно. Знаешь, а я, пожалуй, соглашусь, — Тана решительно тряхнула головой. — Пойду за него. Он мне вчера кольцо подарил, — Тана протянула вперед руку с тоненьким золотым обручем, в центре которого светилась маленькая бриллиантовая точечка. — Симпатичное, правда? И родителим знакомиться пригласал, они, говорит, рады за него — увидеть меня хотят. Я, Ленка, не поэт, я реалистка — мне прелесть жизни в руках держать надо, я иначе их не чувствую. — Тана задумалась. — А помнишь Костика моего? Уж как я его любила — ничего от него не нужно было, лишь бы рядом был. И чем кончилось? С мамашкой своей остался. А Шмуль меня любит, я же вижу. Невозможно, наверно, чтобы люди одинаково друг друга любят, — так я и решила для себя: пусть лучше меня любят, так надежнее. Так что ты, Ленка, хорошо подумай, прежде чем от Миши отказываться... Ну ладно, пойдем, а то и вправду поздно. А завтра в четыре приходи ко мне на работу, я хозяев вызову, договор составим.

171

— Дина, ты мне отпуск обещаешь, так я сегодня возьму, ладно? — Лена, не смотря на раннее время, уже успела залаковать ящиков пять. — Я вчера договор на новую квартиру подписала, так мне сегодня вещи перевезти надо. Я тебе там на столе все, что ты просила, оставила. Ну ладно, тебе спасибо, — Лена радостно вспрыгнула с дивана и включила новый двухкассетный магнитофон — подарок Миши к Восьмому марта. «Так здесь же никто не празднует, — удивлялась Лена неожиданно тому подарку, — нам на работе даже цветочка не подарили. Нет, я не возьму». — «Леночка, ты что же, если в Израиле, так уже не женщина? А если ты все-таки не отрицаешь этот факт, то я к магнитофону прикидываю кассету самого романтического певца, укротителя женских сердец Хулио Иглесиаса». С тех пор Хулио Иглесиас напетывал Лене слова любви на незнакомом ей испанском языке каждый вечер и, как не странно, до сих пор не надоед. Не то что Миша. Утро началось с его звонка: «Леночка, вставай, на работу опоздаешь». Середина дня тоже можно было сверять по Мише: «Ну, как ты там? Не устала? Отдохни немного, перекуси, я позвоню вечером». Вечером Миша звонил для того, чтобы узнать, можно ли прийти: «Леночка, мы с Каткой к тебе заскочим, если ты не против: девчонки поиграют, а я кассету в видеотеке интересную взял — можно посмотреть». Миша приходил около семи вечера, принесил продукты и неизменно готовил жареную картошку с курицей. «Миш, тебе не надоело картошку каждый день есть?» — удивленно спрашивала Лена, на что Миша равнодушно пожимал плечами и продолжал улыбочно поджаривать ее до коричневой хрустящей корочки. «Если ты хочешь что-то другое, скажи, — просил он. — Мне что, мы с Каткой привыклише — она у меня на этой картошке выросла. Да, Катка?» Маленькая бледная Катя согласно кивала и молча за пять минут опускала тарелку. «Миша, а почему она все время молчит? Может, меня боится?» — осторожно, боясь ненароком задеть Мишу, спрашивала Лена, когда Катя с Линочкой шли играть в Линочкину комнату. «Не знаю, что с ней и делать, — Миша расстроено собирал грязную посуду и аккуратно вымывал ее мыльной губкой. — С тех пор как мать ее ушла, она совсем говорить перестала, представляешь. Ни с кем, кроме меня, и не говорит. Уже к детскому психологу нас от-

павляли — там сказали, что это ее внутренний протест. Должна перерастить». — «Ты извини, что спрашиваю, — Лена не очень хотела влезать в семейные дела Миши, но женское любопытство брало свое. — Твоя бывшая хоть появляется иногда? Ну, чтобы дочку проведать? Она вообще как себя с этим чувствует?» — «Не знаю, — Миша отводил глаза в сторону, как будто даже себе боясь дать определение поступку бывшей жены. — Я ее не осуждаю. Ситуация ее жизненная так сложилась, вот она и выбрала. Бе спутнику ведь двадцать восемь всего, она его на шесть лет старше, он преуспевающий бизнесмен, строгий и деловой подричник. Видно, не захотел чужого ребенка воспитывать, вот она и выбрала — ей с этим и жить. Но ты не думай — она Катку иногда в будни к себе забирает, когда дам ее на работе. Только вот с Каткой проблема: она, когда мать ее звонит, плакать начинает — не хочет к ней идти. Ну, я уговариваю как могу: мать все-таки. Леночка, ты думаешь, я не понимаю всю дикость происходящего? Но не могу я Катю в детский дом отдавать — я же ее воспитываю с года, прикипел к ней.» И, видно, не желая продолжать тяжелый разговор, предлагал: «А может, сходим куда-нибудь, вот в кино хотя бы?» Но Лене почему-то было неинтересно выходить с ним. «А может, я боюсь остаться с ним наедине? — не раз спрашивала себя Лена. — Ну чего я жду, почему не хочу ни к кому приближаться?..» Но позавчера, когда она увидела в окне Алгу и Фреда, радость настолько захлестнула ее, что сейчас, весело вытаскивая из кухонных шкафов посуду и складывая ее в шестой, последний картонный ящик, Лена остро почувствовала свою тоску по Эди, по его нежным рукам, по его успокаивающему и дающему уверенность голосу. И опять, как год назад, ей захотелось крикнуть: «Я свободна, свободна! Сво-бод-на-а!»

В дверь позвонили. Лена открыла и с удивлением обнарудила за ней Таню и Иосифа.

— Ты чего орешь? Тебя на другом конце города слышно. От чего ты так свободна — от долгов, что ли? Так ты меня своими криками все равно не убедил! — Таня, уверенно отодвинув Лену, прошла в квартиру. — И что же ты себе думаешь? — она ткнула пальцем в гору коробок, среди которых скромно стоял телевизор. — Что все это в руках перенесешь? Скажи спасибо, что я Иосифа встретила.

— Леночка, я на вас буду сильно и долго обижен. Ну хорошо, мне вы ничего не сказали, но Миша... я уже ему позвонил, тоже, оказывается, не в курсе таких, можно сказать, кардинальных перемен. Еленочка, что-то случилось? Вы хотите скрыться от нас, не оставив адреса?

— Ну что вы, Иосиф? Просто все произошло так спонтанно — я даже никому, кроме Таньки, и сказать не успела. Думаю сама справиться.

— А друзья на что? Ну, давайте действовать — моя «субару» уже затосковала без настоящего дела. — Иосиф показал на собравшийся багаж. — Ну что, я вижу, все готово, можно выносить? — И он, легко подняв три тяжелых коробки, пошел к выходу. — Я сейчас вернусь. Без меня прошу ни к чему не прикасаться — уж доставьте удовольствие.

— Тань, — Лена недовольно посмотрела на подружку. — Ну зачем ты это представление устроила? Я бы и сама справилась — у Иосифа и без меня проблем хватает. Ты же знаешь: ему к экзаменам готовиться надо, у них же собеседование через неделю.

— Ленка, подружка я тебе или нет? Меня больше твои проблемы интересуют — твои, а не его. Ничего, не развалится твой любимый Иосиф, только здоровее будет. Физический труд благотворяет мужчине — не все ж ему головой работать. Пусть мышцы развивает, умник, ему бы только мировые проблемы решать, — довольное парировала Таня. — Ладно, я вижу, ты уже собрала все? Тогда я убежала — у меня встреча с клиентом через полчаса. Представляешь, пришел один, кстати, ну очень симпатичный и, по-моему, при хороших бабках. Ищет пентхауз в новом доме, но только с видом на море. Мне, говорит, без этого вида квартиру не предлагайте. Сумасшедший, да? Не все ли ему равно, куда окна выходят. По мне, так хоть на соседскую крышу, пентхауз же. Но хозяин — барин. Недаром говорят, что у богатых — свои заходы. Кстати, — Таня гордо подняла голову, — я вчера с родителями Шмулика познакомилась, но об этом потом. Я к тебе вечером забегу, — она послала Лене воздушный поцелуй и степенно вышла, постукивая тонкими каблуками, поднимаящими ее над обычной олимпийской жизнью сантиметров на пятнадцать.

К вечеру Лена чувствовала себя так, как, наверное, чувствуют себя космонавты на космическом корабле. И хотя ее тело все еще подчинилось законам земного притяжения и продолжало с трудом, но касаться каменных ледяных плиток новой квартиры, душа, как будто оторвавшись от реальности, парила где-то под потолком. От усталости закрывались глаза и страшно хотелось лечь. Но Танька, восседавшая на обеденном кухонном стуле, не могла остановиться.

— Лен, ты себе не представляешь, как они меня встретили! Я как к двери их квартиры подошла — чувствую, меня ноги не держат: дрожь какая-то противная от головы до ног пошла. Ну, думаю, умру от страха! Не знаю, и чего это со мной было, я ж не из пугливых, ты же знаешь. «Шмуль, держи меня покрепче, — говорю, — а то у меня голова сильно кружится». Шмуль так перепугался, что мне его держать пришлось. Короче, так мы и зашли — плечо к плечу. Мамашка его нас как увидела — тоже побледнела вся. К ней папашка подбегает: «Что, Хана, случилось?» А она так заторможенно: «Воды, воды неси скорее!» Ну, он и принес, я даже не заметила, как он и отошел — отлетел, наверное, — ну так вот, и что ты думаешь? Она эту воду выпила? Ничуть! Она этой водой в Шмулика плеснула — примехонько ему в физиономию. Я аж захохоталась от возмущения. Ну, думаю, дела здесь: может, это у них вместо здравств, ну, обычай такой. Я говорю: «Вам, конечно, и вечер добрый, но попрошу-ка полотенце и срочно — любимого оботру от материнских приветствий, и уйду — так вы меня здесь и видели». Ну, они, наверно, такую горушку в первый раз видели — мамаша глаза закружила, ну, чистая гусыня, и давай вокруг нас крути делать. «Чего кружите?» — спрашиваю, а сама себе за спину заглядываю: может, у меня там что необычное появилось: чего это она там у меня за спиной нашла. «Шмуль, — говорю, — это что, ритуал такой: сначала водой, потом крутами? Я, пожалуй, домой пойду, как-то неспокойно мне здесь», — и к дверям. А папаша так лихо подсакивает — и двери на ключик закрывает. Ну, тут у меня голова уже по-настоящему закрыжилась. Все, думаю, конец мой пришел, теперь не выбраться отсюда. И вдруг, представляешь, затворил папаша, я-то уж думала, что он немой, ничего, затворил, да еще так интеллигентно: «Танюша, — говорит, — как мы рады вас видеть, а уж

ждали вас как — с нетерпением!» — «Вижу, — говорю, — ваше нетерпение у меня на платье нарядном подсыхает. Ну ладно, — говорю, — чего между близкими людьми не бывает!» А сама от мамашки за Шмуля пряхушь — мало ли ей еще чего в голову придет? «Может, нам в другой раз зайти? Сегодня мы, видно, не совсем к столу», — «Вот именно, какая вы, Танечка, право, умница! Именно к столу!» Под руку меня берет и в гостиную их — ну, такую среденькую, — Тани презрительно скривила губы, — заводит. А там стол огромный, белой скатертью покрытый, а на нем тарелки — я таких больших и не видела никогда. Ну, думаю, хоть покормит по-человечески, ну, после ужасов этих, хотя, если честно, кусок, думала, в горле застрянет. Ну, я села как приличная, Шмуля возле себя поближе посадила — в случае чего, сама понимаешь, жду, может, скажут чего, ситуацию осветят. И представь, все прояснилось: мамаша его, оказывается, от нечего делать на курсы там всякие оккультные ходит — заметно, у нее крыша, видно, от них совсем поехала. Так это обряд такой, оказывается, права я была: если девушка матери покажется, сыну в морду воду лить надо, а потом крутами, крутами — ну, чтобы вместе мы были, надолго и счастливо... Слушай, Ленка! — Тани аж подпрыгнула на стуле. — Я вспомнила: это же в африканских племенах обычай такой, а потом они ритуальные танцы танцуют у костра, а ж это по телевизору видела. Хорошо хоть костра не было, кстати, мяса тоже не дали. Представь: я после их объяснений расслабилась, так спокойно мне стало. Ну, думаю, сейчас бы съесть чего... Тут мамашка на кухню идет, и папашка тоже туда собирается, наверняка ей в помощь, видно, самой ей не справиться, шуршат там чего-то минут десять, и что, ты думаешь, они выносятся? Я от злости чуть Шмуля не стукнула, в последнюю секунду сама себя за руку поймала! Папаша впереди идет с блюдом, а на нем арбуз такой бледный розовеет — не сезон же, не знаю, где они его откопали, а сзади мамаша с ножами и вилками. Я думала, они просто с десерта начинают, может, здесь так принято. Ничего подобного! Не поверишь: больше ничего не дали, хотя нет, вру, воды минеральной предложили на дорожку. Зато пообещали, Ленка, горы золотые и помощь до конца дней наших, а может, их... что-то я не совсем поняла. — Тани озабоченно посмотрела на Лену. — Ну, ничего, я

176

завтра у Шмуля выясню. — Она соскочила со стула, и, видно, только сейчас разглядев бардак, царящий в квартире, спохватилась. — Лен, может, тебе помочь надо? Так я сейчас! — Она с готовностью схватила открытый ящик с посудой и потащила его на кухню. — А что же друг твой Миша не пришел? Это ж для него работа — разбирать, собирать, он же инженер, ты говорила...

— А при чем здесь инженер? — не поняла Лена.

— Как при чем? Деловой человек, значит, ну в смысле порядка. У тебя эти коробки так и будут стоять (что я, тебя не знаю?), ты же человек занятой — мысли там всякие у тебя бродят — мешают на быте сосредоточиться.

— Танька, умоляю, умерь свой пыл. Я спать хочу, с ног падаю. Ты хоть иногда устаеть, или и ночью полы натираешь?

— Ну, как хочешь. Насильно, как говорят, мил не будешь. — Тани обижено засобиралась домой. — А Мише позвони, не дури. Все, я ушла, — она посмотрела на часы. — Ого, время-то как пролетело, двенадцать скоро, и выпавду на боковую пора. Все, я убежала. Если понадобится — звони. — Она махнула на прощанье рукой и скрылась за дверью.

177

Фред

— Фред! Фред, ты меня слышишь? — Эди осторожно тронул записованную руку Фреда.

— Где я? — еле слышно промывчал Фред, с трудом открывая глаза. — Аллочка, ты здесь, — он умиротворенно улыбкулся, — значит, я дома.

— Фредик, бедный мой, это я во всем виновата, — Алла незначительно вытерла набегавшие слезы. — Я думала, что ты отдохнешь здесь, наберешься сил... бедный мой мальчик, ну конечно, ты же никогда не ходил на этих дурацких лыжах, — Алла заботливо промокнула салфеткой влажный лоб Фреда и укоризненно посмотрела на Эди. — Доверила тебе самое дорогое, друг называется, куда же ты смотришь?.. Маленький мой Фредичек, ну конечно, куда же ты без мамочки! — снова запричитала она.

— Ну, хватит! — взорвался Эди. — Тебя послушать, можно и вправду подумать, что я во всем виноват. Не мог же я его к себе привязать, я ж ему кричал: «Фредди, стой, стой, черт тебя побери!» — Эди устало сел на стул и виновато посмотрел на Аллу. — Ты думаешь, я не переживаю? Но что я мог сделать? Это дурацкое дерево, я тебе клянусь — его там раньше не было. Слушай, — Эди задумчиво посмотрел на Аллу, — ну конечно, как это я сразу не понял: его, наверное, ночью туда посадили. — Совсем обалдел! — Алла покрутила своим мощным пальцем у виска. — У тебя-то с головой все в порядке? — Она подозрительно посмотрела на Эди. — Слушай, а ты случайно не падал? Ну, головой ни обо что не ударился?

— Да ну тебя, Алка, правда, мы по этой горе с Фредиком не один раз катались. Ну не знаю, как это так вышло, — Эди расстроенно замолчал.

178

— Ладно, делать нечего, что случилось, то случилось, — Алла тяжело вздохнула. — Если бы ты знал, как меня напугал своим звонком! Думала, не долечу — всю дорогу себя всякими жуткими мыслями изводила, спасибо, что так все закончилось, — Алла с болью посмотрела на записованную Фредову руку. — Ты же сказал, что он в больнице, а дальше я уже и не слышала ничего: бегом к началству — что бы вы мне ни говорили, а я должна срочно улетать, у меня муж в торах разбился. И бегом в турагентство, хорошо, там моя знакомая, сразу мне билет на ночной рейс организовала... Ну ладно, рассказывай, как это случилось.

— Алка, ну ты же знаешь, все было прекрасно, Фред за это время даже кататься научился, да и я, кстати, тоже молодость вспомнил — мы уже и вещи на завтра сложили, и подарки тебе закупили. Вот невезуха, надо же было этому случиться, но ты не волнуйся, самое страшное уже позади. Врачи сказали, что Фред в рубашке родился, если одним передом руки отделился. Ты не смотри, что он слегка не в себе, это он после наркоза отходит, ему же кость выправляли — вот полегит здесь несколько дней и сможешь его домой забирать, — Эди бодро похлопал Аллу по руке. — Все будет хорошо, не переживай, а номер в гостинице я тебе снял, прямо рядом с нашим, так что давай-ка ездай, отдохни с дороги, небось всю ночь глаз не сомкнула, а я здесь с Фредиком посижу, а вечером билет попробую поменять — не оставлять же тебя здесь одну.

— Ну, это ты брось, — Алла устало пригладила спутавшиеся волосы. — Я уж тут теперь сама разберусь, ни в какую гостиницу я не поеду, буду с Фредиком здесь. — Она задумалась. — А если ему ночью пить захочется? Сам подумай: кто ему воды подаст? Негуж, хватит с меня, — она хозяйским взглядом окинула больничную палату. — Нам тут места хватит, а ты не думай, ездай, у тебя же билет.

— А знаешь, Алка, — Эди посмотрел в окно, за которым нарядно белели высокие, запытые ярким мартовским солнцем горы, — что-то не хочется мне обратно. Может, через Киев полететь: сто лет уже с мамой не виделся, да и со всеми нами. Наверное, изменились все. Да и все вокруг наверняка другое... — Эди решительно встал со стула. — Все, полечу через Киев, раз уж так все случилось.

179

— Ну, не знаю, не знаю, — Алла неопределенно пожала плечами. — Кстати, недавно мне Бенчик звонил, просил вызов сделать, говорит, что такого баллана, как сейчас, он не помнит. Бююсь, говорит, как бы их перестройка нашей перестройкой не закончилась.

— А кто это Бенчик? Что-то я не помню такого, — задумался Эди.

— Ну ты что, не помнишь, толстенный такой, маленький, на параллельном курсе учился. Ну, Люсю помнишь?

— Так бы сразу и сказал! Кто же Люську забыть может, такую-то красотку-полнотку! Так это тот, который возле нее вечно торчал, что ли? — Эди удивленно посмотрел на Аллу.

— Да, этот. Он, между прочим, все-таки ее муж, уже лет десять, наверно, — Алла что-то быстро прикинула на пальцах. — Ну да, точно десять лет. А кстати, — она вытащила из сумки толстый потертый блокнот, — вот и номер его — позвони ему, когда приедешь, ладно? Скажи, что я для них все оформила.

— Аллочка, ты здесь? — раздался слабый голос Фредди.

— Я с тобой, котик мой, с тобой, мой миленький, — засуетилась Алла. — Лучше тебе? Может, ты кушать хочешь? — она бережно прикрыла выдолбшную волосатую ногу Фредди простыней.

— Питть, — жалобно попросил он, — питть...

— Сейчас, мой хороший, сейчас! — Алла вкочила и, плеснув воды из стеклянной немецкой бутылки кока-колы, вернулась к Фредду. — Вот, попей... — Она по-матерински прижала его седую голову к своей большой груди. — Вот так, хорошо, еще немножко... Ну что, легче тебе? — заботливо спросила она и осторожно опустила Фредди на подушку.

— Спасибо тебе, — Фредд зловоровой рукой прижал руку жены к губам. — Если бы не ты, Аллочка... — На его глазах выступили слезы.

— Ну хорошо, друзья, не буду вам мешать. — Эди встал. — Думаю, вы уже без меня справитесь, а я пойду.

Он тихо закрыл за собой дверь и вышел в прохладный, морозный, чужой март Венн, чтобы на следующий день войти в родной, близкий своими неповторимыми запахами детства и праздника подснежников и первых тюльпанов март Киева.

Эди шел по улицам, наполненным музыкой капели и шумом большого города, и ему казалось, что не было этих пятинадцати лет, промелькнувших как один день, казалось, что только вчера он шел по этим каштановым аллеям, только начинавшим выбрасывать в небо весенние стрелы побегов. Но нет, город казался знакомым и незнакомым одновременно, как любимая книга, которую перечитываешь и неожиданно для себя обнаруживаешь что-то такое, чего не замечал раньше: откуда-то возникли новые улочки и переулки в странно неухоженных одеждах домов, прохожие неуверенно прятали глаза в промокаший мартовский асфальт, и даже воробы, казалось, потеряли скандальный азарт уличных попрошак — они, нахохлившись, сидели на электрических проводах и, безнадлежно потряхивая перьями, безразлично смотрели по сторонам.

— Мама, так что же у вас тут происходит? — Эди сидел на небольшой кухне своей киевской квартиры, в которой прошли его детство и юность, и с болью смотрел на мать: она постарела, волосы совсем зарасили белым, глубокие морщины покрыли лицо плотной сетью, даже глаза, ее ярко-синие глаза, казалось, потеряли такую привычную яркость, яркость надежды.

— Как я счастлива, Эдичка, что ты тогда все-таки уехал, — Роза с любовью и грустью погладила Эди по ежиков седящих волос. — Знаешь, ведь я не хотела тогда, чтобы ты ехал, думала, что ты по молодости своей горячишься. Помнишь, как мы спорили у дяди Сени? А ты знаешь, он мне тогда кричал, что голову свою готов заложить, что ты вернешься, — Роза задумалась. — А может, он просто меня успокоить хотел, очень уж и тогда переживала. — Она нежно посмотрела на Эди. — Все-таки единственный ты у меня.

— Мама, ну сколько раз я тебя звал ко мне, сколько умолял... Почему ты не хочешь? Тем более сейчас, когда здесь такое происходит. Я тебя в сотый раз прошу: поехали, ну поехали, мам, тем более что... — Эди неуверенно замолчал.

— Что-то случилось? Почему ты замолчал? — Роза заглянула Эди в глаза. — Ты что-то скрываешь от меня? — Она опустила глаза на скатерть и провела рукой по ее шершавому телу. — То-то я чувствую — неспроста ты приехал... Ну, расска-

звнай, сыночка, рассказывай, от матери ведь все равно ничего не скроешь.

— Мам, я не хотел тебя расстраивать, но так уж случилось — я развожусь со Светой. Я уже и заявление на развод подал, — Эди виновато посмотрел на мать.

— Разводитесь? Ну и слава Богу, — Роза облегченно вздохнула.

— Мам! — Эди удивленно смотрел на мать. — Это ты мне говоришь? Да я ушам своим не верю. Что же ты раньше молчала?

— Вмешиваться не хотела, ждала, когда ты сам к этому решению придешь. Всему своей срок. Не переживай, сынок, еще встретишь свою половинку, даст Бог.

— Мам, а давай вместе жить будем. Я квартиру нам куплю, ты будешь меня после работы ждать, мои пироги любимые печь, а по выходным мы с тобой будем на море ездить, в парке гулять... Посехали?

— Нет, сыночек, не могу я, всю жизнь здесь прожила, и старость здесь встречать буду. Да и тебе это ни к чему — не одной ты должен вечера и выходные проводить... Случнику тебе подлить?

«Не хочет больше на эту тему говорить», — подумал Эди и, зная мать, ее упрямый, сильный характер, решил не настаивать.

— Нет мам, спасибо, я тут с Венчиком встретиться договорился. — Эди с трудом поднялся из-за стола. — Уф, ну и накормила ты меня! Так я побегу, ладно?

— Надолго ты? — заволновалась Роза. — Смотри, ночью здесь в метро ездить опасно, да и по улицам лучше не ходить.

— Мам, ну что ты, я такси возьму, не волнуйся. Да, совсем забыл! Помнишь, у меня блокнот был ну, такой серый, толстый?

— Эдика, все твои вещи я в шкафу сложила — посмотри, — она открыла дверцу старого, пропахшего временем дубового шкафа.

— Чего здесь только нет! — ахнул Эди и, вытаскив из-под толстой книги в красивом переплете свой старый студенческий блокнот, быстро перелистал его. — Вот, нашел, — Эди радостно подошел к телефону и набрал номер.

— Здравствуйте, можно Софу?

— Софочка, тебя к телефону, — нежно позвал мужской голос.

— Агло! — легко отозвалась высокое, такое знакомое Софино сопрано.

— Софа, здравствуй, это Эди, если ты, конечно, помнишь...

— Эди, ты? Эдика, ты откуда?! — радостно закричала Софа. — Такая слышимость, как будто ты из Киева говоришь.

— Софа, ты как всегда, утадала. Я вчера приехал, и, конечно, первый звонок — тебе. — Эди пригнулся голос. — Я надеюсь, что не помешал? Я как-то упустил, что ты можешь быть дома не одна.

— Эдика, ну что ты! У меня замечательный муж, он все понимает, тем более что я про тебя ему много рассказывала. Знаешь, ты обязательно должен прийти к нам! — Софа на секунду задумалась. — А приходи прямо сегодня, у нас вечером гости: у Славика моего — день рождения, ладно? Я вас позвала, думаю, вы друг другу понравитесь — вы чем-то похожи. Приходи — тут и поговорим обо всем, хорошо?

— Спасибо, Софа, я обязательно приду, хотя и не знаю, удобно ли это. — Эди неуверенно покашлял.

— Эди, а ты все такой же робкий? Не может быть! — Софа весело рассмеялась. — Столько лет прошло...

— Ну что ты, Софочка, это я только с тобой такой. Конечно, я изменился. Ну ладно, вот сегодня и посмотришь, каким я волком стал. Так до вечера, жди.

— Мама, — Эди нежно обнял и поцеловал в висок подошедшую к нему мать. — Мама, я приду сегодня очень поздно, меня пригласили на день рождения, так что не волнуйся.

— Кто же это уже пригласил? — удивилась она. — Ты же только вчера приехал.

— Помнишь Софу? — Эди улыбнулся.

— Софу? — удивленно протянула Роза. — Как не помнить, уж сколько я ночей не спала — ждала, когда же ты придешь. Софу, значит, помню, только я до сих пор не понимаю, что же у вас тогда случилось?

— Мама, ничего не случилось, просто надоел я ей тогда, а может, мне просто показалось из-за того, что ехать она со мной не хотела, не знаю. — Эди неуверенно посмотрел на мать. — Ладно, мама, чего сейчас былое ворошить, я пойду, не волнуйся.

— Позвони мне оттуда, чтобы я была спокойна, хорошо, сыночек?

— Обязательно, мама, пока. — Эди надел замшевую новокупленную в Австрии куртку и легко бежал по каменным, промытым временем ступенькам детства...

Встреча с Бенчиком прошла как-то скожканно и оставила у Эди непонятное ощущение безнадёжности и тревожности. Бенчик выглядел уставшим и испуганным, спрашивал о жизни в Израиле и, боязливо отглядываясь по сторонам, почему-то шепотом рассказывал Эди о разрастающихся, как грибы, антисемитских организациях.

— Слышишь, старик, — Бенчик преданно заглядывал Эди в глаза, — вчера к подъезду подхожу, а там списки какие-то висят. Ну, я заглянул, — он расстроенно почесал свою лысину, — а там, представь, одни Абрамовичи да Шнерсоны. Ты понимаешь, о чем я? Вот так, — он тяжело вздыхал, — бежать надо отсюда, в стране виноватых ищут, боюсь, быть погромам. Ты пойми меня правильно, я за семью боюсь, не за себя, у меня ж двое деток, Люська вот работу бросила, с утра их в школу ведёт, потом из школы встречается, нет, это не жизнь здесь. А у вас там как? — Его глаза загорались надеждой. — Я вот недавно фильм смотрел, из Сохнута нас пригласили. Такая страна красивая, если б кто рассказал — не поверил бы. Крутом цветы, вода, зелень, прямо как в раю. А я думал, там пустыня, да, — он гордо поднимал голову и становился похожим на слегка поизносившегося орла. — Не зря говорят, что евреи великий народ...

«Да ведь и я сам пятнадцать лет назад был таким же оптимистом», — поймал себя на мысли Эди, плавно покачиваясь в такт вагону вечерней электрички, забытой усталыми, обозлёнными тяжелой беспросветностью людьми с серыми лицами и поташпими глазами.

Да, мечты, мечты... Действительно, евреи великий народ, великий народ в рассейнии. Куда исчезает страсть истинной борьбы, желание осознать свое место, свое предназначение в данности пространства и времени? Когда еврей попадает в свою страну, сначала начинается борьба за выживание (оплатить бы съёмную квартиру), потом — борьба за нормальное существование (квартиру купить, машину, мебель в дом, чтобы не хуже, чем у друзей-знакомых) и наконец — спокойное, размеренное почесывание языками ни о чем, в прохладе

кондиционированных, комфортных, купленных в долг домов-кредостей, заглядывающих в свои прожорливые утробы бывшие идеалы русских евреев, под убаккивающую сознание музыку пенящегося разномастного пива в прозрачных кружобокх бокалах обьденности.

Дверь открыла Софа. Нет, не та Софа с осинной талией и пыльными круглыми бедрами тридцатипятилетней, еще не рожавшей женщины, которая, закутав плечи шалью и печально всматриваясь в майский, заполненный запахами весны вечер, решительно сказала «нет». Это была другая, повзрослевшая, располневшая, слегка выдающаяся Софа, но глаза (Эди от неожиданности даже зажмурился), ее глаза светились, как и прежде, в них прыгали веселые зайчики неумолимого Софиного оптимизма, ее вечно молодой души.

— Эдька, ты! Ну, здравствуй, — Софа тепло обняла Эди. — Здравствуй, залетная птица, — она взяла его за руку и провела в небольшой салон, где уже сидела оживленная, празднично одетая компания, с любовью разглядывающая незнакомого гостя. — Знакомьтесь, это Эди, мой гость из Израиля. — Софа ласково посмотрела на Эди. — А ты не изменился, такой же красавец мужчина. А это мой муж, — кивнула она на подхождшего к ним небольшого роста, немного сутулящегося мужчину с теплой, приветливой улыбкой протыгивающего Эди руку. — Славик. Наслышан, слышан, очень рад познакомиться. Проходите, мы вам место возле Софочки придержали, вот так, сюда. Волка, коньяк? С вас штрафная, — он налил в прозрачный хрустальный фужер красную, настоящую на клокве водку. — Давайте выпьем за мою любимую жену, за ее прекрасную улыбку, за ту любовь, которую она дарит мне вот уже двенадцать лет, за счастье видеть ее рядом, спасибо тебе, моя родная, за тебя! — Славик аккуратно выпил до дна свой бокал и сел рядом с Эди. — Я слышал, вы инженер?

— Откуда вы знаете? — удивился Эди.

— От Софочки, конечно. Она мне рассказывала о вас. — Слава вытер губы салфеткой. — Продолжаете заниматься этим в Израиле или сменили род деятельности?

— Почему сменил? — удивился Эди. — Продолжаю.

— Замечательно. — Славик удовлетворенно кивнул. — Если так, у меня к вам деловое предложение имеется.

— Какое? — еще больше удивился Эди.

— Поговорим об этом отдельно. Я вам завтра позвоню, если не возражаете, и мы это обсудим где-нибудь за чашкой кофе. А сейчас, друзья, — Слава приподнялся из-за стола, — у меня созрел новый тост. За нашего дорогого гостя!

— Софа, — Эди нагнулся к маленькому, в тяжелых бриллиантовых серьгах, такому знакомому уху Софы. — Скажи мне, а чем занимается Славик?

— Славик бизнесмен, или, по-нашему, владелец кооператива, должна тебе сказать, достаточно процветающего, — Софа с уважением посмотрела на мужа. — Он у меня финансовый гений. А что? Он тебе уже что-то предложил? — Она легко засмеялась. — Не удивляйся, при всем его великодушном мажорном характере он очень деловой человек, — она заговорщицки снизила голос. — С ним можно иметь дело — не пожалейшь... Слава, — Софин прозрачный голос зазвенел над оживленно жующими гостями, — сегодня твой день, и мне бы хотелось сказать тебе спасибо, я хочу, чтобы меня услышали все: ты сделал меня по-настоящему счастливой...

Неделя, проведенная в Киеве, закончилась как-то внезапно, закончилась и неделя в Москве, которую Эди провел вместе со Славой в гостинице «Националь» у метро «Площадь Революции» — в самом сердце столицы, встретившей Эди совсем грязного, тающего за день снега и букетиками мимозы, грустно предлагаемыми пожилыми, бедно одетыми женщинами каждому проходящему мимо них прохожему. В морозном воздухе зимы уже чувствовалось весеннее настроение, безрадостное весеннее настроение марта 1990 года.

Эту молодую, красивую женщину с ребенком Эди заметил еще в аэропорту, когда она, глядя перед собой невидящими глазами, глядела по головке девочку, так похожую на нее. «Странно, — подумал Эди, — почему ее никто не провожает? Ведь не может быть, что у нее нет родных и близких в этом городе», — она выглядела настоящей москвичкой. Когда началась регистрация, Эди, пробравшись сквозь толпу распаренного, утомленного ночным рейсом люда, незаметно пристроился за ней, и не зря — их места в самолете оказались рядом. «Я обязательно помогу ей», — решил Эди, увидев, как горестно всхлипнула во сне Лена, как растерянно и настроенно

открыла глаза, когда он бросил, казалось бы, ни к чему не обязывающую фразу: «У вас что-то случилось?»

Все закончилось как-то нелепо, расстались они, казалось, всего на один день, но этот день никак не заканчивался. С того момента, с момента их последней встречи у нее на кухне, после хлебосольного приема у Аллы и Фреда, прошел почти год — сумасшедший, тяжелый год развода со Светой и почти безвылазного торчания в Москве: волка, ночные разговоры со Славой и безжалостный, сумасшедший ритм нового бизнеса, казалось, истрептали нервы окончательно.

«Если бы не эта временная передышка, я бы бросил все к чертовой бабushке», — подумал Эди, устало припарковываясь возле дома Аллы и Фреда. С тех пор как он вернулся в Израиль, прошло уже две недели, и все это время он безуспешно пытался отыскать Лену — трубку поднимал кто-то со скрипячим, старческим голосом и раздраженно повторял, что понятия не имеет, кто такая Лена. «Наверно, прошлая жилищка, мы здесь всего неделю квартируем, не знаю я, где, она мне не докладывалась...» — трубку кидали, и Эди долго в каком-то оцепенении слушал непрерывные короткие гудки, пустые гудки несбывшейся надежды.

Квартира светилась чистотой, солнечный зайчик весело подрагивая и подмигивая, переметнулся с Лениной руки на широкую вазу синего стекла, наполненную фруктами, потом на огромный темно-коричневый шоколадный пирог, лично изготовленный в честь новоселья Мишей, и, вроде успокоившись, осел на Танином предобручальном кольце, осветив волшебным ярким светом маленькую, еще секунду назад почти незаметную точечку бриллианта.

— Шмуль, — капризно позвала Тана Шмуля, в поте лица сражавшегося с курицей, возлежавшей на огромном керамическом блюде и, видимо, не собиравшейся сдавать свои позиции без боя. Ее коричневые, зажаренные в духовке бока глинцево отгиwały на солнце, не желая поддаваться тупому, не-симпатичному ножу, нацеленному на ее девственную красоту и неповторимость. — Ну иди же сюда! — Тана поманила его своим толстенным пальчиком в ярко-бордовом норотке. — Смугри, какая красота, — она показала на сверкающий и как

будто увеличившийся в размерах бриллиант своего тоненького колечка. — Ты знаешь, что я хочу? — она улыбнулась Шмулю своей сладкой улыбкой кошки, наконец поймавшей свою добычу. — Я хочу новое колечко, но камешек в нем должен быть, — Тана в задумчивости подняла глаза к потолку, — ну хотя бы раз в пять больше, чем этот. — Она кинула презрительный взгляд на свою руку. — Это только при специальном освещении носить не стыдно. Правда, ты мне такое на свадьбу подарить?

Шмуль жалобно посмотрел на Таню, как-то неловко закапаясь и, глотнув воды из стакана, предупредительно протянул Таниной ласковой рукой, закашлялся еще больше и выскочил из комнаты.

— Тань, ты чего мужика доканываешь? — Лена устало присела рядом с подругой.

— А он что себе думает? — Тана недовольно посмотрела в сторону кухни, из которой все еще доносились захлебывающийся кашель ошарашенного Шмуля. — Что этим вот так называемым сувениром меня завоевать можно? Ничего, Ленка, не волнуйся, — Тана уверенно похлопала Лену по руке, — изыщет средства. Что я, не вижу, за кого идешь? Не слезая, слава Богу — это его просто жаба душил, жалко денежки тратить, — еврей он или не еврей? Но ничего, я его раскулачу — будет знать, с кем дело имеет... Дадно, давай, зови всех к столу, начинай пора, что-то я проголодалась. Миша, Иосиф, ну где вы? — закричала Тана требовательно. — Давайте за стол — курица стынет...

— Леночка, тебе салатик положить? — Миша изогнулся и, дотянувшись все-таки до крабового салата, стоящего на другом конце стола, с величайшей осторожностью переложил его Лене в тарелку. — Еще? — он ласково заглянул ей в глаза. — Ты что-то совсем осунулась. Смотри, щечки ввалились, тебе кушать надо, а ты сидишь ворон считаешь, давай еще курицу поешь — смотри, какая красивая...

«Странно он все-таки со мной разговаривает, — подумала Лена, неохотно ковыряя вилкой куриную ножку. — Как будто я маленькая девочка, а он мой папа, хотя да, он же меня лет на пятнадцать старше, — Лена оценивательно искоса посмотрела на Мишу. — Да нет, не выглядит он старым, подтянут еще луч-

ше, чем некоторые молодые, ни живота, ни сутулости, можно даже сказать, что хороши собой, особенно для мужчин. Для них ведь внешность — дело десятое».

— Миша, — Лена посмотрела прямо Мише в глаза, — а почему ты такой внимательный ко мне, заботливый? Я себя рядом с тобой чувствую десятилетней девочкой какой-то, — Лена пожала плечами. — Я себя уже так лет пятнадцать не чувствовала, с тех пор как от родителей в институт уехала.

— Лена, — Миша как-то глухо кашлянул. — Лена, я давно хотел тебе сказать...

— Я хочу что-то сказать, — вдруг вытянулся во весь рост Шмулик, вытирая салфеткой вспотевший от напряжения лоб. — Мы сегодня все вместе, все друзья, — он с трудом подобрал русские слова, но почти годовое тесное общение с Таней дарвало свои видимые результаты. — Я должен сказать напротив вас всех, что мы с Таней, — он глубоко вздохнул, как пловец, набирающий воздух перед длинным нырком, — хотим жениться и хотим видеть всех вас у нас на свадьбе через три месяца. Шмуль облегченно выдохнул и чуть не свалился на пол, как видно, во время торжественной речи случайно отодвинув от себя стул.

— Да что ж ты у меня такой нечуткий?! — в сердцах воскликнула Тана, своими крепкими ручками схватив Шмуля за рукав белой рубашки. — Ох, намалось я с тобой, чувствует мое сердце, ох, намалось! — она посадила его на стул и стряхнула крошки со стола возле его тарелки. — Всем ты, Шмуля, хороши, но растерянный какой-то, — она нежно приладила неизменно стоящий на его голове ежик. — Дадно, — Тана подставила щеку для поцелуя. — Целуй, Шмулькин, пока я добрая.

— А можно и нам слово свое бросить? — двухметровый Иосиф неловко завис над небольшим круглым столом. — Леночка, много не скажу, но признаю, что рад и даже очень рад, если не сказать больше — счастлив нашей тогдашней, с виду как бы случайной встрече в этом огромном амбаре под названием «пункт по получению противозачаточных». Как вы знаете, Леночка, все в этом мире не случайно, это нам только кажется, что вот вдруг внезапная встреча, случайный звонок, неожиданная радость. Уж больно хочется нам думать, что мы вращаем этот мир. Но на самом деле не мы управляем миром, не нам

Дано знать о том, что готовит там, за поворотом, судьба, мы можем лишь всем сердцем благодарить ее за проявленное к нам благоволение. Так вот, Леночка, вот сейчас, за этим гостеприимным столом, я хочу сказать судьбе спасибо за нашу встречу, за встречу родственных душ. Я навсегда ваш поклонник, Леночка, поклонник вашего светлого, доброго отношения к этому миру. За вас — будьте счастливы! — Иосиф прикоснулся стаканом с шампанским к своим красивым, как будто выточенным рукой талантливого скульптора губам. — Ох, хорошо! Наташка, пошли танцевать, — он обнял маленькую Наташу за плечи.

— Какая красивая пара! — Лена заливовалась плавными, чувственными движениями Иосифа и Наташи. — Вот пара как будто созданная друг для друга. — Лена встала и подошла к окну. Там, за окном, на темно-синем, почти черном небе уже зажглись первые звезды, запахи цветущих апельсинов кружили голову под хриплым, ласкающим, волшебный тенор Хулио Иглесиаса. Он пел о страстном, мучительном, всепоглощающем желании двух душ и тел слиться в одно единое, непросторжимое существо, он пел о вечной любви.

— Можно тебя на танец? — Миша нежно взял Лену за руку и вывел ее на середину полуустой гостиной. — Я давно хотел сказать тебе, — Миша осторожно и робко прижал Лену к себе. — Леночка, я понимаю, что я намного старше тебя, у меня на руках дочь, и вообще такой женщине, как ты, наверно, нужен другой мужчина. Но все-таки, может, мы можем попробовать, может, ты согласишься выйти за меня? — Миша крепче прижал Лену к себе. — Леночка, почему ты молчишь, почему остановилась? Ты не хочешь танцевать, я обидел тебя? — Миша удивленно посмотрел на Лену. Его поразили ее глаза — казалось, в них зажегся какой-то яркий, сверкающий, незнакомый ему до сих пор свет — свет счастья. Лена смотрела мимо Миши куда-то в пространство перед собой. В открытом настежь окне соседнего, почти вплотную стоящего дома стоял высокий, подтянутый мужчина и неотрывно смотрел на Лену жадным, радостным взглядом своих «крыжовенных», темно-зеленых глаз.

— Эди, — еле слышно прошептала Лена и, как запиннотизированная, шагнула ему навстречу...

190

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Под знаком перемен, или Любовь эмигрантки» — первая «полнометражная» прозаическая книга Ирины Маулер, перывый ее роман. До сих пор она была известна как поэт и бард: за годы, прожитые в Израиле (с 1990 года), она завоевала любовь слушателей и зрителей. Ее глаза давно приковали к себе внимание зала, ее мелодии и стихи надолго запомнились благодарным посетителям концертов. Она давно и хорошо известна и в России, и в Израиле, и во многих других странах.

Но время идет, и человек-творец приходит к прозе — пусть не всегда, но этот процесс естествен и никого не удивляет. Вряд ли эту книгу можно назвать просто романом о любви или определить просто как женский роман: он в меру бытописателен, в меру психологичен, в меру эротичен... и обрывается на полуслове, оставляя читателям возможность ждать продолжения книги — или домыслить его самим.

Ирина Маулер — автор поэтических сборников «Лирософия» (1996) и «Бег над временем» (2001), а также альбомов «Осенний листопад» (2003) и «Желтая роза» (2004). Она профессиональный художник — пишет маслом, занимается графикой; ее работы регулярно появляются на выставках.

Композитор, поэт, художник, артист, а теперь еще и прозаик — не много ли? Нет, в самый раз. Полифоничность творчества Маулер тем и привлекательна, что тот, кто открывает в нем новую страну, не обречен утешаться радостью от «повторения пройденного». Это поиск всё новых и новых форм в языке, в сюжете, в лабиринтах мышления.

Словом, прочтите роман, послушайте диски, перелистните поэтические сборники. Тем временем, хочется верить, появятся новые.

Евгений Викторовский

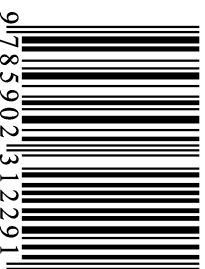

Содержание

<i>Глава первая. Лена и Эди .....</i>	<i>3</i>
<i>Глава вторая. Эди и Света .....</i>	<i>29</i>
<i>Глава третья. Лена и Ганя .....</i>	<i>41</i>
<i>Глава четвертая. Эди и Люба .....</i>	<i>54</i>
<i>Глава пятая. Света .....</i>	<i>70</i>
<i>Глава шестая. Лена .....</i>	<i>75</i>
<i>Глава седьмая. Лена, Ганя и Иосиф .....</i>	<i>86</i>
<i>Глава восьмая. Света .....</i>	<i>94</i>
<i>Глава девятая. Света и Габи .....</i>	<i>98</i>
<i>Глава десятая. Нахум .....</i>	<i>102</i>
<i>Глава одиннадцатая. Эди .....</i>	<i>104</i>
<i>Глава двенадцатая. Лена .....</i>	<i>122</i>
<i>Глава тринадцатая. Эди .....</i>	<i>146</i>
<i>Глава четырнадцатая. Эди и Фред .....</i>	<i>164</i>
<i>Глава пятнадцатая. Лена .....</i>	<i>167</i>
<i>Глава шестнадцатая. Фред .....</i>	<i>178</i>
<i>Е. Витковский. Послесловие .....</i>	<i>191</i>

ISBN 5-902312-29-9

9 785902 312291